

Пешком до Луны

Адалин Шоу

Часть первая	4
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	27
Глава 8	31
Глава 9	34
Глава 10	39
Глава 11	42
Глава 12	54
Глава 13	59
Глава 14	71
Глава 15	75
Глава 16	79
Глава 17	81
Глава 18	85
Глава 19	88
Глава 20	95
Глава 21	99
Глава 22	104
Глава 23	108
Глава 24	116
Глава 25	122
Глава 26	125
Глава 27	129
Глава 28	133
Глава 29	137
Глава 30	142
Глава 31	145
Глава 32	149
Глава 33	151
Глава 34	154
Глава 35	158

Часть вторая	160
Глава 36	161
Глава 37	164
Глава 38	168
Глава 39	171
Глава 40	176
Глава 41	178
Глава 42	182
Глава 43	187
Глава 44	194
Глава 45	199
Глава 46	203
Глава 47	208
Глава 48	210
Глава 49	213
Глава 50	216
Глава 51	221
Глава 52	225
Глава 53	229

Часть первая

Как я стала собой

Глава 1

Модный ресторан в центре города. Кругом мужчины в стильных костюмах с небольшими приемниками в ушах и жутко деловитым видом. Женщины на каблуках порхают словно птицы: одна спешит на свидание, вооружившись модным клатчем и ярко-красной матовой помадой, другая – бизнес-леди – в строгом костюме насыщенного синего цвета и с едва заметной розовой брошью на левом верхнем кармане пиджака – проблеск бунтарской натуры. Блестящая розовая птица кричит: «Я не пленница серых костюмов идеального покроя, я живу настоящей жизнью, и пусть даже не всегда следую правилам здешнего общества, где каждый делает то, что должен, и верит в так называемую систему».

Я вижу всё это сквозь огромное окно, напротив моего столика из светлого дерева с резными углами. Вижу мир, который кипит страстями, мир, в котором люди вечно куда-то спешат и всё равно опаздывают. Иногда они даже не понимают, зачем они делают то, что делают, а лишь следуют установленным какими-то идиотами «законам существования».

Бегут люди, бегут стрелки на недавно купленных за бешеные деньги наручных часах цвета металл, а я всё сижу и думаю, много думаю: о родителях, сестре, лучших друзьях и даже о незнакомых мне людях – о том, кто они, кого любят, кого ненавидят, куда торопятся.

Мне уже некуда торопиться. Я нашла свой мир, который до безумия люблю и в котором плаваю как рыба в воде. Перед вами сильная и смелая мисс Брэй, маленькая частичка огромного шоу-бизнеса.

Сидя на стильном, но в то же время ужасно неудобном, высоком барном стуле, обитом шоколадного цвета кожей с золотыми заклепками, я потягиваю кофе, хотя, если честно, терпеть его не могу. Открыт ноутбук, рядом – ежедневник и ручка-паркер – атрибуты успешного человека, профессионала в своем деле, человека видного, значимого, сильного духом, обладающего своим стилем. И что уж точно у такого человека есть, так это пара бумажек в кармане, которые он не будет беспокойно пересчитывать и откладывать на «чёрный день» и которыми легко сможет расплатиться за кофе.

Мечта сбылась – я, Мишель Брэй, обедаю в «Континентале», где чашка капучино стоит больше, чем полное издание «Войны и мира». Могу ходить по лучшим бутикам, салонам и ресторанам, быть в центре внимания самых завидных парней и посещать закрытые вип-вечеринки. Сегодня на мне пышная юбка из мягкой сетки и жёлтого атласа, замшевые изумрудные туфли и розовая блуза с колье из разноцветных треугольников. Укладка и новый цвет волос – решила сменить привычный блонд на насыщенный

каштановый оттенок. Идеальный дневной макияж подчеркивает глаза. У меня есть всё: лучшая в мире работа, красивая одежда и даже кружка отвратительно дорогого кофе.

– Вставай, уже пол седьмого. В школу опоздаешь!

Вот и закончилась прекрасная сказка о девочке, которая мечтала покорить большой город. Открываю глаза и вижу звезды. Ими украшена потолочная плитка. И пока что это единственные звезды, до которых я могу достать рукой.

– Как? Уже пол седьмого? – из сонного состояния выводит осознание того, что вовремя на литературу я точно не приду. – Я же просила, в шесть! – Сбрасываю с себя одеяло и бегу в ванную, но оказываюсь перед запертой дверью. – Сэм, вылезай, я опаздываю!

– А мне плевать, – слышится за дверью.

Да как так можно? Мало того, что мне приходится жить с ней в одной комнате, так ещё и терпеть все её закидоны. Саманта – моя младшая сестра, ей тринадцать. Ох уж этот переходный возраст: черные футболки на пике моды, вечное залипание в компьютере и знаменитое «я вас всех ненавижу». А ведь могла же вырасти нормальной девочкой. Но пока что это белокурая бестия, ростом всего-то метра полтора, превращающая мою жизнь в кошмар. У нас разница в возрасте всего четыре года, но ощущение, будто в вечность.

Делать нечего – я вернулась в комнату, упала в кресло и начала вспоминать прекрасный «Континенталь», кожаный стул и отвратительно дорогой кофе. И вдруг мысль о возможном кофейном пятне на желтой атласной юбке прервалась внезапным озарением.

На прошлый новый год в игре «Тайный Санта» мне подарили ежедневник. Правда, я его даже не открывала. Не видела смысла. Да и что мне писать? «Привет, дневник! Сегодня я позавтракала и опоздала на литературу»? Ну нет, бред какой-то.

Но сейчас что-то щелкнуло в моей голове – быть может, заработал рычаг смелости и стремления к новой жизни? Я подбежала к столу, достала дневник с полки и на обложке фиолетовой ручкой вывела надпись:

История о девочке, которая хочет взобраться на высокую сцену, проникнуть в мир шоу-бизнеса и самых лучших вечеринок. Словом, покорить этот большой, необъятный, величественный город. История обо мне, пока что семнадцатилетней Мишель Брэй.

Я воодушевилась: моя жизнь будет услышана, и пускай только этими хрустящими страницами. Моим мыслям большего и не надо. Спустя семнадцать лет хаоса, я наконец, поняла, чего я хочу. Мысли выстроились в ровный поток. Решено! Найти себя, найти свой путь и проживать каждый день так, как некоторые не проживают и целую жизнь.

– Иди в свою ванную, бесишь уже – надуту проговорила Сэм.

Но я уже никуда не спешила, я была занята вещами поинтереснее. Думала о своём сказочном сне и писала, писала, писала. Однажды я слышала, что если много о чём-то думать, записывать свои желания и цели, то они обязательно станут правдой. Как говорит мама – мысли материализуются. И вот, строчка за строчкой я приближалась к своей мечте. Из старшеклассницы Мишель за одну страницу выросла Мисс Брэй, готовая горы свернуть.

17 октября. Рождение мыслей.

Я человек мыслей. И больше всего я думаю. Думаю о том, кто я, и где в этом мире моё место. А вдруг я никогда не смогу добиться желаемого? Остаться одинокой и непризнанной с вагоном устаревших целей и несбывшихся надежд за спиной – хуже всякого провала.

Хорошая карьера – вот что мне нужно. Это лекарство от всех болезней, и само осознание того, что я найду себя, захватывает меня волной счастья. Мне нужна капелька везения и веры в себя. Я точно знаю, что хочу ходить с папкой, полной документов и фотографий, заклеить всю стену стикерами с важными поручениями, общаться с сотнями людей и находить лучшие решения, успевать сделать невозможное в самые короткие сроки ради одного волшебного момента – момента, когда у тебя уже всё спланировано, и ты с лёгким волнением смотришь на результат.

Я хочу жить этим городом: наслаждаться его лучшими вечеринками, общаться с лучшими людьми и работать в любимом месте. Делать то, что приносит тебе неподдельный кайф – это и есть реальное счастье.

Одно только «но». Работы как не было, так и нет. И найти её настолько непросто, что, кажется, проще научить собаку есть китайскими палочками. Но сегодня я мечтательный оптимист, и, надеюсь, это теперь не просто настроение, а состояние души. Ведь если не верить, ничего не получится. Каждому нужно во что-то верить.

Если подумать, любое открытие начиналось с мечты – мечты о том, что постучав камень о камень, можно получить огонь, или о том, что освещать жилище можно не только керосином. Если бы человек не верил в вещи, казавшиеся с первого взгляда невозможными, он бы не открыл колесо, лампочку, телефон, компьютер. Он бы так и не узнал, что Земля круглая. Одни верят в Бога, другие в потусторонний мир и волшебных существ. Верить можно во всё, даже в бургеры.

Я верю в людей. Я верю в них, потому что они могут сделать невозможное возможным. Надеюсь, моё невозможное скоро рассеется, и откроется «О дивный новый мир»¹, только не такой пугающе дивный, каким его описывал Хаксли.

В надежде и вере наша сила. В умении ставить цели и добиваться их – наша смелость. Так начнём же путь через тернии к звездам!

Мечтательная и пока что семнадцатилетняя

Мишель Д. Брэй

– Мишель, я так понимаю, в школу тебе сегодня не нужно?

– Прости, мам, уже лечу! – На часах семь. Ну нет, сегодня я точно не опоздаю!

Надеваю голубые джинсы, натягиваю серую футболку с логотипом «Рэйнольдс», на ходу накидываю красную клетчатую рубашку и бегу в ванную. Щелчок дверного замка, на волосах уже резинка, открыла кран. Умывшись, смотрю в зеркало.

– Сегодня ты сможешь невозможное и даже больше, Мишель Брэй!

¹ «О дивный новый мир» – антиутопический сатирический роман английского писателя Олдоса Хаксли (1932).

Глава 2

На улице уже ждёт синий «опель», и облокотившийся на капот мой лучший друг Алекс. Из машины рукой машет Джей.

– Привет, дурёха! Сегодня я на переднем сидении. Давай быстрее, мы не на шутку опаздываем!

Дженнифер Эддингтон – моя удивительная подруга ещё с шестого класса. Она изо дня в день не перестает меня удивлять. Смелая, независимая, свободная как птица, она делает, что хочет, и, может быть, поэтому у неё плохие оценки и постоянные вызовы к директору. Мы с ней разные, но она моя Джей, и я не променяю её ни на кого другого. Темноволосая высокая барышня в кожаной жилетке и рваных джинсах с горящими глазами и ярко-красными губами – её вы точно не пропустите. Джей – наша отвязная тусовщица, в общем-то, сестра своего брата, правда, того ещё придурка. И благо, Джей на этот счёт абсолютно со мной согласна. Как говорится, в семье не без Эвана, или в моём случае – не без Сэм.

Эван старше её на год, но иногда мне кажется, что младше на шесть. Его жизнь – это друзья, алкоголь и футбол и девушки, много девушек, очень много девушек. Как он играет с таким процентом алкоголя в крови, я до сих пор удивляюсь, а вот что насчёт девушек – так у Эвана их столько, что хватит на десяток гаремов. Каждая ночёвка у Дженнифер – это повод познакомиться с новой моделью, черлидершей, стилистом, фотографом или даже студенткой по обмену из Китая.

Сажусь на заднее сидение нашего «опеля», Алекс врубает музыку и нажимает на газ.

Школа, школа... Дайте подумать. Пожалуй, я даже не буду скучать. В этом огромном трехэтажном здании из красного кирпича нет совершенно ничего привлекательного. Только уроки, оценки и прочая ерунда.

Заглядываю в шкафчик, беру тетради и вприпрыжку подбегаю к Алексу.

– А ты сегодня отлично выглядишь! В честь чего это? А ну, рассказывай, для кого принарядился?

Алекс сегодня и впрямь отличился: голубая джинсовая рубашка, полосатая бело-голубая бабочка – последний раз он надевал её год назад на школьный бал – и темно-коричневые брюки. Не поспоришь: этот прикид идеально подчеркивает его взъерошенные волосы, нос с горбинкой и пронзительный взгляд голубых глаз. С Алексом мы общаемся с самого детства. И вот сколько я его помню, он всегда был преданным фанатом джинсовок и клетчатых рубашек, но никак не бабочек и лакированных туфель. Хотя сейчас нам уже по

семнадцать, а значит, всё меняется. Даже не верится, что это последний год в школе. Впереди маячит немного пугающая, но такая манящая взрослая жизнь.

Пятнадцать лет назад в подгузниках и ходунках, а сегодня уже ученики выпускного класса: я, невысокого роста, в своих любимых джинсах и собранными в хвост длинными светлыми локонами, и он, высокий, худощавый парень с русыми непослушными волосами. Про таких как Алекс говорят – харизматичный малый; умный и находчивый, решает все проблемы, а главное – никогда не бросит в беде. За это я и люблю своего Алекса.

– Сегодня приезжает отец. Хочет, чтобы я сходил на встречу с его другом, он заместитель директора в одной крупной компании. Говорит, они могут взять меня на практику.

– Алекс, это же отличная новость!

– Да, но Мишель, ты же знаешь, я могу хакнуть сайт школы, чтобы подправить оценки Джей, но никогда не думал о том, чтобы заниматься этим всерьёз.

– Это твоё, это то, что ты любишь и умеешь делать. Конечно, они не попросят тебя взломать сайт правительства...

– А жаль, – с улыбкой добавил Алекс.

– Но ведь ты талантлив и сможешь стать выдающимся... Эм... компьютерщиком?

– Я программист, Мишель, – смеясь, исправил меня Алекс. – Компьютерщик – откуда ты вообще это слово взяла? Ну хорошо, на встречу я схожу, но только без этого, – он расстегнул бабочку и закинул в шкафчик.

– Она тебе и не нужна. Главное, что ты это ты, и нет никого, кто справится с этой встречей лучше. Послушай, мне нужно забежать к мисс Уоррен, она попросила помочь с кастингом, так что увидимся в классе!

Когда я вошла в актёрский зал, он уже был забит старшеклассниками. Дело в том, что сегодня кастинг на участие в спектакле «Пешком до Луны». Сценарий этой постановки я написала уже давно и предложила полгода назад в порядке бреда. Как видите, руководительница театра, мисс Уоррен решила её реализовать, хотя и не получит за это ни гроша, потому что школа не выделяет премии на работу театрального кружка. И только если нам удастся сделать что-то действительно стоящее, у нас будет шанс получить деньги на другие постановки.

– Итак, сегодня состоится отбор в актёрскую труппу спектакля... – благодаря громкоговорителю голос разлетался по всему залу.

Кто-то толкнул меня в плечо, я уронила сценарий.

– Прости, пожалуйста, – посмотрев на меня, шепнул зеленоглазый парень. Он на секунду задержал взгляд и стал быстро собирать листы сценария.

– А, вот и претендент на роль главного героя! Наш новый ученик Ричард, – пропела мисс Уоррен. – У него замечательные рекомендации из прошлой школы. Просто находка для нашего театра. Ричи, поднимись на сцену!

– Кажется, это меня зовут, – подавая мне листы, сказал парень, а я будто в прострации была. – Эй, не спи! – он улыбнулся.

– Ах, да. Прости, что-то задумалась, – я забрала сценарий и начала нервно перебирать листы.

– Ричард Нэш, рад знакомству, – и он протянул мне руку.

– Мишель Брэй, крайне удивлена... и тоже очень рада, – смущенно улыбаясь, я пожала его сильную руку.

– Ещё увидимся, Мишель Брэй, – снова улыбка, и он убежал к мисс Уоррен.

Я собралась с мыслями и поспешила туда же.

– Сценарий, как вы знаете, написала наша ученица и автор идеи этого спектакля Мишель Брэй. Мишель, тебе слово.

– Итак, всем привет. – На меня пристально смотрел зеленоглазый красавчик. О, да что за чёрт. Так, ладно, Брэй, не дрейфь! – Этот спектакль, – начала я воодушевлённо, – может решить судьбу нашей школы. Поэтому мы все должны выложиться на сто процентов. Стилисты, визажисты, техники, но самая большая ответственность падет на актёров. Не столь важно, какой костюм будет на главном герое, главное – это чувства, которые он сможет донести. Ваша задача и сейчас, на отборе, и на самой премьере сделать так, чтобы мы видели не людей, разодетых в разноцветные шмотки, а любовь, дружбу, предательство, зависть. Нам нужны эмоции, переживания, а не наигранный пафос. Многие никогда не играли в театре, но нам не нужна игра, нам нужна жизнь. Удивляйте, вдохновляйте, оживляйте скучную театральщину бурными страстями жизни! Всё в ваших руках! – проскандировала я.

Зал молчал. С края первого ряда слышались медленные, отдающиеся эхом хлопки – аплодировал Ричи. И вдруг, все стали аплодировать. Я почувствовала себя лучше, чем когда-либо.

– Отличная речь, Мишель! – Через громкоговоритель прямо мне в ухо прокричала мисс Уоррен.

Я улыбнулась и посмотрела на Ричи, он улыбнулся в ответ.

«Да начнётся волшебство», – подумала я.

«А ты не промах, Мишель Брэй», – подумал Ричи.

Глава 3

24 октября. С первого взгляда.

Можно ли влюбиться с первого взгляда? Эта тайна навсегда останется тайной, ведь люди даже не могут найти точные доказательства, которые помогут понять, что ты влюблён. Каждый испытывает это чувство по-особенному, а некоторые вообще путают его с чем-то другим.

И, наверное, даже хорошо, что эта тайна навсегда так и останется тайной. Некоторым секретам лучше жить за пуленепробиваемой железной завесой. Так, в жизни останется хоть какая-то загадка.

Влюблялась ли я с первого взгляда? Этот вопрос ставит меня в глубочайший тупик. Но с той самой встречи прошла неделя, а я до сих пор только и думаю, что о прекрасном Ричи. Хотя, вряд ли это можно назвать влюблённостью. Ведь мы даже не разговариваем.

Как и следовало полагать, Ричи получил роль главного героя, и теперь я вижу его чаще, чем своих друзей. Кстати, две репетиции в день в течение недели принесли плоды. Скоро премьера, и школа стоит на ушах: парни из оргкомитета под руководством Алекса работают над светом и музыкальным оформлением, а девочки из кружка домоводства шьют костюмы и создают декорации. Мисс Уоррен уже пригласила фотографов из двух подростковых журналов, организаторов конкурса школьных театров и представителей нескольких агентств, занимающихся подготовкой фестивалей и концертов.

Возможность получить деньги у нас определено будет, если Миранда и Питер (они играют роли друзей Ричи) больше внимания уделяют эмоциям, а не продолжают нудно скандировать заученный текст, к тому же с запинками.

Что же до Ричи, так он оказался хорош во всём. Я бы даже сказала, слишком хорош. Единственный, кто его действительно не любит, так это Эван. Он считает, что Нэш хочет отобрать у него жезл популярности. Хотя кажется, Ричи совсем не важно, как его воспринимают окружающие. А так называемый жезл популярности Эвана – это вообще из области фантастики.

Тем не менее, пообщаться с Ричи наедине мне так и не удалось. Меня, как ассистента миссис Уоррен, каждый, кому не лень, хотел видеть 24 часа в сутки, но только не Ричи. Интересно, дело в том, что я ему не нравлюсь, или в том, что Миранда уделяет ему столько внимания, что хватило бы на огромную японскую семью? Но как бы там ни было, он всё равно каждый раз приветливо машет мне рукой в столовой.

Так кто же ты такой, Ричи Нэш? И откроешься ли ты мне?

Возможно влюблённая и пока что семнадцатилетняя

Мишель Д. Брэй

Я закрыла дневник, положила в ящик стола и поспешила на улицу.

Как обычно, наша троица на «опеле» подъехала к главному входу в школу. После трех уроков мы уже сидели в столовой, и Джей впопыхах рассказывала главные сплетни, которые сегодня с утра успела подслушать в женском туалете.

– Я вам говорю, он переезжает в Мичиган, а значит, теперь химию будет вести тот молодой красавчик-практикант.

– Джей, от этого твои семестровые оценки не улучшатся, – усмехнулся Алекс.

– А вот и улучшатся. Ты посмотри на мои ноги, они заслуживают пятерки, – Джей закинула ногу над столом и провела рукой вдоль бедра. – Кстати, как у тебя дела с твоим симпатягой Ричи, Мишель?

– Ну, во-первых, он не мой, а во-вторых, кажется у Ричи уже есть воздыхательница.

– А, ты про Миранду? Не волнуйся, он на неё даже не смотрит. Зато за тобой этот Нэш буквально следит.

Я посмотрела на Алекса, он поднял брови в знак согласия.

– Кстати, вот и он.

Я подняла голову. В столовую вошёл Ричи в сером джемпере и с растрепанными волосами. Даже эта растрепанность была ему к лицу.

– Чёрт возьми, а он очень хорош, – сказала Джей.

Ричи оглядел зал пленяющим взглядом своих зеленых глаз, и, увидев меня, радостно улыбнулся и замахал рукой.

– Мишель, помаши ему в ответ! – завопила Джей.

– Тише ты, а то подумает, что я и правда в него влюбилась.

– А разве не влюбилась? – монотонно отозвался Алекс.

Я опустила глаза, улыбнулась и, кажется, даже немного покраснела. Спустя минуту мимо прошел Ричи.

– Приятного аппетита, Мишель Брэй, – он подмигнул мне.

«И тебе, Ричи Нэш», – подумала я, но сказала:

– Мы же скоро увидимся? Эм... Точнее да, мы скоро увидимся, ведь... Скоро репетиция. Да, репетиция!

– Какой позор, – продолжила я, когда Ричи уже был в нескольких метрах от нас.

Джей и Алекс переглянулись и, как само собой разумеющеюся, сказали почти одновременно:

– Определённо влюбилась.

– Сто процентов.

– Алекс, – я ехидно прервала всеобщее восхищение моим новым кумиром, – мы так и не услышали от тебя ответ. Как прошло собеседование?

– Ну... – сухо начал он. – Меня взяли!

– А не чересчур ли ты счастлив для человека, который не особо то хотел попасть в это место, – поглощая фруктовый йогурт, заметила Джей.

– Джей, ты не поверишь. Чувак, которого отец рекламировал мне, как успешного директора крупной фирмы, оказался просто обалденным! Двадцатиминутное собеседование шло два часа. Сначала мы обсуждали работу, а потом он угостил меня дорогим коньяком, с условием, что папа не узнает, и рассказал, как в молодости работал под прикрытием в одной фирме, занимающейся нелегальной продажей оружия.

– Алекс, да это же просто супер! Ну, в смысле, нелегальное оружие – это не супер, конечно... В общем, я очень-очень рада за тебя.

– Ну вот, – протянула Джей, – теперь я самая безработная из самых безработных.

– Джей, не драматизируй. Я тоже безработная...

– Но амбициозная! – Джей многозначительно указала пальцем в небо.

– Я очень рада за тебя, Алекс.

– Официальный стажер, а по совместительству хакер к вашим услугам, – Алекс улыбнулся, развел руками и сделал поклон головой.

После школы мы заскочили в «Лорен Хаус», наше любимое кафе на Милборн-стрит. Как обычно, шестой столик справа у окна, официантка Нэнси, молочный коктейль, овощной салат и куриные наггетсы.

– Как Майкл? – спросила я у Нэнси.

Майкл – восьмилетний сын двадцати восьми летней Нэнси. Его отец, Ник, шесть лет назад ушел к стриптизерше, бросив бедную Нэн одну с маленьким Майклом. Иногда я помогала ей и с малышом, пока Нэн работала за троих, чтобы устроить Майкла в детский сад. Сейчас у Нэн большие проблемы с деньгами – в прошлом месяце Майкл тяжело заболел, и все деньги им пришлось потратить на лечение. Нэн уже заложила дом, но малышу нужны ещё две операции.

– Майклу сегодня лучше. Кстати, он всё спрашивает, когда ты зайдешь.

– Я обязательно забегу сегодня или завтра, тем более, у меня есть подарок! Мы с Алексом и Джей скопили немного карманных денег, так что скоро у Майкла появится машинка на радиоуправлении.

– Ребята, вы чудо! Но мне как-то неловко брать у вас что-то. Вы ещё школьники, а я в силах заработать и сама.

– Нэн, тебе сейчас нужна помощь, и нам это не составляет труда. Позволь нам помочь, это от чистого сердца, ведь мы все любим малыша Майкла! Даю слово, когда-нибудь я найду деньги на операции, и мы с ним снова сходим на его любимую игровую площадку.

На глазах Нэн выступили слёзы. Она вздохнула и, развернувшись в сторону кухни, дрожащим голосом сказала:

– Ну, я за наггетсами. Они, кажется, уже готовы.

Когда Нэнси ушла, Джей спросила:

– Мишель, ты очень к ней добра, но скажи на милость, где ты собираешься найти несколько тысяч долларов? Зачем ты вселила надежду в Нэн, если даже для себя таких денег достать не можешь?

– Я уверена, я найду способ. Ведь речь идет о жизни Майкла, Джей!

– Я хочу верить, но ты же сама знаешь, твоя тётя умерла от того, что мы не успели найти деньги на операцию.

– Джей, не надо, – вмешался Алекс.

– Ничего... – ответила я.

Очередное напоминание о тёте Норе. Я даже потеряла аппетит.

– Как бы я не любила Майкла... Его спасёт только чудо.

– Да, Джей, чудо! Но это чудо не произойдет, если мы будем сидеть и ждать, пока Нэн принесет дурацкие наггетсы! – я соскочила с дивана. Я сорвалась, мысль о тёте Норе не давала покоя. – Нора умерла, потому что мы не дали ей это чудо! Я не дала ей его!

Джей сидела молча.

– Мишель, не надо. Это было год назад, и ты в этом не виновата, – начал успокаивать меня Алекс. Он всегда вставал между мной и Джей, когда мы ругались. – Нора была прекрасной, и ты знаешь, её все любили. Мы найдем способ помочь Майклу! Обязательно найдем!

Я опустилась на диван. Воспоминание о моей родной Норе выгнало из головы всё: даже мысль о Ричи Нэшэ.

– Прости, Мишель... Я не хотела, – начала Джей.

– Вы правы. Мы не виноваты... Никто не виноват, – сказала я отстраненно.

Нэнси вынесла поднос с наггетсами.

– О, кажется нам уже принесли дурацкие наггетсы, – улыбнувшись, сказал Алекс. И мы засмеялись.

Секунду назад мне хотелось разрыдаться, уйти прочь из кафе и никогда сюда не возвращаться. Так же я чувствовала себя год назад, когда умерла Нора.

А всё-таки хорошо, что у меня есть друзья. Когда мне грустно, они смешат меня наггетсами. Как же хорошо. И уже почти не грустно.

Глава 4

Тёте Норе было двадцать девять, когда врачи обнаружили у неё сердечную недостаточность. Для моей мамы, её старшей сестры, это прозвучало как приговор, а я верила, что она справится. Норе нужна была пересадка сердца, но у нас не было такого количества денег, чтобы достать ей новый «моторчик».

Когда Нора лежала на больничной койке, она шутила и рассказывала, как в будущем выйдет замуж, и у неё будут две прекрасных дочки. Одну она назовёт Мишель, в честь своей «мечтательной до умопомрачения племянницы». Но замуж Нора так и не вышла. Она умерла через полтора года после обнаружения диагноза – не дождалась нового сердца.

Нора владела небольшим ночным клубом на Сент-авеню. Когда она заболела, и перестала приходить на работу, заместитель не побрезговал скинуть со стола её вещи. Он нашел статью в уставе клуба, гласящую: «Если управляющий не может по каким-либо причинам появляться на работе более четырёх месяцев, все права переходят ко второму уполномоченному лицу». Да, это закон. Но как же он беспощаден! Нора потратила годы, чтобы стать самой лучшей на свете тётей, какой я её и запомнила, она в одиночку поставила свой клуб на ноги и в одно мгновение потеряла всё.

Удивительно, как легко человека списывают со счетов в большом мире. Здесь как нельзя лучше работает закон «либо ты, либо тебя». Город живет по своим законам: люди здесь как тигры: зубами прогрызают себе дорогу, не щадя никого на своём пути. Но Нора была особенной: не шла по головам, а давала людям возможность проявить себя, любила свою работу и думала, что там её друзья. Но эти самые «друзья» ни разу не пришли навестить её в больнице, и даже ни разу не позвонили. Нора ушла, и никто из этих псевдодрузей даже не вспомнил о ней. Но я буду помнить её всегда. Она научила меня идти за своей мечтой и верить в невозможное. Нора знала, что если захотеть, можно горы свернуть, – в этом был её маленький и в то же время великий секрет. Я пообещала ей быть собой и не отказываться от своих желаний, а она взамен подарила мне частичку себя. Теперь я, как и моя любимая Нора, ношу фамилию Джексон. Правда, об этом знают только родители, Джей и Алекс. Для всех остальных я Брэй.

И, может, когда-нибудь я открою миру свой секрет, но пока что это должно остаться со мной – чтобы было так хорошо и тепло, будто бы Нора делает меня сильнее, будто бы она рядом, Рядом со мной, Мишель Джексон Брэй.

26 октября. Больше не страшно.

После скандала с Джей меня будто током ударило. А ведь со смерти Норы прошёл уже год. И весь этот год я прожила без её голоса, без советов и разговоров по душам. И прожила достаточно хорошо.

Мне уже не грустно признавать, что я больше не вспоминаю о Норе каждый вечер. Пожалуй, в этом самое большое достижение – смириться с тем, что её больше нет. Я, наконец, поняла, что смерть – необратимый исход жизненного процесса, и от этого стало как-то легче, спокойнее.

В какой-то степени, этот исход крайне необходим, ведь в бесконечной жизни нет никакого счастья. У каждого процесса и организма есть предел – точка невозврата. Пока ты не достиг этой точки, можешь делать всё, что угодно. Ты можешь жить, во всех смыслах этого слова.

Я точно знаю, Нора прожила свою жизнь так, как хотела её прожить. Она знала, что нет смысла жить так, как тебе говорят другие, если рано или поздно все вы сыграете в ящик. И поэтому ей было не страшно уходить.

Не будьте так уверены в завтрашнем дне – исполняйте свои желания сегодня. Чтобы через десятки лет сказать: «Какую дивную я прожил жизнь. Один вопрос: а можно повторить?»

Уверенная в себе и пока что семнадцатилетняя

Мишель Д. Брэй

Глава 5

С начала репетиций школьной постановки прошли три недели. Декорации и костюмы уже были готовы, техническая часть отработана десятки раз. С Ричи мы всё так же здоровались в столовой и почти не общались на площадке. Да, впрочем, я была слишком занята, чтобы думать о нём. На мои плечи упала тонна работы: круглосуточное общение с актёрами, вплоть до проведения индивидуальных репетиций, ежедневные поездки в типографию – они несколько раз распечатали неправильные афиши – и украшение актового зала. В общем, деньки были трудные, но я была довольна как никогда.

Спектакль завтра вечером, и сегодня Миранда пригласила всех, кто принимал участие в подготовке, на вечеринку. Конечно, это была самая тупая идея, которая могла прийти в голову Миранде, но я была настолько выжата, что плюнула на всё и тоже пошла. Родители уехали к бабушке на два дня, поэтому мне ничто не помешало уйти из дома безнаказанной. Сэм бы меня точно не сдала – она сама убежала через час после отъезда мамы и папы, и до сих под дома не появлялась. Я как послушная девочка сидела дома вплоть до этого момента. Но сегодня встал вопрос: развалиться на диване и посмотреть тупой сериал с чашкой мороженого или провести этот вечер не как все другие вечера?

«Да что может случиться? Просто несколько человек выпьют по баночке пива, потанцуют и уже к полуночи наверняка разойдутся по домам». Мысль абсолютно нереальная, но тогда я убедила себя, что так оно и будет.

Когда мы с Алексом и Джей приехали, дом уже был заполнен полупьяными старшеклассниками, вряд ли хоть немного осознающими, что похмелье не станет их другом на завтрашнем выступлении.

Мимо пролетела бутылка пива.

– Три, два, один... В яблочко! – завопил рыжий парень, стягивая футболку и наворачивая круги по гостиной, когда бутылка врезалась в стену, и стекло разлетелось по коридору.

– Это что, Даг? – с выражением отвращения высказалась Джей.

– Только не говорите, что это и правда...

– Даг, – закончил мою мысль Алекс.

Мы дружно издали звучное «У-у-у» и пошли навстречу хозяйке дома, которая приветливо махала рукой, как всегда широко и глупо скалясь.

– Привет, ребята, – радостно завизжала Миранда и схватила меня за плечи. – Так рада, что вы пришли! Уже видели триумф рыжего ботаника?

– Это ты про Дага? – сказала Джей.

– Про Дага или Тома, а может, Джейсона... Не знаю! Честно говоря, не запоминала, как его зовут, и как зовут ещё половину моих гостей, – Миранда махнула рукой и засмеялась.

Смех у неё всегда был свинский. Не в том смысле, что она похожа на свинью... Хотя, есть в ней что-то поросычье. Её смех был писклявый вперемешку с похрюкиванием. Удивительная девушка. Просто удивительно раздражающая девушка!

Когда порыв смеха закончился, она снова выпучила глаза и завизжала:

– Так как вам?!

– Волшебно, – сухо заметил Алекс.

– Невероятно, – поддержала его Джей.

– Да-да, просто потрясающе, – завершила тираду я, подталкивая друзей на кухню.

– Вот и я думаю, что не все потеряно! Интересно, а как этот ботаник целуется... – задумчиво произнесла Миранда, ехидно улыбнулась и тут же пулей понеслась в гостиную.

– Господи, вот послал же ты нам такую идиотку, – смеясь, начала Джей. – Мне кажется, если подменить одну из свиней на ферме моего дяди на Миранду, никто в жизни не догадается, – не умолкала она. – О, кажется, футбольная команда в полном составе... – медленно, приподняв брови, сказала Джей. Она развернулась к нам и похлопала меня по плечу. – Ну, ребятки, я побежала. Меня ждут несколько горячих красавчиков! Не скушайте тут!

Джей снова улетела и оставила нас одних. В этом вся Джей.

Вечеринка была в самом разгаре, и мы с Алексом выглядели словно два одиноких тополя. Знаете, как это бывает, когда ты единственный трезвый человек в компании: все веселятся, а ты разгребашь последствия этого самого веселья. Ни я, ни мой друг не хотели стать такими людьми. Пришло и наше время расслабиться и получить от школы всё. Не каждый же день мы на вечеринки попадаем.

– По пиву? – повернув голову в сторону Алекса, предложила я.

– Определённо, – приподняв правый уголок губ, ответил он.

А дальше была вечеринка. Безумная вечеринка. Правда, после третьей банки пива Алекс куда-то пропал. Ребята, кажется, видели его возле бассейна.

«Ну да ладно, пусть веселится. Не буду его беспокоить, я ведь хороший друг».

Не помню, сколько я выпила, но точно помню, что этого было достаточно, чтобы я начала танцевать на журнальном столике в гостиной, разбрасывая бусы из шкатулки в окружающих.

Точно помню, как мы играли в карты. Обычно я в покер не играю. Во-первых, потому что даже не умею. Но тогда ужас как хотела. Хорошо, что играли мы не на деньги, а то я бы полмира за столом оставила. Так или иначе, было весело. Просто сумасшедше весело!

А потом произошло это.

Глава 6

Когда покер кончился, я уже была достаточно пьяна и вымотана, поэтому единственным выходом было навалиться на стенку возле лестницы в коридоре и, поджав колени, думать о жизни. В какой-то момент я почувствовала, как кто-то убрал мне волосы с шеи. Я повернула голову и увидела Эвана. Он тянулся своими губами к моей шее.

– Эй, придурок, ты что делаешь? – я оттолкнула его и начала вставать.

– Да не дёргайся ты, Брэй. Будет не больно, – схватив меня за запястье, не отставал Эван.

– Эван, убери свою пьяную морду от меня или тебе не поздоровится! – толкнула его ещё сильнее и дала пощёчину. Он провел по щеке рукой, а я стояла как статуя, не отводя испуганный и вместе с тем решительный взгляд.

Через пару секунд он резко прижал меня к стене.

– Не будь такой стервой, Брэй. А лучше вообще заткнись, – грубо отчеканил Эван.

– А то что? – дерзко спросила я.

В ответ на это он просто закрыл мне рот рукой. Я провела глазами по коридору – никого не было. Наверное, все в западной части дома – там есть крытый бассейн. Моя решимость мгновенно испарилась. Остался только страх. Я знаю Эвана, он на всякое способен.

«Чёрт, ну где же Джей? Она точно смогла бы спасти меня от своего сумасшедшего братца».

– Эй, Эддингтон, – тихий знакомый голос, быстрые шаги, и вот голос уже громче.
– Отпусти её. Что она тебе сделала?

Эван расслабил руки, я дернулась и выскользнула из его жутких объятий. Теперь всё его внимание переключилось на моего защитника. Прекрасного Ричи Нэша. Он стоял в одних купальных шортах сине-зелёного цвета и пристально глядел на Эвана.

– Хочешь драться? – с ухмылкой произнес обидчик.

– С нормальными людьми я все вопросы решаю на словах. Но тебя и избить мало будет.

– Ты меня назвал ненормальным? – выкрикнул Эван и с кулаками набросился на Ричи.

Сказать, что я испугалась, – ничего не сказать. Я была в ужасе от происходящего. Даже невольно взвизгнула, чем встревожила отдыхавших у бассейна. В считанные секунды вокруг соперников уже стояла толпа народа. Все кричали, свистели, и только я кусала локти. Хотя, было в этом и что-то романтическое.

«Ричи как настоящий принц сражается за мою честь».

Но вернёмся в реальность. На лицах уже не по одному синяку и порезу. Драка действительно серьезная.

Эван снова замахнулся, Ричи отбил удар и поскользнулся – он недавно вышел из бассейна и даже не успел обтереться.

Время замедляется. Мой герой падает на деревянный пол, а с лестницы бежит Джей и останавливает непутевого братца ударом в живот.

– Дорогая, всё в порядке? – в мир меня возвращает голос Джей. – Я пойду пригляжу за этим идиотом, а тебе лучше бы сбегать за льдом и реанимировать своего красавчика, – взглядом указав на побеждённого, сказала мне подруга.

Не долго думая, я помчалась на кухню. Когда вернулась, вокруг Ричи как кобры вились мои одноклассницы.

«Ну ничего. У меня превосходство. У меня есть лёд!»

– Приложи это, станет лучше, – протянув завернутый в полотенце лёд сказала я.

– Спасибо, Мишель.

Кобры начали уползать, прожигая меня презрительными взглядами.

– Давай я помогу тебе добраться до ванной. Немного умоем тебя, и ты будешь отлично выглядеть! – улыбаясь, продолжила я.

– Что ж, кажется, другого выхода у меня и нет, – улыбаясь в ответ и прищуриваясь от боли, сказал Ричи.

Я помогла ему встать и добраться до ванной. На полу лежала футболка.

– Вот, надень, – я протянула её ему.

Ричи натянул на своё сумасшедше красивое тело футболку. Мы сели на пол. Я налила в стакан воды и стала вытирать кровь с лица своего защитника.

– А ты просто герой. Не думала, что кто-то вступится за меня. И уж тем более рискнет подраться с Эваном.

– Это того стоило. Видишь, я сижу в чужой ванной, на мне чья-то футболка, а рядом самая красивая девушка, которую я когда-либо встречал.

Я смутилась. Щёки покраснели. Воцарилось неловкое молчание.

– Ну, вот и всё, – торжественно заявила я, закончив процедуру. – Чистый и свежий!

– Спасибо тебе...

– Да это тебе спасибо, – прервала его я. – За спасение. Я ведь и правда испугалась. Кто знает, чего ожидать от Эвана.

Ричи улыбнулся. Он посмотрел мне в глаза, медленно приблизился и нежно поцеловал.

– Ты удивительная, Мишель Брэй. Просто удивительная, – шепнул он, не отдаляясь от моих губ.

Внутри всё перевернулось, а в животе будто бабочки кружили. Я потянулась за новым поцелуем, но в ванную внезапно влетел Питер, один из актеров. Он был в изорванном костюме, пошитом специально для завтрашнего выступления... Стоп, что? В костюме для спектакля? Не может быть!

– Питер! – я вскочила с пола и подошла к нему. На мгновение я даже забыла, что меня только что поцеловал сам Ричи Нэш. – Какого черта?

– А, это... – он оглядел себя и, растягивая слова, начал объяснять. – Мы с ребятами решили порепетировать выступление... Кто-то притащил костюмы... А потом мы решили попрыгать в бассейн...

– Господи! Кто пустил этих идиотов в гримерки! Вали отсюда, Питер! – после моего раздраженного выкрика, он, шатаясь, вышел за дверь. – Выступление уже завтра... – я обреченно опустила на пол. – Нам не успеть всё поправить... Мисс Уоррен убьёт меня.

– Мишель, может, нам завтра с утра сшить новые костюмы?

– Ты не понимаешь, Ричи. У школы нет денег ни на что. Даже на самую дешевую ткань. И даже если мы заставим всю школу помочь, нам не успеть...

Я повернулась и посмотрела на Ричи. В нём я искала поддержку. Но он только повел плечами.

Мы сидели несколько минут. Разговаривали о школьном театре. О том, как в былые времена он был популярен.

– Эврика! – вдруг воскликнула я. – Старая гримёрка!

– Не понимаю...

– В школе есть старая гримерка. В ней горы костюмов! Они не использовались уже несколько лет. Правда, наряды там в основном рыцарские или королевские. Но ведь и это нам на руку! А совместим-ка мы спектакль и театр мод, – вдохновлённая, я рванула к двери. Даже алкогольное опьянение отступило на второй план.

– Подожди, Мишель... – сказал Ричи, поднимаясь с пола. Я готов помочь.

– Тебе нужно отдохнуть, боец, – шутливо ответила я.

– Я правда в порядке.

– Уверен?

– Больше чем.

– Ну, тогда вперед!

– Этой школе нужен герой, – поддержал меня Ричи.

Было уже слишком поздно, но я всё-таки дозвонилась до мисс Уоррен. Сначала она, конечно, поворчала в трубку, но как только узнала все обстоятельства дела, тут же примчалась к школе со связкой ключей.

Открыв старую деревянную дверь, которую уже лет пять никто не открывал, мы обнаружили не только тонну одежды родом, кажется, века из девятнадцатого, но и тройной слой пыли, покрывавший всё вокруг.

– Уже три часа, пора за работу, – взглянув на наручные часы, сказала миссис Уоррен.

– Разгребем эти завалы, – Ричи нажал на выключатель, и как ни странно, лампочка загорелась ярким светом.

– Похоже, что-то здесь всё-таки сохранило признаки жизни, – заключила я.

Мы стояли на пороге сказочной гримёрной, хранившей в себе сотни воспоминаний, как герои, которые отважились переступить черту неизвестного. Как последняя надежда обитателей нашей небольшой школы. Три часа ночи, пустая школа и только мы, храбрые сердцем. А ведь некоторые из нас недавно танцевали на столике с бусами в руках или бились за честь девушки. Сейчас не было тех старшеклассников, сейчас были только мы, люди, от которых зависит буквально всё.

«Мы ещё покажем, на что способны. Наш спектакль будет лучшим в истории школы», – подумала я. Ричи шагнул к полке с обувью, лампочка перегорела, и мы услышали бег маленьких лапок.

– Мыши! – завопила Мисс Уоррен.

Так и началась наша ночь.

Спустя пятнадцать минут Ричи вкрутил новую лампочку, а я откопала старый магнитофон. Мыши спрятались, но мисс Уоррен до сих пор вздрагивала от каждого шороха.

Костюмы оказались невероятными! Идея превратить обычный спектакль в шоу превосходила все мои ожидания. Даже моя наставница с улыбкой заметила:

– Наверное, даже хорошо, что парни испортили костюмы. Если всё получится, мы сможем удивить всех, особенно журналистов. А удивить – это как раз то, что нам сейчас нужно. Мишель, ты придумала отличный выход из ситуации. Что бы я без тебя делала, – говорила она, зашивая дыру на золотистом платье.

Изредка я поглядывала на Ричи. Он раскладывал костюмы, чистил обувь и непрестанно смотрел на меня. Смотрел так, будто бы тот поцелуй и правда значил что-то

особенное. Когда я ловила его взгляд, волей-неволей смущенной улыбалась и думала о том, а что же будет дальше.

Но сейчас важно было только одно: спасти школьный спектакль.

Глава 7

– Поцеловал?! Боже, Брэй, наконец-то, за тобой ухаживает парень! Да ещё и такой симпатичный, – приподняв брови, говорила Джей.

Мы сидели в столовой, я мельком слушала возгласы подруги. Мы закончили костюмы к восьми, так что я успела только доползти до дома, сходить в душ и надеть чистую одежду. Сейчас, сидя в оживленной столовой, ни минуты не проспав, я ко всему прочему мучилась от похмелья.

– Зря я вчера пила. Ой, зря... – приложив руку ко лбу, стонала я.

– Не ной, Брэй, – заявила Джей. – Это всё ерунда. Вот, помню, однажды я ездила с Максом на музыкальный фестиваль... Это не тот Макс, который из колледжа, а тот, который мороженщик. Ну, ты его наверное, не помнишь...

«Боже, а она всегда так много говорит?»

На стол с грохотом упал поднос. Может, он и не падал вовсе, но мне показалось, звук был таким громким, что мои ушные перепонки решили уйти на перекур.

– Привет, – радостно сказал Алекс. – Мишель, я все сделал, как ты просила, ребята в курсе.

– Ой, а о чем это вы? – вторглась в разговор Джей.

– О спектакле... – прохрипела я. – Со вчерашней вечеринки в нём произошли огромные изменения.

– О, нет. Будет слишком скучно? – делая ударение на слово «слишком», спросила подруга.

– Скорее уж слишком круто, – заметил Алекс.

– Ну тогда... Может я даже схожу посмотреть. Только обещайте, что будет фейерверк и шоколадный фонтан, – Джей вытерла губы салфеткой и пошла уносить поднос.

– Всё в порядке? – спросил Алекс, когда мы остались вдвоем.

– Ага... Звонила моя печень, спрашивала, зачем я так много пила, – с усилием пошутила я.

Алекс посмеялся и сказал:

– Ты же Мишель Брэй, тебе никакое похмелье не помеха. А ну-ка иди домой и приведи себя в порядок. Я скажу учителю, что у тебя срочная репетиция.

– Ты просто чудо, Алекс, – подняв голову, ответила я.

– Давай-давай. Я и вся твоя команда будем ждать через два часа в актовом зале.

Удивительно, но две таблетки аспирина, холодный душ и плотный завтрак как рукой сняли последствия вчерашней ночи. Через пару часов я уже вернулась в привычный ритм и вновь стала человеком, который всем нужен.

Часы летели с непредсказуемой скоростью. Актёрский зал был переполнен народом начиная с полудня. Костюмеры подшивали наряды, звукооператоры проверяли микрофоны и настраивали свет, актёры в сотый раз повторяли заученные слова. Минута за минутой день неумолимо близился к концу.

Ну вот, на часах уже семь. Собираются первые гости. В зале легкая, ненавязчивая музыка. Я в платье с голубым верхом и летящей цветочной юбкой из нежного атласа, как бабочка порхаю по залу.

– Мишель, пришли хлопушки. Подпиши здесь, – подлетела ко мне одноклассница.

– Конечно, – я взяла ручку и поставила подпись. – Скажи ребятам, чтобы они установили хлопушки, согласно плану.

– Поняла, будет сделано. Ах, да... Ещё вон тот молодой человек говорит, что он журналист, но его нет в наших списках. Что делать?

– Спроси его имя и найди в Интернете номер телефона редакции. Созвонись с руководством и уточни, отправляли ли они корреспондента на сегодняшнее представление. Если да, то обязательно его пропусти. Журналисты нам на руку.

Я не заметила, как свет в зале погас.

«Ну вот и всё. Всё или ничего».

Я поспешила за кулисы. Тихий щелчок прожектора – он осветил центр сцены. Там стоит Миранда в великолепном золотом платье, которое ещё несколько часов назад мы выгребли из закровов школьной гримерки. Заиграла музыка. Громче и громче. Тонкий, пронзительный голос Миранды задает настроение всему спектаклю. Непредсказуемо. Романтично и слегка грустно, но в то же время вдохновляюще. Строчка за строчкой... Зрители погружаются в мир волшебства.

Я, замороженная, стою за кулисами. Волнение невероятное. Сжимаю черную папку со сценарием в руках всё крепче. Спектакль на ниточке. Качни её вправо – фурор, влево – полнейшее фиаско. Вдруг холодная рука сжала моё запястье, я вздрогнула.

– Ты молодец, девочка, – шепнула мисс Уоррен.

Я глубоко вдохнула, улыбнулась, и зал громко зааплодировал – это Миранда закончила свою партию.

Следующий час вокруг меня кружили герои, одно действие на сцене сменялось другим. Всё шло так, как и было запланировано.

Перед финальной сценой кулисы закрылись, в зале на секунду воцарилась тишина, а потом её прервал грохот музыки.

Кулисы вновь открылись, свет начал безудержно сверкать.

«Вот он. Самый ответственный момент».

С разных сторон на сцену вылетели две танцовщицы на ярко-красных полотнах, из задней кулисы под ритмичные барабаны, переплетающиеся с надрывной скрипкой и нежным фортепиано, вышли ещё три танцовщицы в ярких костюмах.

– Да начнётся шоу, – улыбаясь, прошептала я.

Пригласить кабаре-шоу было опасным решением, но мы не пожалели. Дело в том, что пока мы разгребали гримёрную вчера ночью, я многое узнала о мисс Уоррен. Оказалось, что до того, как она устроилась в школу, она жила в Майами и работала в кабаре.

«Да уж. А мисс Уоррен то, оказывается, крутая!»

В общем, как я успела узнать, обычно они выступали в прибрежном баре, а сейчас приехали сюда на гастроли. Это невероятно, но с помощью миссис Уоррен нам удалось уговорить их на один номер. И вот, мы уже волновали умы и сердца зрителей великолепным шоу, какое ещё не удавалось поставить ни одной школе города. Девушки двигались в такт музыке, то поднимая ноги выше головы, то опускаясь на пол и выполняя такие фигуры, какие мне и не снились.

Летающие под потолком поражали не меньше. Без всяческой страховки две девушки вращались, взлетали и снова падали.

«Брэй, а ты точно не спишь?»

В этот момент я услышала шум. Я приоткрыла завесу между двумя кулисами и увидела Ричи. Он поднял глаза на меня:

– Прости, я просто уронил стул, – разведя руки, ответил он на мой вопросительный взгляд.

– Ричи, что ты тут делаешь? Тебе на сцену через несколько секунд.

– Просто хотел увидеть тебя. Сказать спасибо за вчера, за спектакль, да просто за то, что ты сейчас стоишь здесь, рядом со мной.

Я в смятении опустила глаза.

– Мишель, – Ричи подошёл ближе, прикоснулся к моей щеке рукой и посмотрел мне в глаза. – Я сразу понял, что ты та, кто мне нужна. Ты, Мишель Брэй, и никто другой.

Я смотрела на него и молчала. Но в этом молчании крылась тысяча... Нет, миллион слов! Слов, которые я хотела сказать ему.

– Так на чём мы там вчера остановились? – спросил Ричи. Но он не ждал от меня ответа. Вместо этого он улыбнулся и поцеловал меня. Время будто остановилось и прокрутилось на сутки назад. Мы были одни на полу в закрытой ванной. Вокруг никого. Только тишина.

Но вдруг в лицо мне ударил яркий свет, а в голове отдались шумные аплодисменты и свист. Я повернула голову и увидела, что центральные кулисы, за которыми мы прятались, раскрыты, танцовщицы со сцены уже исчезли, а с неба летели серебряные листочки из хлопушки. Звук скрипки и барабанов буквально резал слух. Зрители аплодировали стоя, а на сцене стояли только мы. Я и Ричи.

«Кому они аплодируют? Спектакль закончился успешно? Почему я стою как вкопанная в обнимку с парнем мечты?»

Я глянула за кулисы. Парень, следивший за открытием кулис, поднял руки вверх и покачал головой. Но уже через пару секунд на сцену начали выходить актеры, а потом кулисы закрылись.

Я засмеялась и поцеловала Ричи.

– Так это значит да? – спросил он.

– О чём ты?

– Ты будешь моей, Мишель Брэй?

Немного помолчав, я сказала:

– Ну что ж, поздравляю вас, Ричи Нэш. Вы меня заполучили.

Ричи засмеялся и обнял меня ещё крепче.

Глава 8

Среди прочих репортеров и представителей творческой среды города на спектакле оказались два человека, которые в будущем изменят ход истории. Ход моей истории.

Я и понятия не имела, что слава ко мне может прийти, благодаря учительнице, которую считала самой странной женщиной на всем земном шаре. После фееричной концовки мисс Уоррен окружили журналисты. Они расспрашивали её обо всём на свете.

– Кто придумал совместить постановку и театр мод? Креативное решение – пригласить кабаре-шоу. Как вам удалось такое проверить? – сыпались вопросы журналистов.

Мисс Уоррен улыбнулась и ответила:

– Да, поставить такой спектакль было не просто... Хотя, знаете, в любом случае у меня ничего бы не вышло без моих замечательных учеников. Они моя команда. Дружная, ответственная команда. А ещё у меня уж точно ничего бы не получилось без моей ассистентки – Мишель. Без неё этому спектаклю не суждено было бы состояться. Вот, кто на самом деле сумел решить все проблемы и в буквальном смысле спас постановку.

А пока мисс Уоррен рассказывала обо мне, я уже была по-настоящему счастлива. Рядом друзья: Алекс вручает букет, Джей обвивает мою шею руками. Издалека мне улыбается Ричи. В голове играет музыка. Поверить невозможно, всё происходит так, словно я попала в кино.

– Так что, вы теперь вместе? – спросила Джей.

– Похоже на то, – ответила я, пытаюсь сдержать улыбку, расплывающуюся до ушей.

– Мишель! Поздравляю! – пропела Джей.

Алекс стоял рядом, улыбался и смотрел в нашу сторону.

– Малышка Джей стала взрослой? – смеясь, сказал он.

– Вот дурачье, – ответила я и толкнула его плечом.

– Мишель, с тобой хотят поговорить, – прервал мою сказку голос мисс Уоррен.

Отхожу от друзей.

– Знакомься, Мишель. Это Дебби Уинфлоу и Алан Фергюсон, представители агентства по организации вечеринок и публичных событий «Форджес», – передо мной стояли два стильно одетых представителя большого мира. Того мира, в который я так мечтаю попасть. – Дебби, Алан, это Мишель Брэй. И это она сделала спектакль именно таким, каким вы его видели.

– Костюмы просто чудесны, – проговорил симпатичный парень в желтом платке на шее, развел руками и прищурил глаза.

– Спасибо, – немного смущенно сказала я.

– Да, ты и впрямь нас удивила, девочка, – голос Дебби Уинфлоу поначалу заставляет вздрогнуть: быстрый, живой, властный, но почему-то очень приятный. – Сколько тебе лет?

«Боже, меня похвалила сама Дебби Уинфлоу! Директор «Форджес»! А я ведь только вчера о ней в газете читала».

– Семнадцать, мисс Уинфлоу.

– Боже мой, Брэй, называй меня Деб, мне ведь не сорок лет. Итак, у меня есть для тебя предложение, от которого ты просто не имеешь права отказаться! Я хочу, чтобы ты стала нашим стажером.

– Стажёром в «Форджес»? – я не поверила своим ушам.

– Так точно. У тебя есть пять секунд, чтобы подумать. Раз, два...

Я посмотрела на мисс Уоррен. Она улыбнулась и утвердительно качнула головой.

«А ведь я и правда не имею права отказаться. Возможно, это мой единственный шанс исполнить мечту».

– Четыре, пя...

– Я согласна, Деб! Я с радостью стану вашим стажером, – оживившись, сказала я.

– Отлично! Тогда жду тебя завтра к часу. И чтобы без опозданий, – Деб положила руки в карманы и пошла к выходу.

– До завтра, Мишель, – радостно сказал Алан Фергюсон и поспешил за Деб.

Утром следующего дня я первым делом взялась за дневник. Не терпелось рассказать моему молчаливому другу всё, что произошло за последние дни.

9 ноября. Слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Когда жизнь преподносит что-то такое, во что с первого взгляда даже невозможно поверить, все мелкие проблемы уходят на второй план.

У меня теперь есть чудесный парень и начиная с сегодняшнего дня я стажируюсь в «Форджес». Ничто и никто не испортит мне настроение. Даже надоедливая младшая сестра.

– Мишель, я возьму твои черные джинсы?

«Стоило только вспомнить».

– Нет, Сэм. У тебя что, своих вещей мало?
– Да уж поменьше, чем у тебя. Тебе чё, жалко?
– Я уже сказала. Нет.
– А я всё равно возьму, – Сэм схватила со стула джинсы и выбежала.
– Мелкая зараза, – сказала я и побежала за ней.
– Верни джинсы! – я схватила штанину и потянула на себя.
– Не отдам! Они всё равно не налезут на твой жирный зад!
– Что ты сказала?! – возмущенно выкрикнула я и потянула за джинсы с ещё большей силой.

И тут мои старые добрые джинсы не выдержали. Нитки на штанине треснули, и шов разошелся.

– Сэм! Ты мне джинсы порвала! – завизжала я.
– Ну вот, теперь можешь забирать, – захихикала Сэм и отпустила штанину.
– Мам!

Когда проблема была частично решена, гнев отступил, а мама пообещала купить мне новые джинсы, я снова взяла в руки дневник. Зачеркнув последнее предложение, я написала: «Ничто и никто. Кроме моей надоедливой младшей сестры».

Говорят, в жизни есть черные и белые полосы: нельзя быть предельно несчастным всю жизнь, но и прожить, не зная горя, тоже задача почти нереальная. Но вы замечали, что люди, которые чего-то лишаются, а потом возвращают себе это, радуются так, словно это манна небесная. Когда ты долго живешь в палатке и не можешь нормально принять душ, ты приходишь в полнейший восторг, вернувшись в «цивилизацию». А если ты долго болел и вот, наконец, настал день, когда твоя иммунная система окончательно победила вирус, ты начинаешь поистине ценить своё здоровье.

Так, может, вся наша жизнь – это не белое и черное? Быть может, жизнь – это цветное, и только нам решать, каким цветом она окрасит сегодняшний день. Вы скажете, что я конченная оптимистка, но, наверное, в каждом событии нужно находить хорошие стороны. Жить на полную, радоваться даже мелочам, а крупным событиям радоваться вдвойне.

Я выбираю яркую жизнь. И начинаю её прямо сейчас.

Любящая жизнь и пока что семнадцатилетняя

Мишель Д. Брэй

Глава 9

«Сегодня меня ждёт великий день!» – думала я, надевая любимую пышную юбку из желтого атласа. Всё, как в моём сне: идеальная укладка (пришлось постараться, чтобы длинные непослушные локоны легли как надо), дневной макияж, розовая блуза с украшением в форме треугольников и прелестные туфельки. Сегодня первый день на новой работе. Стажёр в «Форджес» – звучит просто невероятно!

Слышу знакомый сигнал.

– Мам, пап, Алекс и Джей уже подъехали, поэтому я побежала!

– Возьми хоть яблоко, – собираясь на работу, крикнула из гостиной мама.

– Когда я начну ездить в школу на машине? Ненавижу лузерский автобус, – проворчала Сэм, перемешивая хлопья.

– Саманта, ты просто чудо, и никакой лузерский автобус этого не изменит!

– Ты сегодня подозрительно веселая и слишком нарядная.

– Просто я рада, что спектакль прошел успешно!

– Но вы же не получили денег.

– Я получила... То есть мы получили гораздо большее... Так, ладно, я уже опаздываю. Мам, пап, сегодня буду поздно! Пойду к Алексу, нужно подготовить проект по химии! – без капли стыда соврала я, схватила яблоко и через пару секунд хлопнула входной дверью.

– Странная ты, – сказал Сэм. – Хотя, чему я удивляюсь. – И продолжила есть свои любимые разноцветные хлопья.

– Привет, ребята! Сегодня отличный день! – я запрыгнула на заднее сидение к сидевшей там Джей.

– Да ты сама не своя, Брэй. Что с тобой? Кстати, юбка – просто шик!

– Вы не поверите! У меня сумасшедше крутые новости! После вчерашнего спектакля ко мне подошла Дебби Уинфлоу, директор агентства «Форджес» и предложила стать её ассистентом.

– «Форджес» – это не та ли компания, которая устраивала скандально известную пенную вечеринку в клубе «Марокко»?

– Да, это она! – восхищенно ответила я.

– И как отреагировали родители? – с ходу спросил Алекс.

– Они ещё не в курсе, и вряд ли им стоит говорить. Вы же знаете папу, он просто мистер закон и порядок. Он ни за что не позволит мне стать частью этого мира...

Мой папа начальник полицейского участка нашего округа. Наверное, поэтому я никогда не нарушала закон и приходила домой ровно в одиннадцать.

– Мишель, да ты удивляешь меня всё больше! Врёшь родителям и устраиваешься на работу в мир вечеринок, – подтолкнула меня плечом Джей. – А наша Брэй, оказывается, та ещё бунтарка.

– И как ты собираешься скрывать это от родителей?

– Сегодня моя жизнь изменится, Алекс! Ну а раз меня взяли в «Форджес», что само по себе почти невозможно, то уж скрыть от родителей этот факт будет не такой уж и трудной задачей. Тем более у меня есть ты.

– Может, ты даже встретишь кого-нибудь из Голливуда... – между тем, мечтательно продолжала Дженнифер. – Двойная жизнь Мишель Брэй – а так ты в будущем назовешь свою книгу.

– Да, двойная жизнь – двойные хлопоты. Но ты права, куда же я от тебя денусь, – с улыбкой заметил Алекс.

Машина остановилась возле школы. Джей выскочила мгновенно и побежала к учителю химии. В Мичиган он всё-таки не уехал, и исправлять оценки Джей приходилось, пользуясь умом, а не длинными ногами.

– Сегодня к часу я уже должна быть у Дебби, она сказала, что у неё есть для меня что-то интересное. Алекс, ты же отвезешь меня? – щенячьим взглядом я посмотрела на своего лучшего друга.

– Мишель, тебе невозможно отказать. В двенадцать тридцать жду тебя здесь.

– Ты лучший! – я захлопнула дверь «опеля» и отправилась на уроки.

Алекс, оставшийся один в машине, заглушил двигатель и, посмотрев в зеркало, сказал, как бы в пустоту:

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Двадцать восемь... Двадцать девять... Тридцать! На часах пробило двенадцать тридцать, прозвенел звонок, я схватила сумку, скинула тетради и помчалась на парковку. Алекс уже ждал.

Через четверть часа «опель» остановился перед двадцатипятиэтажным зданием с огромными окнами. Снизу они казались сине-зелёными. На секунду мне показалось, что кроме этого небоскреба вокруг ничего не осталось. Но вокруг был город, сумасшедше красивый город. Гудели машины, сияли рекламные щиты, толпы людей шли по широким серым улицам.

Позади небоскреба я увидела зеленый сквер с красивым фонтаном и резными лавочками, на которых сидели влюблённые пары. Жизнь пронизывала всё это место. Я вдохнула полной грудью – загрязнённый выхлопными газами воздух показался мне панацеей – и вошла в холл. Меня встретили большие стеклянные колонны и шикарные дорогие кресла из бежевой кожи, в которых сидели бизнесмены и бизнес-леди, обсуждая наверняка что-то очень важное. Слева – стойка администрации высотного офисного центра, а справа – уставленный цветами коридор. Но больше всего мне понравился прозрачный лифт в самом центре зала, ежеминутно уносящий людей в неизвестность.

Офис «Форджес» занимал двенадцатый и тринадцатый этажи. Когда двери лифта раскрылись, я увидела большую белую дверь с золотой табличкой.

«Вот он, вход в мир больших вечеринок, больших людей и больших денег». Внезапно дверь открылась, и выбежал молодой парень со стопкой разноцветных папок в руках. Я сразу заметила, как стильно он выглядел. Это был стиль большого города, выразительный и, тем не менее, не лишенный элегантности. На парне были брюки горчичного оттенка, белая рубашка с закатанными рукавами и чёрная жилетка с золотистой спиной. На шее элегантно повязан лиловый платок.

– Нравится платок? Купил его вчера, на распродаже в центре. Наверное, ты думаешь, зачем я хожу по распродажам, если работаю в «Форджес»? Это мой маленький фетиш, и Деб лучше о нём не знает.

Я смотрела на него удивленно.

– Прости, что сразу так загрузил. Когда нервничаю, начинаю болтать без умолку. Я Алан Фергюсон, руковожу отделом рекламы. Но мы, кажется, уже знакомы. Мишель, верно? – спросил он, приподняв брови.

Лицо его растянулось в дружелюбной улыбке.

– Да, мы познакомились с вами, то есть – с тобой, вчера на школьном спектакле. Сегодня мой первый день, так жутко, – взволнованно протянула я.

– Спешу тебя обрадовать, Деб ещё не пришла. Ночью она была на гавайской вечеринке и раньше двух в офис не вернётся, а значит, у меня есть время показать тебе великий мир «Форджес», – открывая огромные двери, сказал Алан.

Мы вошли в большой зал. Это место пленило меня с первой секунды. Такое экзотичное и вместе с тем такое уютное, такое моё! Повсюду стояли компьютерные столы, цветы и статуи. Слева стена, выкрашенная в красный цвет и покрытая золотыми рисунками, а стена справа вообще расписана разноцветным граффити. Всё было таким не похожим на то, что я привыкла видеть. Жизнь была ключом во всех этих картинах, украшавших стены,

и столах, обклеенных стикерами, жизнь была ключом даже в мусорных корзинах, где хранились забытые идеи.

Я оглянула зал, переполненный мужчинами и женщинами в разноцветных нарядах, занимающихся работой мечты.

– А из тех огромных окон напротив, – продолжал Алан, – открывается вид на город.

Мы подошли ближе к стене, состоящей исключительно из окон размером с человека.

– Это потрясающе, Алан!

– И это только начало, милая моя. Тебе ещё предстоит узнать много важного, и не всё из этого тебе понравится.

– Алан, да это же работа моей мечты! Мне даже не верится, что я сейчас стою здесь, в офисе Дебби Уинфлоу.

– О, Мишель, да это только общий зал. Офис Деб слева за золотой дверью. Пойдем.

– Но Дебби ведь ещё не пришла... Я могу и здесь подождать.

– Это вряд ли, Брэй. Деб, и да, лучше зови её так, её бесит имя Дебби... Так вот, Деб запирает кабинет разве что тогда, когда приводит очень симпатичных парней на собеседование. Ну, ты понимаешь, о чём я.

– Эм... Да, понимаю...

«А атмосфера здесь даже больше, чем просто рабочая».

Передо мной распахнулась ещё одна дверь. И эта дверь вела в вечность. Кабинет Деб оказался местом удивительным. Стены расписаны в стиле джунглей, справа – огромная карта с разноцветными магнитами, перевязанными между собой красной нитью. В центре большой белый стол и придвинутый к нему с одной стороны вращающийся кожаный стул темно-красного цвета, и два плетеных кресла с другой. Такие кресла я видела в журнале «Гавайи» на прошлой неделе. Их было выпущено всего двадцать, причём десять выкупил английский миллиардер. Даже думать не буду, как Деб их достала.

Ещё «джунгли» украшали несколько синих стеллажей и мягкий белый ковер на весь кабинет. И много, очень много мелочей: начиная подставкой в виде губ, заканчивая настенными часами с фотографией Брэда Питта.

– Всё слишком красиво, чтобы быть правдой, – восхищенно заметила я.

– Тогда считай, что тебе несказанно повезло, – услышала я уже знакомый властный голос.

В кабинет вошла Деб с черным клатчем и кружкой кофе в руке. Её выразительные зелёные глаза были подведены тонкими черными стрелками, а пухлые губы украшала бордовая помада. На Деб был брючный костюм алого цвета: укороченный пиджак и

зауженные брюки. С костюмом идеально сочетались бежевые туфли-лодочки и полупрозрачная рубашка с золотой цепью.

– Мильтон подписал договор? – спросила Деб, набирая телефонный номер.

– Контракт наш, – радостно ответил Алан.

Секундная пауза. Абонент на том конце провода взял трубку.

– Привет, Тони! Рада, что ты согласился... Да, мы сделаем всё, как надо... Сейчас? Конечно! Через час приедет наш стажер... Да, я за неё ручаюсь. Можешь внести в список – Мишель Брэй... Отлично! До встречи! – Деб положила трубку. – Какой же он зануда. Если бы не мы, он бы давно обанкротился, – продолжала Деб, перебирая бумаги.

– Поясняю: Тони Мильтон – пятидесяти пяти летний владелец сети ночных клубов и баров, – шепотом начал Алан. – «Форджес» сотрудничает с ним уже несколько лет, и за это время мы вытаскивали его заведения из самых плачевных ситуаций. Дело в том, что понятие «веселье» у Тони не совсем совпадает с тем, что обычно думают при этом слове люди. Переубедить его крайне трудно, но когда бар катится к чертям он бежит ни к кому иному, как к Деб.

– Итак, Брэй, – заговорила Деб, – через неделю Тони Мильтон открывает бар «Кровавая Мэри». Наша задача – не дать ему испортить репутацию себе, а раз он подписал контракт, то и нам, соответственно. Сейчас ты поедешь в этот бар, он находится на Вестминской Аллее. Зайдешь через чёрный ход, Тони тебя встретит. Вот список вопросов, которые нужно обсудить, и список того, что мы ему предлагаем, – Деб подала мне файл с бумагами. – Ещё план здания, контакты всех артистов и фотографии с выступлений, – она достала из ящика толстую зеленую папку. – Узнай, чего хочет Мильтон, и пожалуйста, сделай так, чтобы вечеринка получилась стоящая. Не провались там! Нам не нужны конфликты с Тони, он приносит компании достаточно денег.

Глава 10

Такси остановилось у двухэтажного бара с яркой неоновой вывеской «Кровавая Мэри». Я подошла к заднему входу, открыла тяжёлую металлическую дверь и очутилась в тёмном коридоре. Высокий мускулистый охранник провел меня в кабинет.

– Показывай, что у тебя, – строго сказал мужчина в тёмно-синем костюме с сигаретой в руке. Это был никто иной как сам Тони Мильтон.

Я быстро подошла к столу и начала нервно перебирать бумаги. Выложила на стол две папки и открыв нужные страницы, опустилась в кресло.

Тони внимательно изучал эскизы, я перебирала браслет на руке.

– Деб сказала показать вам этот макет, – смущённо залепетала я, – и ещё она сказала, чтобы вы рассмотрели два варианта от компании, они на второй странице...

– Деб сказала, Деб посоветовала, как хочет компания... – Тони захлопнул папку. – А что думаешь ты...? – он вопрошающе посмотрел на меня. Я сразу сообразила и ответила:

– Мишель. Мишель Брэй.

– Так вот, Мишель, что думаешь ты? Мне неважно, чего хочет компания, неважно, какие эскизы предлагает Деб. Скажи мне, Мишель, тебе самой нравится то, что ты мне сейчас предлагаешь?

– Вы серьёзно...?

– Да, серьёзно, – Мильтон кивнул. – Мишель, – продолжал он, – я работаю с людьми уже несколько десятков лет и насквозь их вижу. Как вижу насквозь и всех из «Форджес». Да, я знаю, что они считают меня старым недоумком, который без них обанкротится. Пойми, мы с Деб можем ненавидеть друг друга годами, однако лишать друг друга работы – не в наших правилах. Я вообще удивляюсь, как ты оказалась в центре этой кутерьмы. Тебе ведь лет шестнадцать.

– Семнадцать, – тихо заметила я.

– Но сейчас важно не это. Сейчас мне действительно нужно твоё мнение. В тебе чувствуется живая мысль. Я вижу, ты сделаешь что-то новенькое и порадуешь старика.

– Да что вы, – улыбаясь, сказала я, – совсем и не старик.

– Так что ты думаешь?

Я немного замялась. Вот наговорю сейчас глупостей и получу от Деб по полной программе. А что, если Мильтон вообще откажется от сделки? Форджес потеряет клиента, а я навеки потеряю Форджес. Но черт, в эскизах и правда есть недочёты. Будто бы план на коленке составлялся. Брэй, ну решайся же!

– Вообще-то, есть несколько идей, мистер Мильтон... – собравшись с мыслями, начала я. – Думаю, главный зал стоит оформить в бордовом цвете и дополнить светодиодными рисунками. Красный цвет будет смотреться чересчур навязчиво и быстро надоест. Если мы ожидаем большое количество гостей, то танцовщиц логичнее всего разместить там, где будет минимальная проходимость, а то есть под потолком. Не спрашивайте, как я собираюсь это сделать. Вопрос решаемый, и результат вас приятно удивит. Если переместить барную стойку и лаундж-зону в восточное крыло, – я прочертила пальцем невидимую линию, – мы сможем избежать того, что обкуренные и пьяные гости будут тревожить посетителей вип-зоны, стремясь попасть в уборную. Тогда вип-зона, – я обвела участок карты маркером (откуда я его вообще взяла?), – переезжает сюда, – и дорисовала длинную стрелку. – Насчет оформления зала альфа у меня есть вообще потрясающая мысль...

Слова слетали с языка, как слетают голуби с провода, когда какой-нибудь паренек подъезжает на самокате и подкидывает найденный на дороге камень. И чем больше я говорила, тем глубже пряталась неловкость.

Спустя полчаса я шла по улицам большого города с подписанным контрактом. Удивительно, но Тони сказал, что мои идеи настолько его впечатлили, что свою вечеринку он доверяет только мне и никому более.

И вот я шла, уверенная в себе и своих действиях, но в то же время ужасно перепуганная внезапно навалившейся ответственностью. Как объяснить Деб? Что она со мной сделает? И главное, как я, (простая школьница!) смогу сделать такую вечеринку? Да, я поставила школьный спектакль... Но это! Открытие клуба, сливки общества и много, очень много журналистов! Одна незначительная ошибка – и вот оно, первое пятно на моей репутации. На репутации пока ещё никому неизвестной Мишель Брэй.

Хотя, как бы там ни было, улыбка, сиявшая на моём лице, твердила о том, что всё получится, и получится как нельзя лучше. Хотя твердая походка всё же замедлилась, когда я подошла к офису «Форджес».

Вдох-выдох. Вдох-выдох. Ещё спокойнее...

Вдох-выдох. Как заставить сердце биться медленнее?

Вдох-выдох. Уйди, предательский румянец. Вдох-выдох.

Вхожу.

– Замечательно, девочка моя! Не думала, что ты начнешь так быстро делать успехи. Как тебе вообще удалось уговорить этого престарелого болвана на такой ход? – изумленно рассматривая бумаги, напевала Деб.

Я не могла поверить ушам. Да что уж там, я и глазам не верила. Первый день в одном из самых крутых агентств города, и меня уже хвалят. И самое главное, барабанная дробь... Я получила заказ! С ума можно сойти! Брэй, да ты не так уж и безнадежна!

– Только учти, – прервав мои размышления, продолжила Дебби, – теперь это твоя вечеринка, и в твоих интересах не облажаться. Испортишь свой имидж – испортишь и имидж компании. А тогда уж даже я не смогу спасти твою задницу.

– Да, я всё понимаю, Деб. Обещаю, что не подведу.

– Охотно хочется верить, – с чашкой кофе в кабинет вошёл Алан. – Ты просто чудонаходка: молодая, хорошенькая и, судя по всему, очень способная, раз уломала Мильтона.

– И тебе привет, Алан, – улыбнувшись, ответила я.

– Брэй, на сегодня твоя миссия ещё не окончена, – подавая мне стопку бумаг, снова заговорила Деб. – Перебери здесь всё. В красную папку договоры насчет вечеринок в общественных заведениях, в синюю – частные заказы, старые договоры в серую папку, а не подписанные – в мусорное ведро. Справишься до пяти – отпущу домой пораньше!

– Будет сделано, капитан, – пытаюсь не уронить груды бумаг, объявила я.

Алан открыл дверь и указал на небольшой столик у окна, заваленный маркерами и разноцветными стикерами.

– Там сидела наша бывшая работница. Справлялась отвратительно, даже стол не убрала перед уходом, – объяснил он. – Теперь он твой.

«Невероятно! У меня уже есть свой стол», – подумала я в тот момент, а уже через час рабочее место выглядело как новенькое, и я, сидя на прекрасном синем стуле, была по уши погружена в сортировку договоров.

Глава 11

Следующий мой день начался с уроков. Вот так и живет стажер самого крутого агентства праздников в городе. Но уже на обеде я встретила со своим парнем-красавчиком, и в животе запорхали бабочки, а мир вокруг зацвел новыми красками.

Неповторимый Рич Нэш... Зеленоглазый, сумасшедше привлекательный парень с темно-русыми волосами. Он гордо шел ко мне по коридору в своей коричневой кожаной куртке.

«Спасибо, Боже, что ты дал мне такого сногшибательного (во всех смыслах) парня».

Он подошел ко мне ближе, резко прижал к стене, пристально посмотрел в глаза, ухмыльнулся и поцеловал.

– Ну привет, Мишель Брэй.

Я улыбнулась.

– Господи... – пропищал восторженный голос в моей голове.

На большой перемене мы сидели в ботаническом саду на бетонном выступе бежевого цвета между высоких колонн. Сад был частью школы, так что мы могли сидеть там даже зимой. Школа у нас безумно красивая. И это, пожалуй, единственный повод в нее ходить. Но теперь, когда я встречалась с самым красивым парнем старшей школы, у меня была ещё одна причина вставать в шесть утра.

Сегодня сад был заполнен школьниками. И как это ни банально, с первого взгляда можно было разглядеть касты. Да, именно касты. Как люди ни пытаются избежать стереотипности деления на социальные группы, в школе это не исчезнет никогда. Всегда есть компания «крутых парней», которым на всё плевать. Они ведут себя как мужланы, не знающие границ в издевательствах над забитыми ботаниками, не нашедшими себе места на вершине иерархии и поэтому вынужденными терпеть насмешки. Хотя, если честно, «крутые парни» совсем недостойны быть верхом классовой пирамиды. Они, скорее, ничтожные придурки.

Но если вы подумали, что это дно, вы очень сильно ошибаетесь. Ведь снизу только что постучали. Этот класс считает себя самыми потрясающими людьми в школе... А, может, и на всей планете Земля. Вспомните всё, что вы знаете о школьной иерархии. Думали, красотки уже вымерли? Как бы не так. На соседней лавочке сидит уже знакомая вам Эшли Мориссон и её единственные и неповторимые подруги. Да уж, по уровню умственного развития они и правда неповторимые.

Пройди мимо них с непричесанными волосами или с сумочкой не от Прада – и ты навек попал в черный список Эшли и её подруг. Этаким круг ненависти. Но у меня только два вопроса. Когда это быть тупой стало модно? И кто, черт возьми, вообще покупает сумки от Прада?

Хотите рассказ без банальной иерархической школьной жизни? Поверните голову налево и посмотрите на целующуюся пару. Она – в желтой кофте, украшенной белыми жемчужинами, зеленой юбке и белых гольфах. Подогнув правую ногу, прижалась накрашенными светло-розовой помадой губами к губам соседа напротив – парня с добрыми чертами лица, вызывающим и даже дерзким взглядом сияющих глаз и сильными руками, крепко прижимающими к себе девушку в желтом. Да, вы угадали, это я и Рич. Не зависящие от социальных предрассудков и правил, невзирая на глупые взгляды и насмешки, мы сидели на бетонном выступе и наслаждались обществом друг друга.

– И чем же я заслужил такую девушку? – улыбнувшись, спросил Ричи.

Я улыбнулась в ответ и смущенно опустила глаза.

– Бум-бум-бум! Просто умереть от умиления можно, – с контейнером к нам подошла Джей. За ней подоспел и Алекс. Он пожал Ричи руку и сел рядом с нами. Романтическая идиллия была прервана, но я не огорчилась. Наоборот, я была счастливее, чем кто-либо. Рядом друзья, которые никогда не предадут и всегда одобряют любой мой выбор, как одобрили и Ричи.

– Как первый день на стажировке? – поинтересовался Алекс.

– О, это было что-то сверхъестественное! – возбужденно начала я. – Деб сразу же отправила меня на встречу с клиентом, который оказался совсем не таким, как я его представляла! Он понял меня, понял мои идеи, мои мысли и взгляды. И ему понравилось! А я думала, что школьный спектакль – это предел моих мечтаний...

– И теперь Мишель... – радостно начал Рич. Ему я уже обо всем рассказала, и после его фразы я заметила недовольную ухмылку Алекса. Ведь обычно всё на свете я в первую очередь рассказывала Алексу и Джей. Но это недовольство исчезло так же внезапно, как и появилось.

– И теперь я организатор вечеринки в честь открытия бара «Кровавая Мэри», – чуть ли не визжа от восторга, заявила я.

– Да ладно! – завопила Джей. – Поздравляю, Брэй! – она обняла меня и добавила: – Всегда знала, что ты ещё всем покажешь в этой школе.

– Мишель, я даже не знаю, что сказать, – удивленно сказал Алекс. – Это... Это невероятно! – приподняв брови, растянув лицо в улыбке, поздравил меня друг.

Рич обнял меня за плечи и поцеловал в щеку.

– Да ты просто чудо, и я не устану это повторять.

– Кто пойдет со мной и Ричи на настоящую, взрослую вечеринку? – я взяла Ричи под руку и положила ему голову на плечо.

– Ну вообще, – начал было Алекс, но Джей толкнула его локтем.

– Ребятки, мы с Алексом собирались посидеть у него с бутылочкой хорошего вина и посмотреть фильм... – затараторила она и посмотрела на Алекса. – Это, конечно, не Кровавая Мэри, но...

Алекс понял намеки Джей, засмеялся, покачал головой и ответил:

– А знаете, и правда, сходите вдвоём. А мы с Джей, так уж и быть, посмотрим Гарри Поттера. Кстати, я люблю красное полусладкое, – посмотрев на Джей, сказал он.

– Вы уверены? – удивленно переспросила я.

– Мы сделаем для вас фото, – с улыбкой добавил Рич.

– Или просто принесите мне коктейль «Голубая лагуна», – восторженно заявила Джей.

– Ну какая ещё лагуна... Только красное вино и только Гарри Поттер, – сказал Алекс.

Мы услышали звонок и поспешили на уроки.

В бешеном ритме пролетела неделя. Изо дня в день я разрывалась между школой, где меня встречали лучшие на свете друзья и парень мечты, и стажировкой, где меня ждала моя первая крупная вечеринка. Постоянно приходилось решать: провести вечер с Джей и Алексом за просмотром ужастика или задержаться в офисе на вечернем обсуждении с Деб и Аланом. Конечно, друзья прикрывали мой немного испачканный ложью пушистый хвостик, но временами я ощущала, как отдалилась от них. Первое, о чем я думала, просыпаясь по утрам, и последнее, о чем я вспоминала, засыпая, была стажировка.

Моя жизнь разделилась на два огромных мира. В одном из них я была семнадцатилетней школьницей с пробелами в математике и химии, внезапно выскочившим на лбу прыщиком и строгими родителями. А в школе меня встречал прекрасный парень, и я утопала в его объятиях.

Познакомившись с Ричи поближе, я поняла, что он не скромный тихоня, каким показался мне вначале. Да, он определенно не такой. Он более резкий, немного дерзкий и вспыльчивый. Но это меня не оттолкнуло, потому что со мной Ричи был всё тем же: милым и душевным. Честным. По крайней мере, мне так казалось. Этот высокий, мускулистый парень пленил меня блеском слегка прищуренных глаз и своей коронной ухмылкой, которой мог сразить всех вокруг. Меня он сразил точно. Часы напролет мы сидели в кафе, но времени и слов не хватало, чтобы сказать друг другу всё. Я не хотела торопить события,

но всё же познакомила его с родителями – это я сделала для того, чтобы папа понял, какой Ричи замечательный, и разрешал мне возвращаться позже, чем обычно.

За полторы недели мы влюбились друг в друга по уши. Вы удивитесь, но папа и правда отпускал меня гулять до полуночи с условием, что Ричи вернет меня домой в целости и сохранности. В противном случае он угрожал надрать ему зад.

Если чуть позже я напишу о Ричи Нэшэ хоть что-то плохое, знайте – это чистойшей ложь. Эмоции, да и только. Нельзя позволять людям ломать ход твоей жизни. И я точно понимаю, куда бы не завели меня эти отношения, они нужны мне. Нужны именно сейчас. Это такой же этап моей жизни, как и все остальные. И не важно, сколько он продлится, и не важно, хорошим он будет или не очень, я всё равно скажу «спасибо». Люди – они как драгоценности. Их можно забыть, потерять, но они всё равно останутся ценными.

Так вот, если вдруг вы прочтете в этой книге что-то плохое про Ричи Нэша, знайте, это не значит, что я не благодарна ему за то, что он стал частью моей жизни. Это лишь значит, что он стал не самой хорошей её частью.

И если в одном мире я всё ещё была девочкой с обычными подростковыми проблемами, друзьями-приколистами и первой любовью, то в другом мире на меня все смотрели иначе. На меня смотрели, как на профессионала. Как на человека, который чего-то стоит.

Не считая постоянной лжи родителям и редких встреч с друзьями, всё шло довольно хорошо. Я сдружилась с Деб и Аланом и, кажется, окончательно закрепила за собой право на прекрасный столик у окна на двенадцатом этаже.

Кроме того, я познакомилась с Одри Кендал, она работает в «Форджес» стилистом. Мы встретились во второй день моей практики в лифте. Красивая афроамериканка в черно-белой полосатой блузе с рукавами-клёш, юбке изумрудного цвета и кудрявыми темными волосами, перевязанными яркой лентой, повернулась ко мне и сказала:

– День сегодня отвратительный. Хорошо, что в мире есть кофе и красная помада. Кстати, я Одри. Одри Кендал.

– Мишель Брэй, стажируюсь в «Форджес».

– О, так мы с тобой одного океана рыбы. Я тоже в «Форджес». Рисую стрелки и подбираю туфли, – радостно говорила она. – Кстати, у тебя отменный вкус. Прада?

– Гипермаркет неподалёку, – засмеялась я.

– А ты забавная, – двери лифта открылись. – Забегай ко мне как-нибудь. Моя творческая мастерская на тринадцатом этаже, – она подмигнула мне, вручила бумажный стакан кофе и исчезла за большой дверью лифта.

Так мы и встретили друг друга. Теперь я каждый день забежала к Одри выпить чашечку кофе и послушать одну из многих смешных историй, в которые она попадала. Эта шальная афроамериканка мне сразу понравилась.

Сегодня я заканчивала работу над своим первым проектом – вечеринкой в «Кровавой Мэри». Открытие бара пройдет вечером. И пройдет с размахом. У меня было достаточно времени, чтобы проработать каждый нюанс, поэтому сегодня я собираюсь просто отдохнуть на хорошей вечеринке с любимым парнем.

– Ричи, ты же пойдешь сегодня со мной? – я поправляла воротник джинсовой куртки своему красавчику и говорила, покусывая губу.

– С тобой хоть на край света, – ответил он и чмокнул меня в губы.

– Ну тогда буду ждать тебя в семь. И помни: ни слова моему отцу. Мы идем с тобой на вечерний киносеанс.

– Безусловно, маленькая врунья, – улыбаясь, говорил Ричи.

– Ты мне льстишь, – я поцеловала его. – До вечера! – и убежала на уроки.

После школы мы с ребятами забежали в «Лорен Хаус».

– Мишель, тебе не кажется, что ты проводишь с Ричи времени больше, чем со своими лучшими друзьями? – прожёвывая картошку фри, говорил Алекс.

– Тише ты, Алекс! – пихнула его Джей. – Всё-таки Ричи – её парень, и, кажется, у них сегодня что-то наклёвывается...

– Джей, – отозвалась я.

– Ну а что? Он приличный парень. Почему бы и нет? Тем более, сегодня отличный день: вечеринка в баре, все чествуют несравненную Брэй, а потом вы наедине в каком-нибудь отельчике...

– Всё больше, чем идеально, но Джей, ты же понимаешь, для меня это больше, чем момент. Это очень важный момент. Я не хочу прыгнуть в океан, не изучив дна. Мы встречаемся всего полторы недели, и было бы полнейшим бредом сразу прыгнуть в постель.

– Да-да, всего-то...

– Алекс, не влезай в женский разговор, – резко ответила Джей.

– Ой, да пожалуйста. Пойду возьму ещё картошки.

– Пойми, подруга, когда-то тебе придется признать, что началась взрослая жизнь, а значит, и серьезные отношения. Некоторые замуж выходят после месяца знакомства. Чего ты боишься?

– Пойду-ка я за свадебным платьем, – отшутилась я.

– Ну, ты как знаешь, Мишель... Вот потеряешь его, не приходи ко мне плакаться в жилетку... Ох, ладно. Черт с тобой. Всё равно люблю, дурочка моя, – она улыбнулась.

Я точно была не готова к такому серьезному шагу. Но Джей всё-таки посеяла во мне сомнение. Мы ведь и правда будто бы идеально подходим друг другу. А жизнь так коротка... Мысли затуманили мне голову, и следующие полчаса в кафе я просидела почти молча, инстинктивно отвечая на вопросы друзей.

Когда вечером я собиралась на вечеринку, Сэм как на зло заняла ванную.

– Сэм, вылезай уже!

Дверь резко распахнулась, Сэм вихрем пронеслась мимо меня.

– Задолбала уже! – услышала я.

Я вошла в ванную и почувствовала запах дыма. Я рванула в комнату к сестре.

– Ты что, курила?

– Ну допустим. И что? – вальяжно развалившись на кровати, отвечала она.

– А то, что я прямо сейчас спущусь к родителям и расскажу о твоей выходке. Ты из дома до конца жизни не выйдешь.

Я направилась к двери.

– Постой, – крикнула Сэм. – Не говори родителям.

– А что мне за это будет?

– А что ты хочешь?

– Хм... Будешь месяц мыть посуду вместо меня.

– Вот ещё!

– Ну тогда прощайся со свободой.

– Подожди... А куда это ты собралась? – дерзко начала Сэм.

– В кино. С Ричи, – слегка удивившись вопросу, ответила я.

– Что-то твой прикид не похож на одежду для кино.

– Что ты несешь? Я всегда красиво выгляжу. В отличие от некоторых.

– Да ты что? А что ты скажешь об этом? – Сэм достала из ящика два пригласительных на сегодняшнюю вечеринку.

– Сэм... – я смотрела на сестру, выпучив глаза и не зная, что сказать. – Откуда это у тебя?

– Нашла у тебя в шкафу, когда искала твою серую футболку.

– Какого чёрта ты вообще роешься в моих вещах?

– А это уже не главный вопрос. Главное: почему ты тащишься в город на непонятную вечеринку?

Я стояла в смятении. Снова врать? Кажется, мой мозг уже не выдерживает этот многотонный груз лжи. Я присела на край кровати.

– Я попала на стажировку в агентство по организации вечеринок, и хожу туда уже больше недели. С понедельника по пятницу с часу до шести.

– Так вот на какие «курсы» ты записалась...

– Сэм, ты же знаешь маму с папой. Они ни за что в жизни бы не одобрили эту стажировку. Но это моя мечта, я не могу от неё отказаться. Родителям я рассказать не могу. По крайней мере, не сейчас.

Сэм сидела рядом, перебирая в руках два куска бумаги, которые сегодня могли решить мою судьбу.

– Я изо всех сил стараюсь быть хорошей дочерью, но ещё я очень хочу сделать что-то получше, чем получить пятерку по химии. Эта вечеринка – мой шанс пойти дальше. Эту вечеринку сделала я, понимаешь, Сэм? Я не могу туда не пойти. Прошу тебя, не рассказывай родителям ни о чём. Пожалуйста.

– Мишель... Ты чертова засранка! – она ударила меня билетами. – Но черт, ты моя сестра. Держи свои билеты и повеселись сегодня.

– Сэм, ты даже не представляешь, как я тебе благодарна!

– Да что уж там. Только не вляпайся никуда. И да, не говори родителям про сигареты. А то я не буду тебя прикрывать, – она улыбнулась.

«Моя сестра умеет улыбаться? Сегодня день приятных открытий».

– Не расскажу. Но ты лучше бросай это дело... А я знала, что ты добрая. Иди сюда, – я обняла её за плечи.

– Эй, эй, ну хватит телячьих нежностей. Вали уже, – с усмешкой сказала она.

Ровно в семь в дверь позвонили. Папа открыл.

– Здравствуйте, Рональд, – Ричи пожал ему руку.

– Привет, Ричард. Проходи, – из кухни вышла мама.

– Спасибо, но нам с Мишель уже пора. Кстати, она уже готова?

– Полностью согласна, – ответила я со второго этажа и спустилась по лестнице.

Сегодня особенный день. И выглядеть я должна особенно. Облегающее золотистое платье длиной чуть выше колена с большим рюшем на плече и черный клатч в тон замшевых туфель на высоком каблуке. На глазах чувственный смоки, которому меня научила Одри, волосы локонами ниспадают по плечам.

– Выглядишь потрясающе! – приобняв меня, сказал Ричи.

– Не слишком ли вызывающе для кинотеатра, Мишель? – слегка нервно спросил папа.

– Пап, не парься. Это же Мишель. Она всё время наряжается в глупые шмотки. Пусть идет, – на лестнице сидела Сэм.

– Что это с ней? – удивленно спросил папа.

– Рон, не волнуйся. С нашей малышкой Ричард. Всё будет хорошо. Удачно повеселиться, молодёжь!

Я надела куртку, мы вышли на улицу, сели в машину (Ричи водил небольшую тойоту) и отправились в бар.

Мои родители очень сильно меня любят, я это знаю. Но их чрезмерная опека иногда переходила все возможные границы. Предположить в то время я могла только то, что они хотят испортить всю мою подростковую жизнь просто потому, что им этого хочется. Я была подростком, я думала, что родители хитрые и злобные, и все их запреты не оправданы в принципе ничем. Если вы до сих пор думаете так и про своих маму и папу, вы очень сильно ошибаетесь. Сейчас я расскажу вам подробнее о моих родителях, и, может, вы поймете, в чём дело, и почему сейчас, когда я пишу эту книгу, говорю, что все эти запреты, наказания и прочая ерунда – никакая вовсе и не ерунда. Наоборот, это доказательство того, что они лучшие на свете.

Мой папа, Рональд Брэй родился в семье не самой хорошей. Отец его был пьяницей, ежедневно избивал маму, а все заработанные деньги тратил на кутежи и продажных девиц. Рон с самого детства был типичным дворовым мальчишкой, умел постоять за себя, баловался сигаретами и гулял до позднего вечера. Одного он боялся – попасться на глаза разгневанному отцу, который каждый раз, когда мальчик не выполнял его поручений или выполнял их плохо, обещал с него три шкуры спустить. Мать хотела защитить сына, но была настолько испугана и забита, что просто молчала. Из раза в раз. Но Рон все понимал. И вскоре он научился защищать себя и маму. После очередной драки сына с отцом мама вызвала полицию, и отца закрыли в камере. Посадили его надолго – при проверке выяснилось, что он приторговывал наркотиками.

И вот, из бойкого дворового парнишки Рональд превратился в ученика выпускного класса местной школы. Жили они к тому моменту вместе с мамой. Несмотря на то, что отец его был алкоголиком, Рон не гнушался употреблять алкоголь в таких количествах, что некоторым и не снилось. В свои семнадцать лет он кутил по полной. Вечеринки, легкие наркотики, незнакомые девочки. Но однажды он встретил ту самую. Но нет, это была не мама. Это была Роксана Портер. Дочка банкира. Любительница всего дорогого, блестящего

и недостижимого. Если для Роксаны что-то было недоступно, она делала так, что оно становилось доступным. Вот и Рон стал её в два счета. Ну а что? Длинные ноги, параметры модели, пышные волосы, маленький носик и легкий, романтичный взгляд. Ей всего-то и нужно было – взмахнуть ресницами и повилиять бедрами. Их отношения продлились полтора года. Потом они расстались. Почему – я не знаю. Знаю только, что после этого Роксана уехала в другой город с отцом и не появлялась здесь. До сегодняшнего дня.

С мамой папа познакомился немного позже. Она и правда любовь всей его жизни. Ну а как можно не любить эту прекрасную женщину? Она и в молодости была чудесной, благоразумной. Выросла Ванесса Брэй или, правильнее, Ванесса Рид, в семье аристократичной и достаточно богатой. Как познакомился парень с улицы с девушкой из «высшего общества», спросите вы? Их дома находились напротив друг друга. Точнее, Риды переехали туда, когда Ванессе исполнилось девятнадцать. Ей сразу понравился новый сосед, а он был без ума от её вьющихся светлых волос и доброй, не наигранной улыбки. Для неё он стал другим. Тем, кем никогда не был. Теперь уже не просто парень с улицы, а парень, который готов меняться ради той, что жила напротив.

Однако мистер и миссис Рид не принимали Рона. Для них он был всё тем же парнем с разбойничьим характером и преступным нравом каким его описывали соседи. Долго пришлось Ванессе убеждать родителей в обратном. И только когда Рональд остепенился и поступил в полицейскую академию, они, стиснув зубы, дали согласие на брак.

С тех пор мама с папой – самая счастливая пара, которую я когда-либо встречала. Папа – прекрасный полицейский, который ловит малолетних преступников. А ведь двадцать лет назад преступником считали его. Мама – прекрасная жена и домохозяйка. Время от времени она ходит на йогу и занимается продажей косметики через Интернет. Дедушка с бабушкой окончательно смирились с тем, что Рон прекрасный парень, и даже подружились с его мамой, которая теперь живет неподалеку от нас.

И нет больше никакой Роксаны. Хотя, постойте-ка. Роксана всё-таки в этой истории есть. И история это начинается не самым лучшим образом.

Вернемся в вечер сегодняшнего дня.

– Знакомьтесь, новая преподавательница младших классов по литературе, – торжественно заявил директор на школьном собрании, – наша выпускница, Роксана Портер.

Худая брюнетка с кошачьим взглядом широко улыбалась своими накрашенными бордовой помадой губами и поглядывала на моего папу. Меня там, к счастью не было, но к

моменту написания книги вся эта история уже давно была мне известна. Так что, дорогой читатель, я пойду попить чай, а ты пока побудь наедине с Роном и Роксаной.

После того, как я и Ричи уехали, мама пошла на йогу, а папа на собрание в школу. Там он и встретился с Роксаной. Вновь. Трудно представить его реакцию, но я всё-таки попробую. Эта девушка всегда взрывала умы и сердца мужчин. Она способна на многое. Но чтобы устроиться в мою школу?! Это уже переходит все границы. Хотя, может, я просто чересчур драматизирую, и она на самом деле хочет стать выдающимся литературоведом. Так или иначе, я обещала уйти из этой истории, поэтому до встречи на страницах книги.

Сказать, что Рон удивился, ничего не сказать. Он не видел эту девушку уже почти двадцать лет, а сейчас она, уже взрослая женщина, стояла перед ним. Все такая же привлекательная, с тем же дерзким, нахальным взглядом.

– Я очень рада, что буду работать именно здесь. Со многими мы знакомы очень давно, – она посмотрела на Рона, – потому что я, как и вы, выросла здесь. И, вы не поверите, – улыбнулась она, – когда-то я тоже сидела за этой партой, – она присела на угол парты, за которой сидел Рон. Он смотрел на неё сурово. Не самые лучшие эмоции вызвала у него эта встреча.

Когда собрание закончилось, и все начали расходиться, Рон подошел к столу, возле которого стояла та самая брюнетка с кошачьим взглядом, которая когда-то волновала его больше всех на свете.

– Роксана, ты что здесь делаешь? – грубо спросил он.

– Рональд, ну что же ты так на меня ополчился, – ласково ответила она.

Но видна была за этой ласковостью она настоящая. И уж поверьте на слово, Портер – самое худшее, что могло случиться в жизни Рона. И случилось.

– Милый Рон, – она провела рукой по отвороту его куртки.

– Не надо, – отрезал он.

Она убрала руку.

– Ну, как знаешь. А я ведь пришла с миром. Но, видимо, тебе этот мир к черту не нужен, – милая, добрая Рокси изменилась в лице. Нахальная ухмылка, задранный подбородок. Нога отставлена в сторону, руки скрещены. В глазах блеск хитрости. – Хм... – она демонстративно приложила палец к нижней губе. – Интересно, что подумает Ванесса, когда я расскажу ей про то, через что мы с тобой прошли...

– Ты не сделаешь этого, – Рон положил руку ей на предплечье. – Рокс, это наш общий секрет, наше общее прошлое. И мы поклялись забыть его раз и навсегда. Зачем тебе это? Зачем тебе портить мою жизнь?

– А затем, что ты испортил мою. Чертов Рон Брэй. Ты сломал всё, что я так старательно строила. Но сейчас я уже не та дурочка, мечтающая завоевать титул королевы бала. И теперь я испорчу твою жизнь, Рональд, – она сказала это четко, тихо, глядя Рону прямо в глаза.

– Рокс! – он взял её за руку, как только она повернулась, чтобы идти. – Что я могу сделать для тебя?

Роксана улыбнулась. Через секунду её улыбка сменилась гримасой ненависти.

– Создать машину времени и вернуть меня на двадцать лет назад.

– Рокс, умоляю...

– Ах, теперь ты умоляешь... – она рассмеялась. – А, знаешь, что... Ты всё-таки можешь для меня кое-что сделать. Ужин. Завтра вечером в «Континентале».

– Я женат, Роксана. Я не могу пойти с тобой на ужин.

– Тогда вместо «Континентале» завтра я посижу у тебя дома. Пообщаюсь с Ванессой за чашечкой чая.

– Да к черту, Рокс! Ванесса тебе все равно не поверит. Ты стерва и патологическая лгунья.

– Посмотрим-посмотрим... Представляю её лицо, когда она увидит все документы, – Роксана хитро улыбнулась и приподняла брови.

Рон стоял и растерянно смотрел на ликующую брюнетку с бордовыми губами. Увы, победа за ней. Он думал, что сильный, но для Роксаны слабы все. В ней слишком много дьявольского. И слишком мало человеческого.

– Что замолчал? Сказать нечего? Что ж, увидимся у тебя. Пока, Рони! – она махнула рукой и направилась к двери.

– Я заеду за тобой в восемь, – жестко произнес Рон.

Роксана повернулась и улыбнулась. И в этот раз даже не хитро. Победоносно. Так, как умеют улыбаться стервы со стажем.

– Правильный выбор! Я знала, ты не сглупишь...

Роксана ушла, а Рон поехал домой. Совершенно опустошенный, расстроенный, разочарованный и напуганный завтрашним днем. Ему придется врать своей Ванессе. Ему придется идти на свидание... Нет-нет. На встречу. На встречу с этой ужасной женщиной. Она красива, амбициозна, сильна, напориста, страстна. Она убийственна. Что будет завтра? Он знает только, что лучше уже не будет. Но вот будет ли хуже?

Рональд понимал, что секреты – вещь далеко несовершенная. Они тяготят, разъедают тебя изнутри. Но самое страшное – когда секреты раскрываются. Хорошего они

уж точно ничего не приносят. Секреты – наша отрада и одновременно оружие, которое нас убивает.

Глава 12

Возле «Кровавой Мэри» нас встретили толпы журналистов и фотографов. Вспышки фотокамер то тут, то там временами сбивали с толку. Когда мы вошли в бар, всё уже было готово. В огромных металлических шарах под потолком были танцовщицы в прекрасных костюмах, по залу растекались звуки музыки, громкой и ритмичной. Люди вокруг непринуждённо разговаривали, смеялись, танцевали.

– Мишель, если это правда твоих рук дело, – сказал Ричи, – то я просто восхищён.

– Мишель, здравствуй, – к нам подошёл Тони Мильтон. – Кажется, вечеринка удалась. От гостей отбоя нет. – Он поднял стакан виски, – отлично сделано.

– Спасибо, мистер Мильтон. Я рада, что вам нравится.

– Работа сделана. А теперь хорошенько повеселись. Я настаиваю на этом, как твой заказчик и хозяин этого не такого уж и безнадёжного места, – он засмеялся и пошел в сторону барной стойки.

– Улыбочку, – услышала я от проходящего мимо фотографа.

Ричи крепко прижал меня к себе, мы улыбнулись. Щелчок, яркая вспышка и вот, фотографа уже как не бывало.

– Чем теперь займемся? – сказал мой прекрасный принц.

– Хорошенько повеселимся! – ответила я и потащила его на танцпол.

Я не чувствовала ничего, кроме его прекрасного тела и громкой музыки. Танцпол был заполнен парнями и девушками, а мы были в эпицентре танцевальной лихорадки. Под звуки, исходящие от диджейского пульта, люди будто бы входили в транс под названием «кайф». Но, как оказалось, причиной этого кайфа была не только музыка.

– Мишель... Мишель... – доносился до меня знакомый голос. – Мишель, черт подери! – Деб оттащила меня в сторону. – У нас серьезные проблемы. Танцовщице, которая должна выступить через десять минут, стало плохо.

– Что с не случилось? – ещё не совсем понимая масштаб трагедии, отозвалась я.

– Что такое? – из толпы вылетел Ричи.

– Ваша артистка блюет от передоза в туалете, – заявила Деб.

– Какого...? Но... Здесь же нет наркотиков.

Деб засмеялась.

– Детка, здесь? И нет наркотиков? Это вечеринка, ясно тебе? А на вечеринке всегда есть наркотики. Тусовки – это золотая жила для дилеров.

И только сейчас я заметила, что почти у каждого человека на танцполе была припрятана зловещая таблетка. Наркотики были повсюду: торчали из карманов джинсов,

скрывались в декольте или даже были вставлены в резинку на волосах. По площадке перемещались люди-призраки, их пальцы быстро передавали пакетики с таблетками то в прекрасные женские руки с французским маникюром, то в сильные мужские руки, на которых красовался серебристый Ролекс.

– Брэй, очнись! – Деб щелкала пальцами у меня перед носом. – У тебя десять минут, чтобы решить эту проблему. Думай, девочка, думай!

– Мы откачаем её, Мишель, слышишь? Всё будет хорошо, только не волнуйся! – сказал Ричи и потащил меня в уборную.

Деб не ошиблась, когда сказала, что танцовщица блюет от передоза. Выглядела она действительно хреново.

– Ну, может вам водички?

– Отвалите от меня все! – держась за унитаз стонала она.

– Вы не можете просто так взять и подвести людей, – сказал Ричи.

– Не указывай, что мне делать, говнюк! – выкрикнула девушка.

– Что ты сказала? – я, конечно терпеливый человек, но такого отношения ни со мной, ни с моим парнем не потреплю. – Чертова наркоманка. Тебя попросили просто выступить, а ты нажралась в хлам и закинулась таблеткой! Прекрасно! Можешь и дальше обнимать толчок, плевать мы на тебя хотели. Пошли, Ричи, – я хлопнула дверью.

Посмотрела на часы.

– Через пару минут уже её номер. Чёрт, чёрт, чёрт! Что теперь делать? – я обреченно села на пол и навалилась на стену.

– Эй, эй, эй, не вздумай опускать руки. Это не катастрофа вселенского масштаба!

– Нет, Ричи. Это как раз-таки катастрофа вселенского масштаба!

– Так, вот что мы сделаем. Сначала ты встанешь и перестанешь хныкать. А то тушь потечёт.

– Только не тушь, только не тушь, – я начала махать руками на лицо.

– Где, говоришь, сцена находится?

– Вон там, – я указала пальцем.

– Не грусти, Мишель. Мы спасем эту вечеринку от провала, как когда-то спасли школьный спектакль.

Ричи взял микрофон, взобрался на сцену и заговорил:

– Итак... Всем привет! Меня зовут Ричи. Моя девушка, Мишель, наверное, многие из вас её знают, организовала эту вечеринку и она очень боится, что что-нибудь пойдет не так. Но ведь всё же отлично? Вам весело...? Я не слышу, вам весело?!

Зал визжал и хлопал.

– Что... Что он творит? – шепнула я себе под нос.

– Ну тогда ловите ритм! Диджей, музыку! – Ричи положил микрофон на пол и начал танцевать. Это был самый глупый танец, который я когда-либо видела в жизни, но зал поддерживал его, а я смеялась без остановки.

– Мишель! Иди сюда! Давай же! – выкрикнул Ричи, уже запыхавшись.

«Что? Нет! Ни за что».

Но зал уже тащил меня на сцену, и я глазом моргнуть не успела, как оказалась перед Ричи лицом к лицу.

– Я люблю тебя, Мишель Брэй! – он выкрикнул эту ужасно-прекрасную фразу и поцеловал меня.

«Что? Он сказал, что любит меня?»

– Чего не танцуешь?

И я начала танцевать так же безудержно, как несколько минут назад веселилась на танцполе. Только сейчас я не могла отключиться от всего остального мира. Я снова думала о том, что сказала Джей. О том, что сказал Ричи. О том, что я чувствую... Или не чувствую?

«Он сказал, что любит меня?»

После сумасшедшего танца на сцене к нам подбежала девушка. Она представилась журналисткой из одного местного журнала.

– Это вы Мишель? – заинтересованно спросила она меня.

– Да, – удивленно ответила я.

– Могу я задать вам несколько вопросов?

– Кажется, обо мне напечатают статью! – я подбежала к Ричи через десять минут. Он стоял у бара и говорил с каким-то парнем.

– С ума сойти, Мишель! Поздравляю!

– Боже, Рич, ты не представляешь... – я упала на стул и устало выдохнула.

– Всё в порядке?

– Да вот именно! Всё в порядке! Всё просто супер. Слишком хорошо, чтобы быть правдой...

– Хочешь поговорить об этом? Предлагаю переместиться в тихую зону на втором этаже. Недавно я видел Мильтона. Он сказал, что в награду за такое креативное выступление, он дарит нам бесплатную ночь в вип-зоне. Можем и заночевать тут, если ты слишком устала.

– Эм, да, может... – неуверенно протараторила я. – Пойдем.

Мы сидели в небольшой комнатке с большим красным диваном, двумя цветками и журнальным столиком, на котором стояли тарелка с фруктами и бутылка вина. Ричи нежно целовал меня в шею и медленно водил рукой по спине.

– Ричи, нам надо поговорить, – прервала его я.

– Давай не сейчас, – одной рукой он уже начинал расстегивать замок на золотистом платье.

– Ричи, остановись, – более настойчиво произнесла я.

– Ну что не так, Мишель? – он выглядел немного раздраженным.

– Я даже не знаю... – я смущалась и была расстроена из-за реакции Ричи. – Сегодня днём я говорила с Джей. Она сказала, что однажды мне придется принять то, что я уже взрослая и готова к серьезным отношениям. А сегодня на сцене ты сказал, что любишь меня... Но пойми, мы вместе всего пару недель, и я совсем не готова к серьезным шагам. Мне нужно время.

– Мишель, – Ричи мягко улыбнулся. – Я не прошу тебя идти против самой себя и делать то, к чему ты не готова. Не слушай Джей. Слушай себя и свое сердце. Сейчас я от тебя ничего не требую, я только лишь хочу поцеловать самую прекрасную девушку на этой вечеринке.

– Ты чудесный, – я нежно обняла его за плечи. Я не видела его лица. Наверное, хорошо, что я не видела его лица. Ведь на нем уже не было того приятного выражения. Мягкость куда-то исчезла, осталось только сухое недовольство. Но мне в этот момент Ричи казался самым понимающим, самым добрым парнем на всей планете.

– Вы были просто потрясны, – с шампанским в руке к нам в комнату влетела Деб. – Брэй! А ты продержалась даже дольше, чем я ожидала... – Она присела на диван, но тут же соскочила опять. – Да что это я! Побудьте наедине, голубки мои ненаглядные, я побежала! – и она вышла из комнаты так же быстро, как вошла в неё.

«Золотые хоромы!» – воскликнула бы я при виде потрясающего люкса, отведенного Дебби. Но ей было все равно. Улыбка и бодрое настроение покинули её сразу же, как она вышла из нашей комнаты. Мало кто знал. Хотя, вообще-то, не знал никто. Не знал, как плачет Деб по ночам. Как не хватает ей простого человеческого счастья. Весь тот карточный домик, который она так старательно вокруг себя построила, все люди, шикарные рестораны, огромные премии и поездки в самые лучшие клубы – ничего, совершенно ничего уже не приносило ей счастья. Точнее, счастье было, но было оно настолько мимолётным, что Деб его не замечала. У неё было всё, но не было ничего. Не было семьи, любимого человека, глупых одинаковых свитеров, домашнего печенья, вязаных носков с оленями, не было

посиделок перед телевизором с чашкой приготовленного в микроволновке попкорна. А, пожалуй, только этого она и хотела.

Утром Деб проснётся, ярко накрасит губы, наденет свой любимый пиджак, шпильки и объёмные брюки, купленные на недавнем показе в Париже, и как ни в чем не бывало поедет в офис, заскочив в дорожную кофейню за чашечкой латте. Вспомнит ли она, как лежала на диване в «золотых хором» с бутылкой шампанского, и со слезами по её лицу стекала тушь? Конечно, вспомнит. Но постарается отгородить это воспоминание. Убрать его на самую дальнюю полочку сознания. «Засунь рыдания подальше и покоряй вершины» – вот её закон успеха.

Мы можем её осуждать, можем восхищаться ею. Но все равно каждое утро Деб будет вставать и идти напролом, а каждый вечер – засыпать на очередной дурацкой вечеринке без всякого желания просыпаться. И так по кругу. Изо дня в день.

Об этом я пишу вам уже после всего того, что произошло. Но тогда я понятия не имела, что происходит в жизни моей начальницы.

Домой я пришла около двух часов ночи.

– Полнейшее безрассудство! – с порога заявила мама.

– Но, мам...

– Ничего не хочу слышать. Ты игнорируешь меня и отца, не слушаешь наши наставления.

– Но, мам, мне семнадцать!

– Мишель, ты ещё ребенок. Ты учишься в школе, живешь под опекой родителей и получаешь карманные деньги. С этого дня ты под домашним арестом. Никаких вечеринок, никаких ночевок и никаких карманных денег. После школы сразу домой.

– А как же театральный кружок?

Мама на секунду задумалась.

– Ладно. Домой сразу после него. Тебе всё понятно?

– Да, мам...

Я была расстроена. Ну, или, по крайней мере, сделала вид, что расстроена. Ведь главное осталось со мной – я две недели продержалась в «Форджес», и меня не выперли. Отношения с парнем мечты становятся всё лучше. Даже с сестрой мы, кажется, нашли общий язык. Оставалось только вести себя относительно хорошо. Уверена, через несколько дней мама успокоится, а я снова смогу гулять, хотя бы до одиннадцати.

Глава 13

Вернувшись домой в день, когда мы с Ричи отправились в «Кровавую Мэри», папа был расстроен. Маме он сказал, что на работе дела идут не совсем хорошо. Что, когда он сидел на собрании, его вдруг вызвали в офис. Опасный преступник сбежал из-под стражи.

Да, частично это была правда. Но мучило Рональда совсем другое. Его разъедала мысль о завтрашнем ужине с Роксаной. Когда-то они думали, что будут любить друг друга вечно. Но это время давно прошло. Теперь у него есть своя семья. Зачем она заявила в этот город? В эту школу? Чего она добивается?

Мужчину может сломать только женщина. Только это создание способно убить мужчину изнутри.

«Женщины – самое лучшее, что случается с нами, и самое страшное из всего, чего мы боимся», – это я прочитала в дневнике одного своего хорошего друга. С ним вы познакомитесь немного позже.

А сейчас перенесемся в день, когда состоялся тот злополучный ужин.

– Дорогая, прости, пожалуйста, но сегодня я буду поздно. На работе завал, уже не знаем, что делать.

– Ничего страшного, – мама поцеловала папу в щеку и добавила, подавая контейнер, – я собрала тебе ужин, вот, держи.

– Ванесса, – улыбнулся папа. – Вот за что я тебя люблю. Люблю больше всех на свете.

Я наблюдала эту картину с лестницы. Ведь я была наказана.

«Такие счастливые».

Как хорошо. Я не знала, что папа врёт.

Рон вышел из дома, сел в машину, и улыбка на его лице исчезла. Будто бы её и не было никогда. Он поехал на работу, зная, что через несколько часов пойдет в ресторан с другой женщиной. И хотя он понимал, что совершенно её не любит, что это просто-напросто ужин, его что-то ужасно мучало, держало в напряжении.

Но вот, поворот ключа, гулкий звук мотора, шуршание колес. Вперед. И что бы там ни было. Вперед.

Она вошла своей плавной походкой. Подол шикарного черного атласного платья был украшен серебристыми блестками. Декольте выглядело слишком неприличным, но её это вряд ли смущало. Гордо задрав голову, она плыла по небольшому залу. Бедрa покачивались в такт музыке, звучащей из колонок и раздававшейся по всему «Континенталю».

«Континенталь» выглядел потрясающе. Своим белоснежным кафельным полом, черными стенами, расписанными золотом, массивными люстрами, живыми цветами по углам и аккуратными круглыми столиками с идеально выглаженными белыми скатертями он не мог не привлекать внимание самых требовательных критиков. Континенталь давно обосновался в тройке лучших заведений города. Когда-то он был просто кафе, одним из многих, где школьники ежедневно зависали после занятий. Там, кстати, зависали и Рональд с Роксаной. Сегодня они вернулись. Только нет уже плетеных кресел и колы с картошкой фри. Вместо этого – элегантные стулья из черного дерева, а на столах – фуагра и мидии.

Публика сегодня собралась самая изысканная и требовательная: бизнесмены заканчивали решать рабочие вопросы, угрожая самим себе раз и навсегда отключить телефон и страшась сделать это на самом деле, в то время как их подруги заказывали самые дорогие коктейли, дымили кальянами и делали тонны типичных снимков.

Рон сидел в самом центре ресторана и, когда Рокс подошла к столику, не встал и не подвинул для неё стул. Нет. Он даже не взглянул на причину своего прихода сюда.

– А раньше ты был романтиком. Помнится, всегда таскал меня сюда после уроков, – с ехидной улыбкой заметила Роксана, присаживаясь на стул.

– То было раньше... Но давай, выкладывай, что ты хочешь. И побыстрее. Дома меня ждет жена.

– Рони, не кипятись. Я пришла всего лишь поговорить о нашем сыне.

– Рокс...

– Мы не можем скрывать это вечно. Он есть, и ни ты, ни я ничего не можем с этим поделать.

– Я думал, мы решили этот вопрос много лет назад. Я не готов был стать отцом, и вряд ли смогу стать им сейчас. Спустя двадцать лет.

– Рон, – начала Рокс, положив свою руку на руку Рональда. – Киту нужен отец. У него сейчас трудный период... – Рон выдернул свою руку. Рокс укоризненно посмотрела и продолжила неуверенно, потупившись в стол. – Он не хочет общаться со мной, своей матерью. Он сказал, он сказал... Он сказал, что я ему больше не мать...

– Рокс, решай свои проблемы сама. У меня двое дочерей и любимая жена. Я не могу рисковать всем из-за парня, о котором совершенно ничего не знаю, – Рон встал из-за стола и готов был отправиться к выходу.

– Рон, он в тюрьме! – выкрикнула Рокс.

Рональд остановился.

– В тюрьме? Роксана, что случилось? За что? Так, ладно... Мы попробуем решить этот вопрос... Я поговорю с местными властями, дам денег на адвоката...

– Ну, может быть, я переборщила насчет тюрьмы... Его посадили на трое суток за избиение. Вчера он напал на моего любовника. Накинулся на него ни с того, ни с сего. Честно, не понимаю, как...

– Рокс! Ну что же ты драматизируешь. С парнем всё будет в порядке. Отсидит три дня, протрезвеет и поймет, что был неправ.

– Рони, ну помоги его выпустить, молю тебя! Если он не вернется в колледж, его выгонят. И какого черта мне тогда делать? Этот девятнадцатилетний болван совершенно неуправляем.

– Нет и ещё раз нет...

– Рон, если ты его не вытацишь, Богом клянусь, я сейчас же поеду к твоей женушке и расскажу ей про наш романтический ужин при свечах, с бутылочкой Шардоне, – она пристально посмотрела ему в глаза, закусилла нижнюю губу и улыбнулась левым уголком рта.

– Эх, черт с тобой. Выпустим мы твоего парня...

– Нашего парня.

– Ах, да... Нашего... Нашего парня, – сжав губы, ответил Рон.

24 ноября. День начинается с хорошего дела.

Несмотря на мой недельный арест, жизнь налаживалась. Ричи почти каждый день навещал меня с букетом ромашек или коробкой пончиков. Мне нельзя было выходить с ним из дома, но сидеть внутри в запрет не входило. Мы смотрели ужастики и съедали тонны попкорна за вечер. Правда, иногда Ричи не задерживался допоздна. Говорил, что нужно помочь отцу. Ну и как не отпустить такого красавчика? Вообще, эти отношения казались чем-то слишком идеальным.

К людям привыкаешь. Конечно, не так легко, как к тому, чтобы не опаздывать по понедельникам на первый урок. Но всё-таки со временем люди, как и всё вокруг, становятся частью твоей обычной жизни, и без них ты уже ощущаешь себя некомфортно. Так и я. Когда Ричи не мог ко мне прийти, казалось, пропало что-то очень и очень важное.

На следующий день после вечеринки в «Кровавой Мэри» Деб вручила мне плотный конверт.

– Это вознаграждение! Лично от Мильтона. – Она подошла ко мне поближе. – Кажется, ты и правда его зацепила, – шепотом добавила начальница.

В конверте оказались десять тысяч долларов! Согласитесь, такая сумма кому угодно голову вскружит! Я первый раз могла купить туфли не на распродаже! Но, подойдя к магазину в свой обеденный перерыв, я остановилась.

«А ведь и в туфлях с распродажи очень даже удобно».

В тот день я поделила сумму пополам и положила по пять тысяч долларов в два конверта. Один я оставила под горсткой чаевых на столике в «Лорен Хаус». Это – деньги для Нэнси и её чудного сына. Да, на операцию пять тысяч вряд ли хватит. Но пускай у Майкла хотя бы будет огромная машинка на радиоуправлении и гора сладостей.

Второй конверт я закинула в коробку для анонимных пожертвований нашего театрального кружка. Ведь после спектакля мы так и не смогли собрать достаточно денег для того, чтобы школьный совет признал деятельность театра жизненно необходимой. Но зато именно тот спектакль помог мне стать частью «Форджес», и сейчас я вернула должок. Этих денег должно хватить, чтобы школа смогла поставить новогодний мюзикл.

«Талантливой мисс Уоррен. От анонима», – написала я на конверте и закинула его в ящик.

Хороший день начинается с хорошего дела. Делайте добро, и оно обязательно вернется к вам. Главное – верить.

В туфлях с распродажи и пока что семнадцатилетняя

Мишель Д. Брэй

Сегодня первый день моей свободы. Ну как сказать, свободы. Я, конечно, не сидела в тюрьме, но неделя домашнего заключения для семнадцатилетнего подростка – это как несколько лет заточения в камере. Но вот, наконец, я смогла выбраться из дома вместе с моим любимым Ричи. Сегодняшний вечер я решила провести у него. Не слишком ли опрометчивый ход в самом начале отношений знакомиться со всем семейством своего бойфренда? Ответ простой. Родители Ричи улетели в Индию на две недели, так что огромный белый пентхаус с забором из зеленых кустарников и бассейном размером с мою комнату был полностью в нашем распоряжении. Ну... почти полностью.

– Дома будет мой старший брат. Ты уверена, что хочешь прийти?

– Не думаю, что он захочет зависать в одной комнате со школьниками, – махнув рукой, ответила я, когда после уроков мы садились в автомобиль, стоявший на школьной парковке.

По дороге мы заехали в супермаркет и купили мармелада и чипсов.

– К вечеру ужастиков готовы, – весело сказал Ричи, закидывая покупки в багажник.

Дом оказался ещё красивее, чем я себе представляла. Как только открылись резные золотистые ворота, моему вниманию открылся белоснежный фасад огромного

двухэтажного пентхауса с деревянным крыльцом, на котором стояли два кресла и маленький столик с золотыми ножками. Всё здесь говорило о богатстве и роскоши.

Удивителен для меня был сам факт пребывания в таком богатом доме. Мы, как и многие жители нашего городка, хоть и жили в достатке, не могли позволить себе и части того, что было вполне естественно для Нэшэй.

Дверь нам открыл парень в зеленой баскетбольной майке, с взъерошенными каштановыми волосами.

– Привет, я Ник! – весело заявил он и протянул мне руку.

Я пожалала её. Рич был очень похож на брата. Правда, в отличии от Ника, его нельзя было увидеть насквозь с первой минуты. Что нельзя было сказать о Нике. Самовлюбленный спортсмен-бабник без капли совести, думающий только о том, сколько пива он сегодня сможет в себя влить, и где подцепить девушку-однодневку.

Но всё это не имело никакого значения, ведь Ричи от него отличало одно: он не был своим братом. Это, конечно, не значит, что он святоша, каких свет не видал. Рич дерзкий, грубоватый и даже жестокий. Только вот эту его сторону я не вижу и уж точно не испытываю на себе. И вам не советую. Для меня он крайне милый и добрый парень. А все свои плохие стороны он преобразует в один-единственный сияющий, вызывающе страстный взгляд и медленный, проникновенный тембр голоса.

С Ником я решила общаться приветливо, но держать дистанцию. Он мне и правда не нравился. Хотя и делал вид самого дружелюбного парня во всей вселенной.

– Знакомься, Мишель, мой брат Ник. Ник...

– Можешь не продолжать... Кстати, а что вы стоите на пороге? Влетайте в наше скромное жилище!

Мы вошли.

– Это та сумасшедшая красотка, о которой ты мне все уши прожужжал? Да-да! Обычно он молчит как рыба, но ты, видимо, как следует всколыхнула его девчачьи чувства... – улыбаясь во все свои идеально белые тридцать два зуба, говорил Ник.

Рич толкнул его кулаком в плечо.

– Ник, заткнись!

– Не переживай, я не расскажу Шел, как по ночам ты смотришь мелодрамы и высмаркиваешься в бумажные салфеточки с запахом персика.

– Вообще-то она Мишель.

– К чему такие условности? Шел, ты же не против такого прозвища? Исключительно по нашей большой дружбе, – выделив слово «большой», сказал Ник.

– Ну, да как тебе будет угодно, – с долей недовольства ответила я.

«Шел? Что это вообще? Сорт сыра или кличка собаки?» – возмутился мой внутренний голос.

– Мы пойдем наверх. Кстати, пиво ещё осталось? – спросил Рич.

– Думаю, родители не будут в восторге, если я скажу, что оно есть...

– Да брось ты.

– А я скажу, что оно есть. И его очень много! Кстати, Шел, угощайся.

– Спасибо, Ник, я не пью пиво, – вежливо ответила я.

– Так, молодежь, – Ник открыл холодильник, достал банку пива и кинул Ричи, – валите уже наверх, пока я добрый. – Он достал вторую банку и захлопнул холодильник. – А я пойду посмотрю каналы для взрослых, – весело сказал он.

– Господи, Ник...

– Да шучу я, – он потрепал Ричи по волосам. – Ладно, адьос, амигос, – Ник махнул рукой, открыл банку пива и ушел в гостиную.

– Странный у тебя брат.

– И не говори.

За окном было уже темно. Комнату освещал только экран ноутбука, на котором мелькали картинки. Я сидела, прижавшись к Ричи, медленно откусывала мармеладку и заморозенно смотрела в ноутбук. Позади главного героя на экране стоял жуткий монстр. Вдруг раздался резкий удар. Мы услышали звук разбитого стекла. Я взвизгнула. Рич прижал меня к себе.

– Дуреха, ты что испугалась? – спросил он и в ответ на мой молчаливый, испуганный взгляд и добавил: – Сейчас узнаю, что Ник опять натворил. Подожди немного.

Шум этот был не из динамика. Что-то произошло на первом этаже. Ричи поспешно встал с кровати и спустился вниз.

Прошло десять минут, а он не возвращался.

Я решила спуститься за ним. Прикрыв за собой дверь, я тихо подошла к лестнице. Спустившись на несколько ступенек, я увидела, как Рич грубо разбирался с каким-то парнем. Он кричал на него, толкал, а тот говорил тихо, но невнятно и пытался его успокоить.

Я остановилась на лестнице и молча наблюдала за происходящим. Через пару минут Рич успокоился и начал что-то объяснять парню. Потом он заметил меня, с потерянным видом стоявшую на лестнице.

– Мишель, я же просил подождать... – сказал он серьезно, а потом подошел и ласково взял за плечи.

– Тебя долго не было, и я решила спуститься... – нерешительно возразила я. Нерешительна и потеряна я была из-за той ситуации, свидетелем которой стала. Атмосфера была напряжена. Я чувствовала себя незащищенной, чужой, напуганной.

– Ничего страшного. Всё в порядке, мы просто немного повздорили. Это Барри, наш с Ником знакомый.

Блондин в кожаной куртке с цепями, мотоциклетным шлемом в руке и порванных джинсах сухо махнул рукой, изобразив на лице абсолютную незаинтересованность и безразличие.

– Мишель, – махнула ему в ответ я, натянув на ладонь рукав джемпера.

– Послушай, я сейчас отвезу Барри домой – его мотоцикл сломался, и сразу же вернусь к тебе. Посидишь в комнате? Я быстро. Хорошо?

Пару секунд я смотрела в глаза Ричи. Потом тяжело выдохнула и сказала:

– Ну, конечно, я тебя подожду.

– Ты лучшая! Я – пулей, – сказал Рич, поцеловал меня, схватил куртку и вместе с Барри вышел из дома, хлопнув большой деревянной дверью.

Я постояла пару минут, глядя в пустоту, а затем медленно спустилась с лестницы и повернула в сторону кухни. Там я нашла выход во внутренний дворик, раздвинула стеклянные дверцы и ступила на каменную тропинку.

– Они перестали спорить? – сказал знакомый голос. Слева от меня на качели сидел Ник.

– Да, закончили. Рич повез его домой.

– Это было бы очень благородно, если бы не было так знакомо.

– Что ты имеешь в виду? – присев на качели, спросила я.

– Этот придурок Барри вечно влезает в неприятности. А мой наивный братишка каждый раз на всех порах мчит спасать его трусливую задницу, – потягивая пиво, говорил он.

– Вообще не понимаю, почему Барри вечно здесь ошивается... Ладно, Шел, не буду тебя грузить. Пива не хочешь? Ах да, ты же не...

– Хочу, – перебила его я.

Ник посмотрел на меня удивленными глазами, достал из-под качели банку пива, открыл и протянул мне.

– Спасибо, – сделав глоток омерзительного пойла, сквозь зубы процедила я.

– Тебе же не нравится. Зачем ты его пьешь?

– Не знаю, – ответила я. И это была правда. У меня не было никаких проблем, которые я хотела бы залить алкоголем. И уж точно не было желания и дальше поглощать

это месиво. Ну не мой это напиток. – Мне просто грустно. Но, пожалуй, дальше я буду грустить без этого, – и выбросила банку в урну.

– Эй, ну там же пол-литра отменного пива, – со смехом сказал Ник и потянулся к мусорному ведру.

Он остановился и посмотрел мне в глаза.

– Зачем ты встречаешься с моим братом? – его голос вдруг стал серьезным и даже жестким.

– Он мне нравится.

– Ты его любишь?

Я молчала.

– Шел, скажи, – с расстановкой повторил Ник. – Ты его любишь?

– Я не знаю, – проглотив воображаемый ком в горле, произнесла я.

Ник пристально посмотрел мне в глаза. Он был слишком близко. Нарушилась дистанция. Даже дышать стало трудно. Через мгновение я почувствовала поцелуй. Его холодные потрескавшиеся губы прикоснулись к моим. Я отстранилась и соскочила со скамейки.

– Ты что сделал? Ник, зачем? – недоумевая, выкрикнула я.

Он засмеялся.

– Ты себя видела? Подтянутая фигура, лицо принцессы. Да ты же ходячая мечта.

Мне было приятно услышать такое. Я смутилась и покраснела, но злость и обида пересилили смущение. Лицо снова стало серьезным, и я сказала:

– Не подходи ко мне больше. Слышишь?

– А если я всё расскажу Ричи? Представь, что будет, если он узнает, что пока его не было, ты целовалась с его старшим братом?

– Ты не посмеешь, Ник...

– А признай, ведь я куда лучше этого слащавого школьника, – он встал, оставив пиво на скамейке и медленно подошел ко мне.

Сердце билось как ненормальное.

«Где же Рич?»

– Я ничего не скажу брату, если ты кое-то для меня сделаешь, – он медленно гладил мои волосы.

– А не надо мне ничего рассказывать. Я достаточно увидел, – повернув голову, я увидела Ричи. Он стоял возле двери.

Остальное произошло быстро. Я отбежала к выходу, а Рич подошел к Нику и хорошенько врезал в нос. Так, что у того пошла кровь.

– Никогда больше не подходи к ней, придурок, – грубо отрезал он. – Пойдём, Мишель, – он приобнял меня и повёл к машине. – И да. Она никакая не Шел. Она Мишель.

Я обернулась. Ник сидел на качели, вытирая кровь рукавом, и прожигал меня взглядом. Но взгляд его не был злым. Он улыбался, а потом беззвучно произнес так, что я смогла прочитать по губам:

– Ты ещё будешь моей.

– Пойдём поскорее, пожалуйста, – шепнула я Ричи, и вскоре мы уже сидели в машине. Рич отвёз меня домой. В пути мы не обменялись ни словом. Когда автомобиль остановился у моего дома, Рич посмотрел на меня, взял за руку и ласково сказал:

– Мишель, всё хорошо. Не переживай из-за этого придурка. Ник не знает границ. Надо ему ещё раз врезать для профилактики...

– Нет-нет, Рич. Не нужно, – перебила его я. – Всё в порядке, – я соврала. Ничего не было в порядке.

В ответ он только улыбнулся, обнял меня и поцеловал в щеку.

Я вышла из машины, поспешно зашла в дом и, не обратив внимание ни на кого, поднялась к себе в комнату. Только там я впервые за весь этот долгий вечер почувствовала себя защищенной. Я переоделась, села за компьютер и попыталась начать писать сочинение. Но в голову шла только одна мысль. Я думала о Нике.

«Это было отвратительно, но...»

Но что? Неужто я что-то почувствовала?

Нет-нет. Мне точно показалось. Это всё из-за того, что я чрезмерно эмоциональна. Я встречаюсь с его братом, самым чудесным парнем во всем мире. И никакой Ник мне уж точно не нужен.

Через пару дней я собрала своих самых любимых ребят в «Лорен Хаус», чтобы рассказать о вечеринке, разделе денег и других удивительных событиях, что произошли со мной за последние дни. Об истории с Ником я, конечно же, умолчала. Решила забыть о ней раз и навсегда.

Раньше встретиться с ребятами никак не получалось, потому что Алекс был занят практикой в компании друга его отца и не имел даже минутки, чтобы забежать ко мне. Зато теперь практика завершилась, и ему даже предложили работать там, когда он закончит школу. Он ещё не дал согласия, но я же вижу, как он хочет эту работу. Джей снова нашла себе нового парня. Да и, кажется, даже не одного. Она у нас крайне любвеобильна. Но в этом вся Джей.

На улице уже было достаточно холодно, чтобы мы надели теплые пальто. Но в кафе царил атмосфера тепла и домашнего уюта.

– И вот тогда мы увидели, что почти у каждого человека в кармане припрятана таблетка! – восторженно рассказывала я истории своих походов. Обычно байки травит Джей. Она у нас любительница приключений на свою пятую точку. Но сегодня звездой вечера была я. И мне это нравилось. – Я была в такой панике, вы не поверите! Хорошо, что Ричи вовремя привел меня в сознание. Когда мы прибежали в туалет, танцовщица и правда выглядела отвратительно. Ну и стервой же она оказалась!

За столиком сидели я с кружкой чая и Ричи, он обнимал меня за талию. Напротив – Джей, потягивающая молочный коктейль, и улыбающийся Алекс с чашкой кофе в руке.

– Фууу, какая гадость. Ну я же коктейль пью, Мишель, – засмеялась Джей.

– Это не самое ужасное, Джей! Самым ужасным было то, как потом танцевал Ричи! – я тоже начала хохотать.

Ричи удивленно глянул на меня, а потом на Алекса. Тот ответил ему тихо, так что можно было только по губам прочитать:

– Это в порядке вещей, – и сделал ещё один глоток кофе.

– Кто это тут у нас? Ричи Нэш... Ну здравствуй, Ричи, – к нашему столику подползла главная гадюка нашей школы – Эшли Мориссон. Богатая стерва, каких обычно только в сериалах показывают. Ну вот недолюбливала она нашу компанию, хоть убейте. Постоянно цеплялась из-за мелочей. Конечно, у нас было секретное оружие. Джей могла кого угодно феерично послать куда подальше. И мы пользовались этим оружием каждый раз, как только на горизонте появлялась Эшли. Но вот что ей понадобилось от Ричи? Одному богу известно. Обычно Мориссон не вступает в конфликты с популярными красавчиками школы.

– Привет, Эшли, – спокойно ответил Ричи. – Какие-то проблемы?

– У меня-то? Ха, у меня никогда нет проблем. А вот у тебя, кажется, есть парочка.

Ричи засмеялся.

– Эшли, что за ерунду ты говоришь?

Эшли многозначительно приподняла брови, ухмыльнулась и со всей дерзостью, которая только могла существовать в человеке, ответила:

– А не ты ли это, Ричи Нэш, в пятницу заявился ко мне на вечеринку совершенно пьяный и умолял меня тебя поцеловать?

«Что? Вечеринка? Эшли? Поцелуй? Не может быть. Я уверена, она врёт. Ричи не способен на такую низость».

Я смотрела на своего принца и ждала, когда он скажет, что это всё неправда, и Эшли уйдёт, как всегда побежденная нашей великой командой. Но Ричи молчал. И чем больше он молчал, тем больше я начинала верить в то, что сказала Мориссон.

– Ну хватит! Ты ничуть не лучше своего подонка-брата! – я встала с дивана и быстрым шагом направилась в уборную. Алекс побежал за мной.

– Мишель, это всё алкоголь! Я бы ни за что...

– Послушай-ка, герой-романтик, – прервала его Джей. – Сейчас тебе лучше взять свои шмотки и свалить подальше из этого кафе. Она ясно дала понять, что не хочет видеть тебя. Вали отсюда, Нэш!

– Надо же, я впервые с тобой согласна, Эддингтон. Тебе и правда лучше катиться отсюда, Нэш. Давай-давай! – поддержала Эшли.

Ричард было хотел что-то ответить, но вместо этого глубоко вздохнул, схватил куртку и вышел из кафе.

– Мишель... – три стука в дверь. – Мишель, как ты? – ещё три стука. – Открой дверь, давай поговорим... Мишель?

Щелчок замка, ручка опустилась вниз и снова поднялась вверх. Дверь открылась. На пороге женской уборной стоял Алекс. Но его это, кажется, нисколько не смущало. Он смотрел на меня своим обычным, понимающим взглядом. Такой же, как и обычно: в клетчатой рубашке, расстегнутой темно-синей куртке-парке и с дико растрепанными русыми волосами.

Я оперлась на раковину и смотрела прямоком в слив. Что-то тогда меня в нём привлекло. Может, та таинственность, что крылась за небольшим черным отверстием в белоснежном мраморе?

– Мишель, всё ещё наладится. Вот увидишь.

– Что наладится? У нас всё было, как будто бы в сказке... А сейчас я узнаю такое.

– Может, просто пора перестать идеализировать его? У Ричи тоже есть минусы, как у каждого из нас. Просто ты слишком увлеклась тем, что сравниваешь живого человека с выдуманным принцем, и не замечаешь очевидных вещей.

– А может, я хочу сравнивать? Может, в этом весь смысл?

– Мишель, – ласково погладил меня по плечу Алекс, – Рич накосячил, и очень даже крупно. Так, может, он не тот принц, которого ты так долго искала?

– Я не знаю, Алекс. Уже не знаю... – я обняла своего друга.

Через пару часов я уже была дома, смотрела сериал и заедала неприятную новость клубничным мороженым. Сэм была в школе, папа на работе, а мама ушла в магазин. Раздался звонок в дверь.

– Мишель, позволь мне объяснить, – услышала я с порога.

– Пожалуйста, уходи, – ответила я.

– Мишель, – Ричи поставил ногу, и я не смогла захлопнуть дверь. – Прости, что не рассказал тебе. Это был не настоящий я. Просто перебрал и всё такое. Я даже не помню почти ничего из того, что было на той вечеринке. Если бы не алкоголь, я бы никогда такого не сделал.

Одна часть меня хотела обвить руками его шею, другая – упорно сопротивлялась этому побуждению. Пожалуй, Алекс был прав. Я так увлеклась тем, что идеализировала Ричи, что не заметила очевидного. А может, он совсем не такой, каким кажется окружающим или каким хочет казаться?

– Ричи, я понимаю, ты был пьян, – сухо заговорила я. – Но в этом то и дело. Ты сказал, что это был не настоящий ты. А какой тогда настоящий ты? Вдруг тот, с кем я сейчас говорю, ещё один ненастоящий Ричи Нэш? Знаешь, нам лучше не встречаться. А сейчас тебе лучше уйти. Так будет лучше для нас обоих, – я посмотрела ему в глаза без тени сомнения. Ричи убрал ногу, и я закрыла дверь.

Глава 14

После расставания с Ричи я ещё долго думала, а правильно ли поступила. Может, нужно было дать ему ещё шанс?

– Нет, Мишель, ты поступила верно. Таким козлам нельзя всё спускать на тормозах, – жестко скандировала Джей. Мы снова сидели за столом, только теперь Ричи Нэш уже не махал мне, держа поднос в руках. Он сидел в другом конце столовой и даже не смотрел в нашу сторону.

– Джей права. Если он поступил так раз, то нельзя отрицать, что это может повториться. Мне он, конечно, нравился – забавный парень. Ты уж прости.

– А мне вот никогда. Да, да. Никогда не нравился этот Нэш.

– Джей, ну не будь так категорична. В любом случае, – говорил Алекс, – хорошо, что ты не прыгнула ему на шею, как только он начал оправдываться. Да, людей надо прощать, но в твоём случае лучше десять раз подумать, прежде чем что-то предпринимать.

В режиме «лучше десять раз подумать, чем один раз простить» пролетела неделя. За ней ещё одна. А потом ещё одна. Не успела я заметить, как привыкла жить и без объятий Ричи, хотя всё внутри ещё вздрагивало, когда я встречала его в коридорах школы. Становилось спокойнее, когда я оставалась наедине с собой. На стажировке я совсем забывала о проблемах. Просто-напросто некогда было о них думать – была неделя проверок. На календаре сияло 26 декабря. Скоро все мы будем праздновать Новый год. И чем ближе к заветному дню, тем всё больше работы падает на мои плечи.

Просто так скрывать стажировку от родителей я не могла. Приходилось всё же время от времени помогать мисс Уоррен, которая теперь ходила вприпрыжку, бесконечно генерируя новые идеи для школьного мюзикла. К слову, им мы сейчас и занимаемся. Мисс Уоррен, конечно, знает, что я стажируюсь в «Форджес», но видимо, по её мнению, выходные семнадцатилетней школьнице совсем не нужны. А вообще, я рада, что она хранит мой секрет, и в случае чего, выгораживает перед родителями. За эти пару месяцев я поменяла своё мнение об этой немного сумасшедшей барышне. Оказывается, она очень и очень крута!

Я знала только одну сторону жизни мисс Уоррен, и она вдохновляла меня. Я хотела жить, как она. Быть такой же талантливой, доброй и смелой. Но на самом деле, далеко не всё в жизни Грэйс Уоррен шло так гладко, как она бы того хотела. Когда Грэйс было десять, она с родителями попала в ужасную аварию. Маму и папу малышки врачам спасти не удалось. После этого она жила с тётей, которой, в общем-то, было наплевать на девочку.

Грэйс была трудным подростком – алкоголь, марихуана, постоянные прогулы школы и вечеринки.

В восемнадцать она поступила в театральный университет и съехала от ненавистной тётки. Студенческие годы она проводила бесшабашно и бездумно: спонтанные поездки к морю, еженедельная смена работы, вечеринки в общежитии. На втором курсе Грэйс попала в женское общество и сменила скрипучую общажную кровать на мягкий розовый матрас на втором этаже женской общины. Она оказалась в отличном месте – все её понимали, были на одной волне. Пятнадцать дерзких, веселых девушек в одном доме. Но через полгода ни к чему не обязывающей, безответственной жизни начались ссоры. И вот, когда Грэйс была уже на четвертом курсе, с общиной и университетом ей пришлось распрощаться, – после очередной вечеринки, о которой узнало руководство университета, подружки свалили всю вину на неё. Она не блистала званием лучшей студентки, поэтому мгновенно вылетела с последнего курса. На тот момент ей был двадцать один год.

Два года она путешествовала, меняя работу официантки в забегаловке на работу барменом или танцовщицей в ночном клубе. Один хостел приходил на смену другому, один вид наркоты другому. Но в двадцать три жизнь Грэйс изменилась. В то время она как раз была в Майами. В один из летних вечеров судьба занесла Грэйс в кафе-бар «Океан», где проходил кастинг в новое кабаре-шоу. Изрядно выпив, Грэйс поспешила на сцену. И она прошла кастинг. Так началась её новая жизнь.

Она бросила пить, перестала употреблять кокаин, сменила форму официантки на прекрасный костюм с перьями и блестками. Четыре года они выступали в «Океане», а в свободное время колесили с представлениями по стране. Загорелся в душе Грэйс тот самый огонёк славы, о котором она так мечтала с семнадцати лет. В те годы она познакомилась и с Чарльзом Освальдом, и с Адамом Фергюсоном. В двадцать шесть Грэйс встретила одного парня, а через три месяца выскочила за него замуж. Вскоре бросила кабаре и уехала жить к нам. В двадцать семь она узнала, что не может иметь детей, и муж оставил её одну. С тех пор Грэйс Уоррен работает в школе. Преподавателем теории искусств. С позапрошлого года ей разрешили руководить театральным кружком. И теперь это, пожалуй, единственное, что приносит ей неподдельное удовольствие.

Приходя по вечерам домой, Грэйс заходит в небольшой одноэтажный домик. Совершенно пустой и одинокий домик. И та самая, чудесная улыбка, которой она озаряла всех в школе, вмиг куда-то пропадает.

Но вернемся в двадцать шестое декабря.

С тремя десятками желтых, зеленых, и синих папок в руках вползаю в кабинет Деб. Идея нацепить каблучки определённо была ошибкой.

– Деб, я закончила, – устало произношу я, расставляя документы в стеллажи.

– Полегче, красотка! Завтра мы идем в «Кастомс».

– Но я вряд ли... Погоди-ка, «Кастомс» – это новый клуб под открытым небом?

– Именно! Там подают лучший мартини, а бармены просто загляденье. Тебе не помешает развлечься – работаешь как заведенная.

– Деб, но мои родители... Я обещала им вернуться пораньше...

– Это не обсуждается, милочка. Отказа я не приму. Тем более эту вечеринку организуем мы, а так как я твой босс, считай это рабочим поручением.

– Деб, я даже не знаю...

– Милая, ты же не хочешь всю жизнь перебирать бумажки и кофе разносить? Ты идёшь!

Я не смогла отказаться. Это лишний повод развеяться, отдохнуть от всего мира. Деб ехидно улыбнулась, схватила свою бордовую сумку, которая бог знает сколько стоит, и убежала в отдел рекламы. А я отправилась домой, пытаюсь сообразить, что надеть, как не уснуть до утра, произвести хорошее впечатление и главное – как исчезнуть из дома на ночь и остаться безнаказанной.

Жизнь порой подкидывает возможности, а в самый ответственный момент бросает на пол бусы в ожидании нашего следующего шага. Обойти стороной или рискнуть и наступить на бусину – решать только нам самим. А вдруг повезет? Вернувшись домой, я поняла, что в моем случае бусина настолько неустойчива, что вряд ли я смогу пройти по трудному пути и обойтись без травм. Но кто сказал, что это невозможно?

– Ты сегодня поздно. Мы не могли до тебя дозвониться, – недовольно объявила мама.

– У меня разрядился телефон, а нам с ребятами пришлось остаться до вечера – мы доделывали костюмы для завтрашнего мюзикла.

Вот оно! Эврика! Не думала, что когда-нибудь скажу это, но мюзикл спасает мне жизнь.

– Кстати, мам, Эшли приглашает завтра всех к себе после выступления. Отметить наш триумф. Ну, или фиаско. В общем, как бы там ни было, я тоже приглашена. А ты же знаешь, я редко куда-то выбираюсь. Можно я пойду с ребятами? Обещаю, всё будет отлично! А утром папа Эшли отвезет нас с Алексом домой.

«Папа Эшли? Я сама не верила в то, что говорю».

– Мишель, ты же знаешь, как я отношусь к Эшли. Она избалованный богатый ребенок таких же избалованных родителей, – заключил только что вошедший в комнату папа.

– Рон, а ведь Мишель правда только учится и остается в школе допоздна ради каких-то костюмов. Пусть развлечется. Тем более с ней будет Алекс. Ведь будет?

– Конечно, будет! Куда же я без него!

– Ладно, сходи на свою вечеринку, – без особого удовольствия сказал папа и следующие полчаса читал нотации, которые я послушно выслушивала.

– Что значит, ты не поедешь со мной к Эшли? Мишель, ну вот что я там один делать буду? – Алекс навалился спиной на шкафчик и уставился на меня вопрошающим взглядом.

– Смотреть, как Эван и его компания напиваются и пытаются склеить всех в округе?

– Алекс, ну не обижайся, – вкрадчиво пропела я. – Ты же понимаешь, какой это шанс. Может быть, совсем скоро я буду приглашать тебя на свои вечеринки. Или даже открою своё агентство!

Прозвенел звонок, и мы направились в сторону кабинетов. Алекс положил руку мне на плечо и дружески улыбнулся:

– Да конечно, будешь! Ты же Мишель, ты всё можешь. Тебе повезло, на это раз я тебя прощаю. Но не обещаю, что на вечеринке буду одиноко сидеть в темном углу с коктейлем и грустить.

– Одиноко и с коктейлем? В жизни не поверю. Повеселись там! А что насчет Эшли – так она всё равно не заметит моего отсутствия.

– Удачи на химии, мисс Брэй, не проспите ионы серебра!

– Очень смешно, умник, – и я закрыла за собой дверь в класс.

Глава 15

– Да это же наша Брэй! – заголосила Деб, как только я открыла прозрачную дверь, ведущую в мир развлечений.

Она даже не представляла, какой сумасшедший вечер у меня выдался. Но, без сомнения, я была счастлива оказаться здесь, на крыше шестиэтажного стеклянного здания, круглосуточно освещаемого огнями. Именно эти огни и непрерывная, громкая музыка говорили: здесь кипит жизнь большого города! Но мне, пока что семнадцатилетней Мишель Брэй, чтобы добраться до места моей мечты, предстояло преодолеть несколько трудностей, связанных с тем, что теперь я жила двумя разными жизнями, одна из которых даже не подозревала о существовании другой.

Какое счастье, что у меня есть Алекс. Сходив на мюзикл, мы вернулись домой, и пока родители ужинали, закинули в багажник всё самое необходимое: зеленое платье без бретелек, украшенное стразами, с пышной юбкой до колена, черные босоножки на платформе и короткую кожаную куртку цвета металлик. Я надела свои привычные джинсы, накрашила глаза и, выслушав наставления папы, прыгнула в автомобиль. Ну, поехали!

Переодевание на заднем сидении и четыре попытки ровно накрашивать губы в трясутся автомобиле, и вот, мы на месте. Вокруг мужчины с ролексами и девушки с потрясающими и, наверное, ужасно дорогими, сумками.

– Спасибо, что снова выручил! Ты лучший!

Алекс улыбнулся:

– Удачи, Мишель! И кстати, ты великолепна, – он нажал на газ, и я осталась один на один со своим новым миром.

– Шикарное платье! – не умолкала Деб. – Обязательно сделай фото для журнала! Фотограф из «Вандерблей» прямо по курсу.

Поверить не могу! Фотограф из самого модного из всех модных и самого дорогого из всех дорогих журналов стоит напротив меня, школьницы, ещё две недели назад и не мечтавшей о чём-то подобном. Невероятно!

– Справа бар и зона отдыха. Видишь того темнокожего красавчика в серой футболке? Это Джонни, у него лучшая травка в городе.

– Деб, но я не курю травку...

– Милая моя, это мир вечеринок. То, что происходит здесь, остается здесь. Посмотри налево. Ещё сегодня утром вон та высокая китайка возле диджейского пульта, – сказала Деб, указывая на одетую в короткое лиловое платье девушку, – проводила совет директоров

одной адвокатской компании. Здесь она как ни в чём не бывало покупает волшебные таблетки у Джонни, заливая всё это нехилой порцией текилы. Это параллельный мир, Брэй. И если хочешь быть его частью, тебе придется смириться с его законами. Так что да будет праздник! – Деб схватила бокал шампанского с подноса у проходящего мимо официанта и повела меня к бару.

Бар находился в правом углу крыши, ограждённой серым металлическим забором, буквально инкрустированным светодиодными лампами. Мы прошли по танцполу, на котором под песни известных диджеев отрывались сливки общества, и остановились возле красных диванов, на одном из которых сидел молодой темнокожий парень со стаканом виски в руке.

– Знакомься, милочка, Джонни Маджони, король марихуаны!

– Дебби, дорогая, зачем так официально, – Джонни улыбнулся своей поразительно белоснежной улыбкой. – Очень рад. Можешь называть меня Джо.

– Я Мишель. И, если что, я не курю травку.

Джо засмеялся:

– Детка, я не буду заставлять тебя курить травку, тебе ведь на вид лет шестнадцать.

– Семнадцать. В июне исполнилось семнадцать.

– Я вас оставляю, ребятки. Кажется, я увидела своего бывшего, – Деб поставила бокал и шепотом добавила, – говорят, он выиграл парочку миллионов на ставках.

– Ты пробовала «Санта Рэй»?

– Нет, а что это? Звучит, как десерт.

– Десерт? – Джо вновь засмеялся. – А ты мне нравишься, Мишель. Садись, не стесняйся. И всё-таки ты просто обязана попробовать «Санта Рэй», – Джо крикнул официанта, и спустя пару минут он принес двухцветный напиток: сверху персиковый сироп и джин, а снизу что-то невероятного синего цвета. Секрета «Санта Рэй» я в тот вечер так и не раскрыла, но на вкус он оказался даже лучше, чем на вид.

Выяснилось, Джо – не только король марихуаны, но и отличный собеседник. Мы говорили обо всём: о его медицинской практике (в обычной жизни Джонни был хирургом), о том, как я сбегала из дома на новую работу, прикрываясь подготовкой мюзикла, о воображаемом путешествии на Аляску, домашних животных, фото в модных журналах и даже о красавчике Ричи.

– Мишель, ты замечательная девочка. Если Ричи тот человек, который тебе нужен, у вас все будет хорошо. Но ведь может Ричи – просто один из многих, а не тот единственный, который тебя достоин. Не торопись с выбором. Рано или поздно судьба всё сама тебе подскажет.

– К твоим советам действительно хочется прислушиваться. Я не знаю, что бы я без тебя делала на этой вечеринке. Деб убежала к своему бывшему, а я совсем никого здесь не знаю. Но всё равно тут обалденно! Хотя стать частью этого мира так трудно...

– Брэй, ты рождена для этого мира. И кто бы что ни говорил, однажды ты станешь незаменимой деталью в механизме огромного мира вечеринок. Верь в себя, ведь ты великолепна. – И тут я вспомнила слова Алекса. Он сказал то же самое. Интересно, это всё новое платье или я и правда великолепна?

– Надо же! Крошка Мишель здесь, – ко мне подошёл Алан.

– Алан, – вставая с дивана и улыбаясь, ответила я.

– Если тебе что-то понадобится, ты знаешь, где меня найти, – Джо протянул мне бумажку с номером и отправился к выходу.

– Не думал, что ты придешь. Впрочем, очень этому рад! – продолжал Алан. – И похоже, ты понравилась Джо, а его не так-то просто впечатлить.

– Деб уговорила меня прийти. Она ведь начальница, а я в «Форджес» всего две недели. Нужно стараться. По правде говоря, ужасно боюсь облажаться.

– Мишель, ты наивно мила. Не воспринимай Деб всерьез. Но всё-таки ты молодец, что пришла. Хочу тебя кое с кем познакомить.

В этот момент к нам подошёл блондин в белой рубашке с бордовыми манжетами и голубых зауженных джинсах. На вид ему было лет двадцать пять.

– Юная леди, рад знакомству, Чарльз Освальд, – я по привычке протянула руку, а он её поцеловал.

– Чарли – режиссёр театра на Паркер-стрит. И просто самый галантный парень из всех, с кем я знаком. Уму не постижимо, как он сумел сохранить это качество в нашем безумном мире.

– Воспитание, Алан, воспитание. И, конечно, потрясающие девушки, – он был так безупречен, что казалось, будто бы говоришь с самим принцем Уэльским.²

– Вау! Обожаю ваши постановки. Вы не представляете, как я рада знакомству.

Таким деревенским «Вау» я и произвела впечатление на одного из любимых режиссёров. «Да уж, Брэй, а ты умеешь ударить в грязь лицом».

– Она не похожа на всех, Алан. Она какая-то... простая. И в этом есть особенный шарм. Где ты нашёл такую юную и прелестную особу?

«Прелестную? Кажется, он не услышал моё шальное «Вау». Как же повезло!»

– Я стажёр в «Форджес», мистер Освальд.

² Чарльз, принц Уэльский – старший сын королевы Великобритании Елизаветы II и её мужа принца Филиппа, герцога Эдинбургского, наследник британского престола.

– Прошу, просто Чарли. А с каких пор «Форджес» берет на работу школьниц?

– С тех пор, мой дорогой Чарли, как мы нашли прелестную Мишель. Она прекрасно справилась со школьной постановкой, куда нас пригласила Грэйс. Ты помнишь Грэйс? Майями. Она работала танцовщицей в «Океане».

– Ах, да! Грейс... Грейс Уоррен. Тебе повезло работать с ней, Мишель.

– Но согласитесь же, она ужасно странная...

– И в этом её прелесть, – сказал Алан. – Она тебя ещё удивит, поверь мне.

– Да уже удивила, – еле слышно ответила я.

Пока я пила третий «Санта Рэй» и думала о том, чем меня может удивить мисс Уоррен, на часа было далеко за полночь. Я не могла уйти из «Кастомс», не повеселившись, тем более, что Алан уже тащил меня на танцпол.

И пока я наслаждалась малознакомыми, но пленяющими ритмами, на другом конце города Алекс оказался в ситуации, которая изменила привычный ему ритм.

Глава 16

Когда часы в огромном белом замке – именно так выглядит дом Эшли Мориссон – пробили двенадцать, из дома вылетели трое ботаников, раздетые до трусов.

– Вам здесь не место, – сложив руки крестом на груди, провозгласила Эшли.

Публику она собрала нехилую: позор этих ребят наблюдали несколько десятков старшеклассников, родители которых и не подозревали о вечеринке. Полупьяные тусовщики кричали и закидывали парней пустыми стаканчиками. Боясь повторить их позор, слабые поддакивали сильным, которые таким способом показывали худшие свои качества.

Гордая своим поступком Эшли вернулась в дом.

– «Хлеба и зрелищ» требует народ... Рада, что испортила ребятам вечеринку? – проговорил сидящий в углу Алекс. В руке он держал банку дешевого пива, купленного Эшли, благодаря поддельным документам.

– Что, прости? – дерзко отозвалась хозяйка дома.

– Это их первая вечеринка, Эш. Ты слишком жестока, – размеренным тоном ответил Алекс. – Кстати, пиво отвратительное.

– А, это же ты, Глоу. Интересно, что привело тебя на мою вечеринку? И главное слово в этом предложении – мою. А значит, я не собираюсь спрашивать, что думает несчастный Глоу о трех бедных мальчиках.

Эшли подошла поближе, свысока оглядывая мило улыбающегося Алекса в его любимой джинсовой куртке.

– А что это ты без своей подружки? – нагло продолжала она. – Стал ей не нужен, и с горя решил напиться и склеить кого-нибудь здесь?

Алекс усмехнулся:

– Какая же ты всё-таки идиотка, Мориссон.

На лице Эшли появилась тень возмущения, но она была достаточно пьяна, и когда замахнулась стаканом, чтобы плеснуть в лицо обидчику, поскользнулась и упала прямо на колени Алекса.

– Черт, Эшли, – Алекс импульсивно соскочил, вытирая пятно на новых джинсах.

Навалившись на стену, Эшли приложила руку ко лбу:

– Прости, наверное, я перегнула палку. Давай... Давай я отведу тебя в ванную.

Эшли открыла кран, скинула с ног туфли на огромной танкетке и села рядом с душевой кабиной. Алекс попытался отстирать пятно, но вода не смогла отмыть желтизну.

– Этим джинсам явно не помешает хорошая стирка, – улыбнувшись, начала разговор Эшли.

– Да похоже, их уже не спасти, – обреченно заявил Алекс и опустился на пол рядом с виновницей сложившейся ситуации.

– Ты прости меня за то, что так дерзко разговаривала. Настроения сегодня совершенно нет.

– А зачем же тогда такая вечеринка?

– Мои родители улетели в отпуск, и, если я не закачу тусовку, обо мне невесть что подумают, – как нечто само собой разумеющееся, ответила Эшли.

– Ты всегда была такой. Зависела от людского мнения. Может, пора забыть о том, что подумают подружки, и просто быть собой?

– Алекс, мы с тобой из разных миров. Тебе не нужно кем-то притворяться, ты живешь обычной жизнью, и это привычный тебе мир. А если мои друзья узнают, что я всегда делаю домашнее задание и хожу в кружок астрономии, прощай, вечеринки и нормальные парни. Я стану изгоем.

– Эшли, ты хорошая, когда делаешь домашнее задание, занимаешься астрономией и говоришь об этом честно. Тебе не нужно притворяться кем-то, чтобы быть счастливой.

– А ты забавный, Глоу. Станный, но очень забавный, – Эшли повернулась и пристально посмотрела на Алекса. Внезапно она его поцеловала.

Алекс забыл и о пятне на новых джинсах, и даже о том, что скоро он должен забрать Мишель из «Кастомс». Что это было? Чары Эшли или последствия опьянения? Алекс не был уверен, но он точно знал, что в его жизни началось что-то необычно новое. Оставить всё как есть и плыть по течению? Но тогда, как объяснить всё Мишель? Или забыть словно страшный сон?

Глава 17

В пять утра с диким хохотом из «Кастомс» вывалились трое. Первый выглядел безупречно: пьяное веселье в ночном клубе не могло скрыть благородство его манер. Второй был высоким афроамериканцем с сильными руками и выбритыми почти налысо волосами. Возможно, вы бы испугались, встретив его в такой час. Но я не боялась. Ведь третьей была я, Мишель Брэй.

Я не часто говорю о себе. Наверное, потому что, начиная описывать себя с точки зрения художника, подмечающего все детали пейзажа, я делюсь на две части. Одна часть сводит всё к неровной носовой перегородке, которая, впрочем, заметна только иногда (и то: на фото или видео), но которая совсем не мешает мне жить. Другая слишком идеализирует синие как океан глаза с длинными подкрученными ресницами. Ну что уж, одарили меня такой прелестью родители. В остальном – я обычная девушка, живущая на планете Земля. Щеки, за которыми я вечно ищу скулы, пухлые губы и светлые длинные волосы, которые я отращивала, кажется, лет десять. Рост у меня средний, фигура не самая спортивная, но и не самая запущенная. Талия есть, и то хорошо. Да и вообще, мне нравится мое тело: выглядит достаточно органично во всей одежде. Интересно, это правда так или просто моя самооценка взлетела до небес?

Когда я улыбаюсь, на щеках появляются ямочки, а глаза прищуриваются как у китайца, но знаете, почему-то это даже мило. И вот, растянув свои розовые пухлые губы в жизнерадостной улыбке, я вышла из клуба с Джо и Чарльзом Освальдом. За последние пару часов он стал для меня Чарли. Его изысканные манеры никуда не делись даже после третьего стакана мартини, но мне это даже нравилось. В этом была его фишка. Особенность, позволяющая сказать: да, его не спутаешь с кем-то другим.

«Хм... А в чем же моя особенность?»

– Мишель, – пытаюсь подавить порыв смеха, говорил Джо. Не помню, над чем мы смеялись, но нам было явно очень и очень весело. – Ну где там твой друг?

– Не знаю, Джо... Телефон вне зоны доступа. Он обещал быть к пяти. Может, подождем?

– Милая леди, – пародируя то ли английскую королеву, то ли самого себя, начал Освальд, – милая моя Мишель, простите, но я должен покинуть вас. В клубе остались несколько ребят, с которыми мы кажется не договорили три часа назад. Пожалуй, я пойду. Только прошу, не злитесь на меня, принцесса, – с улыбкой твердил он.

– Чарли, ну разве можно на тебя злиться. Иди в клуб, а мы с Джо посидим здесь. Надеюсь, ещё увидимся?

– Всенепременно! Заходи ко мне в театр! Адрес ты уже знаешь.

Чарльз раскланялся и исчез за дверью.

Мы с Джо просидели на лавочке у клуба полчаса. Но Алекс так и не появился. Телефон его был отключен, а синего «опеля» не было видно на горизонте.

– Не расстраивайся, Мишель. Может, у него возникла внештатная ситуация.

– Ага, или он просто забыл.

– Ну, или так... Домой? – Джо встал и подал мне руку.

– Домой, – обреченно выдохнув, я подала ему ладонь и поднялась со скамейки.

Полтора часа пути мы с Джо разговаривали. Точнее, говорил, в основном, он. Я слишком устала и была не в настроении из-за того, что Алекс отключил телефон и не приехал.

Джо рассказывал интересные случаи из своей хирургической практики. Рассказывал, как учился в медицинском и как его одногруппница упала в обморок, когда впервые попала в морг. Джо не говорил о трагичных случаях – он не хотел расстраивать меня ещё больше. Я слушала, но мыслями была уже где-то далеко. Это объяснимо: мне семнадцать и всё, что я видела в жизни до «Форджес», – только школа. Но вот для Джо вечеринки – были частью его второй, ночной жизни. Даже после бессонной ночи он легкой поступью шёл по пустым бульварам, освещаемым тусклыми фонарями. Но Джо никогда не ходил на смену в больницу после вечеринок – так он мне сказал. Негласное правило: не совмещать удовольствие и спасение жизней. Перед больницей только вода и никаких сигарет. Джо мне нравился. Он был ответственным врачом: ежегодно проходил курсы повышения квалификации и делал всё, чтобы пациенты чувствовали себя комфортно. Про свою «вторую работу» он говорил:

– Я не продаю наркотики тем, кто от них зависит. Я продаю их тем, кто однажды хочет расслабиться и забыться. Я не торгую героином. Я не убиваю людей. И я ни в коем случае не спонсирую марихуану или кокс и не принимаю их сам. Я лишь проводник. И только людям решать: а стоит ли? Некоторые покупают наркотики, потому что у них большое горе. Так они хотят его забыть. Других уволили. Третьих бросила жена. Но всем им я даю альтернативу. Разговор или таблетка. Те, что посильнее духом, обычно выбирают первое. Другие платят, берут таблетку и уходят. Я не имею права быть для людей богом. Они сами делают свой выбор. Да, я доктор, и ты скажешь, я должен отговаривать их. Но знаешь, Мишель, иногда лучшее решение – дать человеку то, что он хочет. В больнице я спасаю жизни, а здесь я даю людям шанс спасти свою жизнь самостоятельно.

– Почему ты делаешь это, Джо?

– Не знаю, Мишель... Наверное, я хочу, чтобы люди вокруг видели надежду. И видели её не в таблетках, а в людях. Я хочу давать им эту надежду. Каждому человеку, который выбирает наркотик, я даю свой номер. Многие звонили спустя неделю, месяц или два после нашей встречи. Они хотели поговорить. И они уже никогда больше не выбирали таблетку.

Я так сильно натерла ноги, что вторую часть пути пришлось идти босиком, держа туфли в руках. К семи я вернулась домой, оправдалась перед родителями: мол, сломалась машина, и домой пришлось идти на своих двоих. Мама и папа, конечно, возмущались, но благо, было раннее утро, они только-только проснулись и забыли о том, что за такой проступок меня можно снова наказать. На этот раз мне повезло.

Я вползла в комнату и рухнула на кровать. Вечеринка подняла мой боевой дух, но к утру он будто бы испарился. Я снова начала думать о Ричи, о том, что мне надоело врать родителям. Кроме того, я ужасно устала и была обижена и зла на Алекса – он меня подвел.

«Всё к чертям катится».

В школу меня сегодня подвёз папа. От Алекса до сих пор не было ни одной весточки. Я вышла из машины и пошла к входу.

– Мишель... – ко мне подошел Алекс. – Слушай... Ты прости, что с утра не забрал. Просто такая ситуация получилась...

– Привет, Брэй, – к нам подлетела Эшли. – Алекс, – обратилась она к моему лучшему другу, – ну ты скоро?

– В смысле? – я удивленно посмотрела на него.

– Так вот, Мишель, вчера...

– Ты меня поцеловал, – прикусывая губу, перебила его Эшли.

«Что, простите, он сделал? Поцеловал Эшли Мориссон? Эшли Мориссон?!»

– Ой, – увидев мой изумленный взгляд, сказала Эшли. – Ты же ещё не в курсе. Ну, я, наверное, там тебя подожду, – она указала пальцем на вход в школу, поцеловала Алекса в щёку и ушла.

«Поцеловала в щёку? Эшли Мориссон?!»

– Эшли?! – спросила я.

Алекс стоял молча, приподняв брови и стиснув зубы.

– Мишель, прости... Просто она... А потом я... И как-то так вышло, что...

– Знаешь, не надо мне объяснять. Эшли уже заждалась, – жестко сказала я, развернулась и пошла прочь со стоянки. Слезы покатались по моему лицу.

Мой лучший друг теперь встречается с главной стервой школы. Ещё вчера мы вместе обсуждали её, а сегодня она чмокнула его в щёку.

«Ну почему всё дерьмо в жизни выливается разом?!»

Я решила не идти в школу. Не хотела видеть Алекса или кого-либо ещё. Посидев час на скамейке в небольшом местном парке, я вернулась домой. Родителям сказала, что заболела голова, и ушла в свою комнату. Как только я нацепила наушники и включила любимую песню, дверь распахнулась.

– Мишель, слушай... – Сэм посмотрела на меня. Её взгляд стал немного удивленным.

– А чё это ты в моих наушниках?

– Вообще-то, они мои, – раздражённо ответила я, снимая один наушник.

– Нормально. Вот это новость.

– Так, тебе что надо?

– Да так, зашла вещи краденные забрать, – отгрызнулась Сэм.

Я резко встала с кровати и подошла к сестре.

– Лучше тебе свалить отсюда.

– А если не свалю? – она скрестила руки и посмотрела на меня.

– Сэм, что здесь происходит? – к нам подошла мама.

– Мишель украла мои наушники и не хочет отдавать.

– Ничего я не крала.

– Сэм, это же твоя сестра. Вряд ли бы она стала что-то у тебя воровать...

– Ну мам, ты то куда...

– Саманта, не устраивай скандал.

– Серьёзно?

– Сэм!

– Вот-вот! Вали в свою комнату! – сказала я и закрыла дверь, чтобы не участвовать больше в этой перепалке.

– Ну и пожалуйста! Я тебя ненавижу, я всех вас ненавижу! – выкрикнула Сэм и убежала в свою комнату. Громко и резко захлопнулась дверь – это было последнее, что я слышала. Потом я надела наушники и упала на кровать.

Глава 18

После того, как я поругалась с Мишель, я решила, что навсегда уйду из этого чертового дома. Больше причин оставаться здесь не было! Я смела половину своих шмоток в рюкзак, Мишель бы отругала меня за то, что я помяла все вещи. Но не в этот раз. Под мою руку попались сигареты. А точнее, пустая коробка. Салли подарила их мне еще давно. Я выглянула из комнаты: родители как всегда были заняты делами. Мама готовила на кухне, а отец сгорбился над недавно пришедшими счетам. Им будто бы плевать на моё существование. Взяв немного денег, я выбежала из дома, с грохотом захлопнув дверь, и побежала подальше отсюда. Я слышала крики родни вдалеке, но в этот момент мне было все равно. Может, малая часть меня и хотела вернуться, но... Они причинили мне слишком много боли. И я не буду это больше терпеть.

Так писала малышка Сэм. Или уже не малышка? Она сбежала и доверила свои мысли лишь желтым страницам старого, наполовину разорванного дневника.

Куда пойти? Выбора особо не было. К школьным друзьям? Ага, конечно. Их непутевые идиоты-родители тут же позвонят маме и расскажут все, а затем вышибут меня из дома и запретят своему чаду общаться с «непутевой Брэй». Я позвонила Салли.

– Наконец, сбежала от них? Подруга, горжусь тобой! Прикатывай к нам! Записывай адрес...

Через полчаса я вышла из метро. Это был не самый хороший квартал, но меня это вряд ли волновало. Где-то у потертой кирпичной стены люди в оборванной одежде жгли картонные коробки, таким образом, создавая небольшой костер. У многих были красные, страшные красные глаза. Наверное, они наркоманы. Я накинула капюшон и ускорила шаг. Хотелось быть такой же крутой, как Салли, но получалось быть лишь трусишкой Сэм.

– Да где этот чертов дом? – Я заглянула в телефон, чтобы посмотреть карту, но в эту же секунду кто-то сильно толкнул меня и выхватил его. – Эй! – крикнула я убегающему вору. Я уж хотела было побежать за ним, но увидела Салли на другой стороне улицы и закричала: – Этот урод спёр мой телефон!

Миловидная, худая блондинка с ярко-накрашенными глазами, увидев меня, вытащила изо рта сигарету и закричала в ответ:

– Забей. Ты уже его не вернешь. Да он тебе и не нужен. Пойдём, у нас есть выпивка.

«Здорово. Я всего полчаса живу самостоятельно, у меня уже нет телефона, и нахожусь черт знает где» – думала я, перебегая дорогу.

– Салли, что это за место?

– Место, где ты еще не была.

– Как я буду ходить в школу?

– Сэм, – засмеялась моя собеседница, сделала ещё одну затяжку и выбросила сигарету, – ты серьезно? Какая школа? С нами ты забудешь про учебу.

С Салли я познакомилась в продуктовом магазине. Странно? Немного. Я тогда решила украсть шоколадку, но охранник заметил это и хотел меня затащить в дурацкую комнату для допросов. Салли отвлекла его и помогла мне сбежать безнаказанно.

– Что тут у тебя? – спросила она, когда мы выбежали из магазина. – И из-за какой-то шоколадки мы так рисковали собой? Вот, что надо брать, – и она достала из рюкзака бутылку виски. К этому моменту мы уже сидели на скамейке далеко от магазина. – Я Салли. Вечно молодая, вечно пьяная и теперь твоя подруга.

– Саманта, – улыбнулась я. – Точнее, Сэм. Просто Сэм.

Салли – красивая блондинка. Ей восемнадцать лет, но меня это нисколько не смущает. Она умная, смешная, дерзкая, любит яркую одежду и черные кожаные юбки, красную помаду и кеды. Всё в ней протест. Она сама ходячий протест.

Мы зашли с ней в какой-то серый дом. Поднялись на второй этаж. Салли распахнула дверь. В комнате было шумно: двое парней играли в приставку и громко комментировали всё происходящее на экране. Звучала музыка, половина комнаты была завалена пустыми бутылками и задымлена.

– Сэм, это ребята. Ребята, это Сэм.

Я не запомнила их имена. Просто двое парней. Друзья Салли. Моей подруги.

– Хэй, малявка, – прокричал тот, что сидел слева. Накачанный самовлюбленный идиот – сразу же сделала выводы я.

– Привет, – сухо поздоровался второй. Низкий брюнет, весь в татуировках.

– Располагайся и почувствуй себя как дома, – сказала Салли.

– И тут вы живете? – не без отвращения спросила я.

– Ну да. Что-то не нравится? – спросила Салли таким тоном, будто бы готова была прямо сейчас вышвырнуть меня на улицу.

– Да нет! Что ты. Здесь... Мило.

– Скидывай вещи в свободный угол. Я налью тебе...

– Но я не пью, – перебила её я.

Она ухмыльнулась.

– Детка. В этом доме все пьют. И ты не исключение, – сказав это, она обратилась к парням: – Мальчики, вырубайте приставку. Сегодня у нас пиво и чипсы.

Высыпав чипсы в огромную чашку, она подмигнула мне и повелительно отправила на диван.

Всё было странно. Даже слишком. Но зато здесь не было никого, кто мог запрещать мне делать то, что я хочу. Ни мамы, ни папы, ни этой заразы Мишель. Да, дом выглядел жутковато, но спустя пару часов я уже привыкла к разбросанным бутылкам и не уходящему дыму сигарет и кальяна. Я даже привыкла к перекаченному идиоту и его необщительному другу в татуировках.

Вечером мы сидели с пиццей, которую заказала Салли (и где она берет деньги?) и запивали всё это противным, горьким пивом. По крайней мере, мне так казалось. Но я всё равно пила его, и с каждым глотком сознание мутилось всё больше. Зачем я это делала? Не хотела показаться скучной тринадцатилетней школьницей. Думала, таким способом забыть всё, что случилось сегодня дома. А, может, и вовсе, забыть дом.

Парни оказались очень веселыми. Салли делала вид, что танцует стриптиз, а они свистели и громко ей аплодировали. Музыка била по ушам. Все смеялись, кричали и хлопали. Смеялась и я. Мне было хорошо, и я уже не вспоминала о доме.

Следующую неделю я развлекалась как могла. В школу не ходила. Зато целыми сутками мы с ребятами катались по пляжам, проникали на чужие участки, чтобы искупаться в бассейне, и с визгом убегали от злых хозяев, обворовывали магазинчики, а по вечерам праздновали свои успехи. Было очень весело. Беззаботно. Алкогольно. Утром иногда было плохо. Но Салли говорила, что так и должно быть. И я ей верила. К вечеру все равно становилось лучше. И будто бы не было никогда другой жизни.

Ни Салли, ни парни нигде, кажется, и не работали.

«Вот бы мне так жить» – мечтала я.

Не смущали глупые бутылки, раскиданные повсюду, не заправленные постели, разбросанные вещи и облезлые стены. Не пугали люди с красными глазами и толпы бомжей. У меня, наконец, появились друзья, которые меня понимали. Да, они были старше, и это мне в них нравилось. Казалось, была в их головах какая-то неведомая мудрость. И не та, которой якобы владеют наши предки, а та, смысл которой в том, чтобы веселиться всегда и не заморачиваться.

Всё было круто. Только вот в конце недели пришел он. И всё изменилось.

Глава 19

Сэм пропала неделю назад. Записки она не оставила. Телефон с собой не взяла. Сбежала и отрезала все пути, которые хоть как-то могли привести к ней.

Все эти семь дней мы жили как в аду. Круглосуточные поиски, постоянные визиты соседей и друзей, невкусные пироги и пустые слова поддержки. В школе некоторые косились на меня при случайных встречах в коридоре. С Алексом мы даже не здоровались, Джей постоянно пропадала со своими новыми парнями. Я в один миг почувствовала себя одинокой.

В первый вечер мы ещё думали, что Сэм вернется, бросит рюкзак на пол, схватит тарелку с сэндвичами и запрется в комнате. В конце концов, куда ей идти? Всех её друзей мы обзвонили. Никто её не видел. Но она так и не вернулась.

Ощущение нового года в доме испарилось. Мы жили только ожиданием, страхом, бессонницей и сутками напролёт играли в молчанку.

Папа поднял все патрули, но поиски не давали совершенно никаких результатов. Мама каждый день сидела в комнате, иногда читала книгу. Она почти не готовила – в основном мы ели ужины, приготовленные в микроволновке.

В «Форджес» я никому не рассказывала о случившемся. Наверное, это было слишком личным, и я не хотела выглядеть в глазах Деб непрофессионалом, которого легко сбить с намеченного курса. Конечно, это глупо. Ужасно глупо. Всё-таки речь о моей сестре! Мы часто ругались из-за глупостей, но я люблю её и просто с ума схожу от того, что не знаю, где она. Но нет же: никаких выходных, а главное – сдерживать эмоции и держать страх внутри.

Родители всё ещё были уверены, что я посещаю театральный кружок, а в связи с последними событиями не очень-то возмущались, если я приходила домой позже обычного. Они были заняты совсем другими делами. Каждый их день проходил по одному и тому сценарию: папа с утра до ночи работал, пытаюсь выкроить время для того, чтобы лично отправиться на поиски Сэм, мама лежала, изредка отвечая на телефон и открывая дверь надоедливym соседям.

Сегодня, собираясь в школу, я вспомнила, что у Сэм было несколько скоросшивателей. Мне как раз нужна была пара штук для документов. Я зашла к сестре в комнату.

«Так непривычно. Тихо и спокойно. Не играет громкая музыка, никто не выгоняет. Не хватает чего-то очень важного, что наполняло этот дом жизнью. Где же ты, Сэм?»

Я заглянула в шкаф. В нижнем ящике я нашла, что искала. Достав несколько папок, увидела среди них снимок. На нём была Сэм и какая-то девушка в черном топе с ярко-красной помадой и растрепанными светлыми волосами. На вид ей было лет восемнадцать. Выглядела она не лучшим образом. Кто она такая и откуда знакома с моей сестрой?

«Во что же ты влипла, Сэмми?»

Мысль о таинственной незнакомке не отпускала меня весь день. В школе я решила поговорить с Джей. Вряд ли она чем-то могла мне помочь, но мне нужен был совет. Тем более, я до сих пор не осознавала, что происходит между мной и Алексом, и чем это закончится. Сейчас я как никогда нуждалась в дружеской поддержке.

– Может, это всё-таки одна из её новых подруг?

– Джей, ей же лет восемнадцать. Родители её не знают, я тоже. Да и где они могли познакомиться? Сэм, конечно, странная, но эта незнакомка явно не учится с ней в школе и не зависит в её компании.

– Не знаю, Мишель, чего ты так кипишуешь, – недовольно отозвалась Джей. – Пропала сестренка и дело с концом.

– Ты что такое несешь?

– А то, что последнее время мы только и говорим, что о твоей несчастной сестричке. Может, пора забить? Могу поспорить, ты всегда мечтала от неё избавиться, – захихикала Джей.

– Джей, ты что, больная? – вникая в смысл её слов, говорила я. – Она, черт подери, моя сестра. Джей, ты явно не в себе, раз несешь такой бред.

– Это я несу бред? – она вскочила со стула. – Ты себя послушай. То, что твоя тупая сестричка сбежала, далеко не самая страшная проблема. Она всегда была помешанной, как впрочем и её сестра.

Наш скандал привлек к себе внимание сидящих за соседними столиками.

– Ты просто сумасшедшая! – я встала и выплеснула яблочный сок Джей в лицо. – Никогда не смей говорить что-то подобное о моей сестре, – я развернулась и пошла прочь из столовой. – Ах да, вот ещё что, – я остановилась и посмотрела на Джей, вытирающую сок с лица, искаженного в злостной гримасе. – Ты всегда была хреновой подругой.

– Ну и вали! Плевать я хотела на такую дружбу!

Так я потеряла подругу. Но мне была противна даже мысль о том, чтобы снова заговорить с ней. По-видимому, это чувство было взаимным, потому что каждая наша встреча заканчивалась тем, что она окидывала меня презрительным взглядом и с деловитым видом уходила прочь.

Я осталась одна. Совсем одна. Наедине с собой, своими мыслями и переживаниями. Меня мучила бессонница, а днем я засыпала на уроках. Не было рядом теперь ни Алекса, ни Джей, ни Сэм, ни Ричи. А ведь ещё несколько недель назад всё было замечательно: у меня был парень, сестра и двое замечательных друзей.

«Что?! Что, черт возьми, я такого сделала?! За что ты меня наказываешь?!»

На следующий день я как обычно отправилась в школу. После химии, истории и геометрии я пошла в актёрский зал к мисс Уоррен – хотелось ещё немного побыть семнадцатилетней школьницей Мишель с грузом проблем, а не той Мишель, которую ежедневно закидывают контрактами и всевозможными поручениями.

Я присела на бордовое кресло и пустым взглядом уставилась на сцену. Там что-то происходило, но я не понимала. Я смотрела, но не видела.

– Мишель, здравствуй, – мисс Уоррен под села ко мне и положила руку на плечо.

Я подняла голову, посмотрела на неё и на сцену. Моему вниманию предстали человек двенадцать в разноцветных одеждах с микрофонами в руках. Шла репетиция очередного мюзикла. С этой суетой после побега Сэм я редко заходила в театр и была совершенно не в курсе последних событий.

– Здравствуйте, – протяжно сказала я.

– Ребята, можете отдохнуть пять минут, – сказала Уоррен актерам. Все разошлись за кулисы. В зале повисла тишина.

– Как ты, дорогая?

– Всё в порядке.

– Мишель, – она пристально посмотрела мне в глаза.

– Мисс Уоррен... Я себе места не нахожу. Я не знаю, что мне делать. Я не знаю, как мне помочь родителям. У меня нет ни единого представления о том, куда Сэм могла подеваться. Но страшнее всего мысль о том, что может быть... – мой голос сорвался. – Может быть, её уже нет...

– Мишель, не говори так. Всё будет отлично. Вот увидишь, – успокаивала меня мисс Уоррен. – С Сэм всё будет хорошо, – она обнимала меня за плечи. – Она обязательно найдется.

– Надеюсь на это...

– Я понимаю, тебе страшно.

– Очень страшно.

– Да, очень страшно. Но будь сильной. Ты же Мишель Брэй. Ты та, кто написала сценарий самого удачного нашего спектакля, и та, кто пожертвовала школьному театральному кружку невероятную сумму денег.

Я отерла слезу и в недоумении посмотрела на учительницу.

– Вы знаете?

– Конечно, я знаю, девочка моя, – ласково сказала она.

– Но откуда?

Она улыбнулась.

– К моему счастью, Алан совершенно не умеет держать язык за зубами.

Я засмеялась.

– Спасибо, Мишель. Спасибо тебе огромное, – тихо добавила она.

Она обняла меня крепче. Так мы и просидели следующие пять минут.

Когда я вышла из актового зала и уже собиралась отправиться в «Форджес», я случайно уронила телефон на пол в коридоре. Я опустилась, чтобы поднять его, но меня опередил тот, кто только что подошел ко мне из-за угла.

– Я же говорил. Мы ещё обязательно встретимся, – сказал парень.

– Ник?

– Не ожидала меня встретить? – и он ухмыльнулся известной ухмылкой семейства Нэшэй.

– Ник, мне нужно идти, – я сделала шаг вперед, но он перекрыл мне дорогу своим большим мускулистым торсом. Идти напролом было бесполезно. Я оглянулась. В коридоре никого не было – шли уроки.

– Ник, что тебе нужно?

– Глупый вопрос, Шел. Мне нужна ты, – дерзко сказал он.

– У меня нет времени на этот бред. Выпусти, я опаздываю, – попытавшись выбраться из ловушки, сказала я.

– Ну куда же ты, – он задержал меня своими сильными руками и прижал к стене. – Не торопись, мы ещё не всё решили.

– Ник...

– Шел, не советую вырываться. Будь хорошей девочкой, и я не сделаю тебе больно.

Я была в школе. В школе! В том месте, где, казалось, я защищена от всего на свете. Но, как видите, я не была защищена от одного – семейки Нэшэй, которая не успокоится, пока не испортит мне всю жизнь.

– А знаешь, что? Я была не права в одном. Твой брат такой же ублюдок, как и ты. – Я решила действовать против Ника его же оружием – дерзостью. Не уверена, что из этого что-то получится, но вариантов у меня не много.

Он прижал меня крепче и сквозь зубы процедил:

– А ты мне нравилась, Шел... Жаль, что придется с тобой так плохо поступить. Но ты же никому не расскажешь? Особенно своему папочке-полицейскому? – он ухмыльнулся.

Я попыталась вырваться и ударила Ника по лицу. Он провел рукой по покрасневшей щеке.

– Маленькая стерва. Иди-ка сюда, – он схватил меня за руку и потащил в туалет.

– Ник,пусти меня!

– Эй, ты! – с конца коридора выкрикнул Алекс. – Отпусти её. Я уже вызвал полицию, так что тебе лучше свалить отсюда как можно скорее и больше никогда не появляться, – он демонстративно махал сотовым телефоном.

– Кажется, какая-то маленькая девочка хочет тебя больше, чем я, – он отпустил мою руку. – Ну что же, тебе повезло, Мишель. Прощай! – и он быстрым шагом пошел к выходу.

Алекс подбежал ко мне.

– Мишель, всё в порядке?

– Ничего, ничего... – я держалась рукой за голову. – Ничего не в порядке, Алекс, – я обняла его дрожащими руками.

– Тихо-тихо. Этот придурок больше не подойдет к тебе. Всё хорошо. Я рядом.

– Алекс, давай больше никогда не будем ругаться? Я не могу без тебя, а тут ещё и Сэм...

– Конечно, не будем. Я уже давно хотел подойти, но боялся, что ты не захочешь меня видеть.

– Алекс, спасибо тебе, ты просто спас меня. Спасибо!

– Ну это же моя работа, – улыбнулся он.

– Я боялась, что Эшли заменит тебе меня.

– Мишель, не носи ерунду! Эшли никогда не станет тобой. Никогда! Вспомни, я же твой лучший друг. А ты мой лучший друг.

Я улыбнулась и посмотрела ему в глаза.

– Так что? Дружба навеки? – он с улыбкой протянул мне мизинец.

– Дружба навеки, – я протянула свой палец, и мы скрепили нашу дружбу по-детски наивно – на мизинчиках. Но для нас это значило гораздо больше, чем просто детсадовская глупость.

Наутро я проснулась с улыбкой. Давно такого не было. С тех пор, как пропала Сэм, я каждое свое утро начинала с ритуала ненависти ко всему белому свету, ленивого скидывания ног с постели и дурацкого завтрака из микроволновки. Сегодня я проснулась с мыслью, что во всем этом страшном, жестоком мире у меня теперь снова есть поддержка. Обе свои новые жизни: «Алекс – парень Эшли» и «Алекс – мой лучший друг» он старался разделить как только мог. Правда, в коридорах школы скрыться было почти негде. Поэтому даже сегодня утром, неспешно вышагивая по холлу, мы наткнулись на Мориссон. В глупой розовой кофте с рюшами и голубых джинсах, которые явно были ей малы размера на два, она подбежала к Алексу, обняла его шею руками и чмокнула своими мега-блестящими губами.

– Любимый, скажи, какой плакат будет лучше? – она указала рукой на две огромных растяжки. Разница была в цвете. – Не знаю, какой выбрать. Голубой или розовый. Голубой вроде символизирует зиму, но розовый мой любимый. Любимый, как ты.

«Господи, какая же она всё-таки идиотка...»

– Голубой будет лучше, – ответил Алекс, взял Эшли за руки и добавил: – Малыш, я сейчас общаюсь с Мишель. Мы можем поговорить позже?

– Ой, это Мишель, – она выглянула на меня. – Прости, совсем не увидела. – Как ты? Как твоя сестра? Ох, прости... Наверное, зря я спросила.

Я молча смотрела на неё, приподняв бровь. Она снова подошла к Алексу.

– Я у тебя такая дурочка. Но ты же меня и такой любишь, – она гладила отворот его рубашки и щенячьим взглядом смотрела на Алекса.

«Фу, какая мерзость».

– Эшли, давай потом... – убирая её руку, ответил он.

– Да, да, конечно. Иди-иди, любимый!

– Я не хочу тебя обидеть, но ты уверен, что она адекватная? – сказала я, когда мы отошли от этого «курятника».

– Я же говорил, она просто притворяется глупой. Говорит, не хочет портить репутацию. Хотя я и не понимаю этого. Она умная и находчивая, а притворяется полной дурой. Но что поделать? У каждого свои тараканы.

– Да уж... Ну и свалилась же она на твою голову.

Мы засмеялись.

– А почему этот придурок к тебе приставал? Мне казалось, что ты отвязалась от всей семейки Нэшэй уже давно...

– Не знаю, Алекс. Он отморозок какой-то. По сравнению с ним Рич просто ангел.

– Ты же не хочешь вернуть ваши отношения?

– Конечно, нет. Добром это явно не закончится. Он проявил свою плохую сторону, и если я дам понять, что простила его, будет делать это и дальше.

– Иногда я удивляюсь, как в такой маленькой блондинке умещается столько мудрости и жизненного опыта.

– А я удивляюсь, как такой хороший парень оказался в лапах Эшли.

– Ну прекрати уже, – Алекс усмехнулся и легко ударил меня кулаком в плечо. – Ты тоже совершала в своей жизни ни одну ошибку.

– Ага. Например, познакомилась с тобой.

– Эй, а что это со мной не так?

– Ты слишком идеален, Алекс. На фоне тебя я выгляжу не так великолепно, как должна, – я засмеялась.

– Дурочка ты, – он обнял меня за шею и взъерошил все волосы.

– Алекс, что ты творишь!

Мы смеялись, шли по заполненному людьми коридору и, на удивление, никуда не спешили. Я мельком смотрела на меняющиеся лица. Почти на всех сияла улыбка. Интересно, а они действительно счастливы или это очередная игра в маски?

Глава 20

Я бежала по улице, казалось, со скоростью света. В абсолютной темноте я была так же беззащитна, как маленькая мышка в клетке со змеями. Страшно.

«Очень страшно. Хочу домой».

Я всё бежала и бежала. Бежала от него. Но, начнем сначала.

В один из наших обычных вечеров, засыпанных тонной чипсов и залитым литрами гадкого пива, в маленькую квартирку с обшарканными стенами ввалился красивый парень в кожаной куртке с цепями и порванных голубых джинсах, с кольцом в левом ухе и растрепанными светлыми волосами. На вид ему было не больше двадцати. Внешне он мне очень понравился. Такой крутой, властный взгляд, хитрая ухмылка, будто бы говорящая: «Я сплошной хаос и в этом моя прелесть».

– Барри! – заголосили два придурка на диване.

– Дружище, сколько тебя не было?

– Где ты пропадал?

– Мы уж подумали, тебя загребли...

– Или спился, – сухо добавила стоящая в углу с сигаретой между пальцев Салли.

– И тебе привет, дорогуша, – Барри подошел к ней чуть ли не вплотную и сделал жест, чтобы обнять её, но Салли вырвалась и молча поспешила к холодильнику.

– Есть пиво. Будешь? – так же сухо спросила она.

– Ещё спрашиваешь, – улыбнувшись, ответил Барри.

Я наблюдала за всем происходящим, сидя на дурацком скрипучем кресле с чашкой чипсов с беконом.

– Барри, – заметив меня, протянул руку парень.

Я поспешно отерла ладонь о толстовку и пожала сильную руку с большим серебряным перстнем на среднем пальце.

– Красивый перстень, – сказала я. – Меня зовут Сэм.

– Сколько тебе лет?

– Тринадцать, – с вызовом ответила я.

– Воу, воу, воу, успокойся, пупс, – помахав руками, с улыбкой сказал Барри. – Я не считаю тебя малолеткой. Просто привык знать о людях немного больше, чем полагается, – он хитро ухмыльнулся.

– Твоё пиво, – Салли всунула ему в руку ледяную жестяную банку. – Сэм, нужно поговорить, – она схватила меня за запястье и утащила в ванную.

Ванная комната выглядела как обычно выглядят такие места в фильмах про убийства и наркотики. Только вот если многие из вас видят разбитый пожелтевший кафель, кровавые разводы, разбросанные волосы, прожженную штормку для душа и рассыпанный порошок неизвестного происхождения только в кино, то для меня такая обстановка уже неделю была привычной и, кажется, даже домашней.

– Сэмми, не связывайся с этим парнем. А лучше – вообще не разговаривай.

– Салли, что за фигня? Ты сама учила меня: парни и вечеринки – вот, ради чего нужно жить.

– А я от своих слов и не отказываюсь. Просто Барри – не парень, а ходячая катастрофа. У него очень темное прошлое. Да и настоящее не светлее. Не стоит тебе с ним контактировать.

– Да с чего бы, Салли? Мне всего тринадцать, а я уже сбежала из дома и неделю живу в наркопритоне. Разве может быть для меня что-то опаснее? – я собиралась выйти из ванной, как вдруг Сал схватила меня за руку.

– Дура, не ведись на его сладкие фразочки. Вот именно, что тебе всего тринадцать. Ты слишком легкая нажива для этого уroda. Я всё это знаю не понаслышке. Барри – мой бывший парень. И во многом – из-за него я оказалась здесь. Как ты сказала, в наркопритоне.

– Пусти меня, – я вырвалась и вышла из ванной. – Я сама знаю, что делать. Не лезь в мою жизнь.

Когда я вошла в комнату, ребята уже куда-то собирались.

– Хей, куда вы, парни? – спросила я.

– Не твоё дело, малявка, – дерзнул тот, что был в татуировках.

– Эй, заткнись, – Барри дал ему подзатыльник. – Хочешь с нами? – добавил он, обращаясь ко мне.

Я обернулась и посмотрела на стоящую в углу Салли.

«Да к чёрту».

– Ещё спрашиваешь, – ответила я, схватила с пола рюкзак, накинула куртку и вышла из квартирki, громко хлопнув дверью.

На улице стоял потрясный чёрный мотоцикл.

– Залезай, – кинув мне в руки шлем, сказал Барри.

– Очуметь! – воскликнула я. – Где же ты раньше был? Мне неделю пришлось тусоваться с этими придурками в маленькой квартирке с облезлыми стенами. – Я натянула шлем, запрыгнула на байк и крепко обняла красивого блондина. Парни сели в свою

развалюху и поехали за нами. Но мне плевать было на них. Как и на всё, что происходило вне этого мотоцикла.

Мы неслись по улицам с сумасшедшей скоростью. И это было нереально круто! Спустя примерно двадцать минут Барри остановил мотоцикл в какой-то жуткой подворотне с красными кирпичными стенами.

– И куда мы приехали? – удивленно спросила я.

– Сейчас увидишь, – посмотрев на меня своим загадочным взглядом, сказал Барри.

В подворотню через несколько секунд въехала развалюха, за рулем которой был тот, что с татуировками, а за ней – черный мерседес с тонированными стеклами. Из мерседеса вышли сначала двое мужчин в черных костюмах. Один из них открыл дверь. Из неё буквально вывалился полный мужчина в сером клетчатом костюме. Медленно он подошёл к Барри и грубо спросил:

– Принес?

– Принес, – ухмыльнувшись, ответил блондин в кожаной куртке. – Как ты просил. Парни, – обратился он к двум придуркам, – выгружайте.

Самовлюбленный качок поднял крышку багажника, и там оказались несколько огромных пакетов с белоснежным порошком.

– Что... Что это, черт возьми? – раскрыв рот, тихо возмутилась я.

– А это кто такая? – спросил толстяк.

– Не обращай внимания. Подарок в честь юбилейного приобретения.

Двое парней в черном медленно подошли ко мне.

– Барри? – нерешительно отозвалась я.

– Теперь это мой гарант, – отозвался толстяк. – Если ты подложил мне свинью, девчонке будет плохо.

Парни схватили меня за руки и потащили в машину.

– Эй, – закричала я, – пустите меня, придурки! Барри!

– Не рыпайся, хуже будет, – ухмыльнувшись, ответил «мой герой».

– Барри! Ребята! Эй, помогите, кто-нибудь, умоляю! – я кричала как сумасшедшая и отбивалась ногами и руками, пока люди в черном заталкивали меня на заднее сидение мерседеса.

Когда дверь захлопнулась, я попыталась её открыть, но все попытки были тщетными. Сулицы доносились голоса. Потом я услышала гул мотора. Это уезжал Барри.

– Говнюк, – выкрикнула я, чуть ли не рыдая.

Дверь распахнулась, и рядом со мной плюхнулся толстяк. Двое парней сели вперед, и через несколько секунд машина тронулась в неизвестном направлении.

Мысленно я прощалась с жизнью и составляла завещание. В тринадцать лет попасть в такую глупую ситуацию – верх идиотизма. Мысленно составлять завещание – это, конечно, тоже странно, но что ещё можно делать, когда ты сидишь на заднем сидении мерседеса, а какой-то жирный наркоман занимает половину твоего места?

Машина остановилась. Двое парней куда-то ушли. Я сидела и царапала спинку кресла. Вдруг я услышала храп. Повернув голову, я обнаружила, что толстяк спит как младенец.

«Господи, спасибо».

Я медленно попробовала перелезть на переднее сидение, но именно в тот момент, когда я открыла окно и начала вылезать на волю, я увидела выходящих с заправки людей в черном. Они бросили пакеты и побежали к машине. Я пулей вылетела из окна и побежала прочь. Один парень сел за руль, а другой погнался за мной. В спешке я оставила свой рюкзак на заднем сидении мерседеса, и теперь у меня не было даже денег, чтобы уехать домой. В мой дом. Туда, где меня ждут мама, папа и Мишель. Я ни за что не вернусь к Салли и её друзьям.

И вот, я бежала по улице, казалось, со скоростью света. В абсолютной темноте я была так же беззащитна, как маленькая мышка в клетке со змеями. Страшно.

«Очень страшно. Хочу домой».

Я всё бежала и бежала. Бежала от него. Огромного мужчины в черном костюме с ножом в руке.

Глава 21

Я сидела в каком-то баре на большом коричневом диване, тупо уставившись в архаусную картину на стене. Сегодня одно из многих мероприятий за последнюю неделю, на которое пришлось прийти только потому, что после аншлага в «Кровавой Мэри» Деб таскает меня везде и всюду. Это, видите ли, создает имидж компании.

«К чёрту имидж. Я устала от всего этого. Я просто хочу, чтобы Сэм была рядом».

– Ты чего такая кислая? – с двумя голубыми коктейлями ко мне подсел Джо.

– Ты даже не представляешь, – глубоко вздохнув, ответила я своему другу. Пожалуй, единственному человеку, с которым я могла поговорить честно за пределами школьного мира. Которому я хоть как-то доверяла.

– Выкладывай, Мишель. Я же вижу, ты уже несколько дней сама не своя. Совсем не такая задорная простушка, с которой мы познакомились тогда в «Кастомс».

– Даже не знаю, с чего начать. Джо, всё это так сложно...

– Проблемы в семье?

– Так точно.

– Что случилось?

Немного помолчав, я всё же решилась сказать правду.

– Моя сестра, Сэм, сбежала из дома. Мы ищем её уже вторую неделю, но ничего.

– Мишель, я поверить не могу, что ты молчала, ходила на работу как ни в чем не бывало, когда вокруг тебя творилось такое. Есть хоть какие-то зацепки? Я помогу, чем смогу.

– Совершенно ничего, Джо. Я устала, я не знаю, что с ней, где она и вернется ли когда-нибудь. Это очень страшно.

– Понимаю тебя. Незнание – самое страшное, что может быть в такой ситуации.

– Я ненадолго, – встав с дивана, я собиралась пойти в туалет, но из моего ежедневника выпало фото. Джо поднял его.

– Мишель, у тебя упала, – он замолчал. – Стоп, это Салли?

– Какая ещё Салли? – я обернулась и посмотрела на него недоумевающим взглядом.

– О, это то фото. Совсем забыла о нём. Джо, ты что, знаешь эту девушку?

– Ещё как знаю. Салли была моей пациенткой. Несколько лет назад она попала к нам в клинику с передозировкой. Выяснилось, что она к тому же беременна, а из-за наркотиков велика вероятность выкидыша. Вот нам и пришлось сделать срочную операцию. А ведь она тогда была совсем девочкой. Младше тебя. Я говорил ей завязать с наркотиками, пойти в

колледж и начать новую жизнь, но, видимо, она меня послушала... Черт, Мишель. Если твоя сестра знакома с Салли, у неё может быть очень много проблем.

– Джо, как же я рада, что ты знаешь её, господи, Джо! Как её найти?

– Вот это уже сложнее. Но, раз она до сих пор тусуется по наркопритонам, скорее всего её знает кто-то из ребят. Сейчас я попробую узнать, где она.

Следующий час я провела в нервном ожидании чуда. Хрустя косточками пальцев, я следила за всеми звонками и смс, что совершал Джо. Я была искренне рада, что судьба свела нас в тот вечер в «Кастомс» и что сейчас он делает все возможное, чтобы помочь мне.

– Бинго! – выкрикнул он после очередного звонка. – Мишель, я знаю, где она. Звони отцу, вызывай полицию. Вытащим мы твою сестру!

С того дня, когда Роксана Портер попросила, а точнее заставила Рона Брэй помочь вытащить их сына из тюрьмы, прошло уже много времени. Да, Рон тогда сделал всё возможное, и на следующее утро сын, которого он никогда не знал и не хотел знать, вышел к отцу с хитрой ухмылкой и распростертыми объятиями.

– Убери руки, – отстраненно заявил Рон. – Это первый и последний раз, когда я спасаю твою задницу. Мне было очень трудно убедить всех в твоей адекватности. И ещё, – тихо добавил он. – Я знаю о твоем пристрастии к торговле наркотой. Ещё раз тебя на этом поймут, твоя мамочка уже не сможет ничего для тебя сделать. А теперь проваливай.

– Ну что же ты так груб, папаша? – с той же неизменной ухмылкой заявил парень. – Я ведь просто зарабатываю себе на жизнь. Тем более, разве ты хочешь, чтобы все узнали о том, что сын начальника полиции несколько лет свободно торговал порошком?

Рон посмотрел на него со злобой, сжав в руке ключи от машины. Из участка вышла Роксана.

– Рони, – завопила брюнетка, на каблуках пересекая огромную площадь перед зданием, – наконец, семья воссоединилась.

Рон посмотрел на неё с возмущением и растерянностью.

– Что ты несешь? Мы никогда не были и не будем семьей. А теперь забирай своего непутевого сына...

– Нашего сына, – перебила она его.

– И вали к чертовой матери, Рокс.

– Рони, – с совершенно другой, дерзкой интонацией начала его собеседница, – ты и правда подумал, что нужен мне? Не смейся. Капитан полиции. Да от тебя и толку то, разве что, сыночка из тюрьмы вытащить. А ты, – обратилась она к сыну, – сегодня же отправишься в колледж или полетишь вон из дома.

– Прощай, Рокс, – Рон развернулся и пошел в машине.

– Ещё увидимся, – с ухмылкой, казалось, ставшей уже семейным отличием у неё и сына, ответила Роксана.

– Пока, папочка, – засмеявшись добавил молодой парень.

Рон хотел было повернуться и высказать всё, что он думает, но сдержал себя, сел в автомобиль и постарался забыть обо всем, что происходило в последние дни.

Но вернемся в январские праздники. Через час после того, как Джо узнал место проживания некой Салли, у её дома уже стояли две полицейские машины, Мишель, её папа и сам Джо.

– Рональд Брэй, – протянув руку, сказал папа.

– Джонни Маджони, – ответил Джо.

– А, позвольте спросить, кто вы и откуда знакомы с моей дочерью?

– Это долгая история. Я хирург, с Мишель мы познакомились недавно. Но, не пугайтесь, я её не тронул и не трону никогда. У вас чудесная дочь.

– Ладно, все это сейчас не имеет значения. Что мы здесь ищем?

– Девушка, что на этом фото, – он показал папе снимок, – живет в том сером доме.

Так мне сообщили. Мишель подозревает, что Сэм может быть там.

– Мишель, черт подери, почему ты не показала мне это фото?

– Пап, прости, пожалуйста, я правда забыла.

– Что ты забыла? Ну что ты забыла? Твоя сестра неизвестно где, а ты забыла!

– Замоталась...

– Замоталась? Можно подумать, ты с утра и до ночи на работе!

– Да, на работе! – выкрикнула я. – Да, папа, я на работе! Вы с мамой настолько были поглощены всякой ерундой, что совершенно не заметили, что ваша дочь работает, и причем уже очень давно. Отличные родители! Браво!

Воцарилась молчание. Только гул полицейских сирен нарушал неловкую тишину.

– Заходите в тот дом. Она должна быть там, – Рон указал на серый дом, в котором, как сказал Джо, должна жить Салли.

Наряд полиции ворвался в квартиру. Салли с сигаретой во рту, стоявшая у кухонного шкафчика, подняла руки, выпуская дым изо рта.

– Где моя Сэм? – папа подошел к ней и грубо спросил. – Отвечай, что с моей дочерью.

Салли медленно вытащила изо рта сигарету, засмеялась и сказала:

– Спросите у него, – указала она глазами на дверь, ведущую в ванную.

Из неё в одном полотенце вышел Барри. Тот самый парень, с которым тогда повздорил Ричи Нэш, и которого он повез домой, потому что у него сломался мотоцикл.

– Барри? – удивленно протянул папа.

Я, Джо и еще несколько полицейских, находившихся в доме, не понимали совершенно ничего.

– Ну здравствуй, отец, – улыбнувшись, сказал парень.

– Отец?! – воскликнула я. – Что...?

В нахальном блондине с растрепанными мокрыми волосами Рон узнал того самого парня, которого вытащил из тюрьмы. Его сына.

– Папа, что всё это значит?

– Ой, так у меня и сестренка есть.

– Заткнись, Барри. Я тебе уже говорил, что еще один проступок, и ты навсегда попадешь за решетку. Где Сэм? Отвечай мне, где моя дочь?

– Черт. Так Сэм твоя дочь?

– Что... Что ты сделал с ней?! – я хотела наброситься на него. Джо сдерживал мои импульсивные порывы.

– Я-то ничего. А вот что с ней сделает он...

В следующие пять минут Барри рассказал, как было дело, и все полицейские во главе с папой отправились искать Сэмми по окрестностям. Мы с Джо побежали в сторону стоянки.

– Что за фигня происходит в моей жизни? – запыхавшись, говорила я. – Что это за Барри? И почему он назвал папу отцом?

В эту секунду я услышала тихий плач.

– Стой, Джо. Я что-то услышала.

Мы поспешили в подворотню с красным кирпичом. Именно здесь всё тогда и произошло.

– Сэм?

– Сэмми, это ты?

Плач затих.

– Мишель? – тихо послышалось из-за груды коробок.

– Сэмми! – я подбежала туда, Джо убрал все коробки. Это была Сэм. Целая и невредимая. Моя Сэм.

– Мишель! – со слезами она бросилась мне на шею. – Прости, пожалуйста, Мишель!

– Это ты меня прости, малышка. Как же мне тебя не хватало! Сэмми, моя милая Сэмми, – и я прижала её крепче.

Джо подозвал отца и весь наряд полиции. Кажется, это была лучшая секунда начавшегося нового года. И самая странная.

Глава 22

Проснувшись на следующее утро, я побрела в ванную. Уставившись в огромное зеркало над раковиной на свое заспанное лицо с размазанной под глазами тушью, я зависла минут на пять. Что происходит в моей жизни? Вот я, маленькая Мишель с испорченным макияжем, грязными волосами и тяжелым взглядом, стою на синем кафеле в своей глупой желтой пижаме с жирафами. Вчера моя младшая сестра вернулась домой из притона, в котором провела бог знает сколько. Мой лучшая подруга больше не моя лучшая подруга. Кстати, я слышала, что со следующей недели она переводится в другую школу. Не знаю почему. Да, впрочем, и не хочу знать. Алекс встречается с Эшли Мориссон. Мама с папой до сих пор в возбужденно-траурном состоянии. Дома царит мрак, тоска и неловкость. Но ведь всё наладится?

Сегодня в школу мы с Сэм поедem вместе. Я приняла душ, надела свои любимые джинсы и мягкий лиловый свитер. Украсив образ массивными фиолетовыми серьгами и розовой помадой, я собрала волосы в хвост, небрежно выпустив несколько прядей, и спустилась на кухню. Все были уже за столом. Сэм молча пила свой чай, мама с папой доедали омлет.

– Ты долго, – заметил папа.

– Сейчас выпью кофе, и можем ехать.

История с Роксаной и Барри была теперь известна всему нашему семейству. Мама долго не верила или просто-напросто не хотела верить, злилась, скандалила, потом смирилась. Она не может его бросить только потому, что двадцать лет назад он оступился и связался с такой ужасной женщиной. Он не может изменить того, что его сын стал преступником. Моя мама очень мудрая. За это я её люблю. Поэтому она так легко справляется с жизненными трудностями. Разве что, кроме побега Сэм. Но сегодня она уже чувствовала себя лучше, хотя и выглядела слегла подавленной.

Барри посадили в тюрьму. Совсем скоро будет суд по нескольким статьям, связанным с наркотиками, и в этот раз папа не будет ему помогать.

После всей этой дурацкой истории папа завел разговор про работу. Конечно, он был зол. Конечно, он был недоволен. Но Сэмми вступилась за меня.

– Пап, не будь тираном!

– Саманта, а не ты ли вчера чуть не умерла из-за своей глупости?

– Пап!

– Ничего не хочу слышать.

– Ты всегда так делаешь. Запрещаешь нам жить. А знаешь ли ты, что чем больше ты будешь ограждать нас от глупостей, тем больше мы будем хотеть их совершать?

– Пап, – вступила в разговор я, – Сэм права. Да, она знатно накосячила...

– Накосячила? – возмутилась мама. – Я не спала несколько ночей, литрами глотала успокоительное. Это, по-твоему, накосячила? Мне кажется, это называется, месяц домашнего ареста и никакого телефона.

Воцарилась тишина. Спустя несколько томительных секунд Сэм смиренно отозвалась.

– Пусть так. Только Мишель не трогайте.

«Кто это и что она сделала с моей сестрой?»

– Я облажалась. Да блин, облажалась! Но Мишель то тут причем? Что плохого в том, что она работает? Ей семнадцать лет. Почему бы за нее просто не порадоваться? Не поддержать? Да ну вас, бесполезно объяснять, – она махнула рукой и начала подниматься по лестнице. – Понимаю, почему Мишель вам не говорила. Вы же кроме себя никого не видите. Спасибо, блин, родители, – и она хлопнула дверью.

– Сэмми, – уже ласково сказала мама.

– Так, – строго сказал папа, – может, я сейчас поступлю очень и очень глупо, но, кажется так нужно. Мишель, – он обратил свой взгляд на меня, – мы с мамой ужасно недовольны тем, что ты с утра и до ночи работаешь, причем неизвестно где.

– Ещё больше мы недовольны тем, что ты нам об этом не сказала раньше, – подхватила стоявшая рядом мама.

– Я всё понимаю, – опустив глаза в пол, ответила я. – Простите, пожалуйста.

– Но несмотря на всё это, – продолжил папа, – ты ведь наша дочь, – улыбнулся он, – и мы не можем заставить тебя бросить всё это, если тебе действительно это важно.

Мама взяла папу под руку, положила голову ему на плечо и тоже улыбнулась.

– Серьезно? Пап, мам! Как же я вас люблю! Спасибо, спасибо! – я кинулась обнимать их.

Вечером того дня я увидела на столе большой коричневый конверт с подписью «Специально для Мишель Брэй». Родители сказали, что это пришло утренней почтой. В нём оказался журнал. А на обложке... Была я!

«Семнадцатилетняя стажерка спасает вечеринку Тони Мильтона – страница 18»

Захлебываясь от восторга, я открыла нужный разворот. Справа красовалась фотография с той самой вечеринки, а около неё – очень много текста.

Праздник в «Кровавой Мэри» мог закончиться провалом, если бы не она. Так кто же эта таинственная незнакомка?

Знакомьтесь, Мишель Брэй. Семнадцатилетняя школьница, но уже героиня большого города. Как утверждает сама Мишель, в «Форджес» она попала благодаря школьному спектаклю. Так или иначе, у этой девочки большой потенциал. Кто знает (не в обиду уважаемой Дебби Уинфлоу, конечно), может быть, совсем скоро фамилия Брэй у нас будет ассоциироваться с креслом начальника «Форджес».

Мы поймали Мишель за барной стойкой, и вот, что получилось...

Далее следовало огромное количество вопросов от той самой девушки, которая подошла ко мне в «Кровавой Мэри», и такое же бесчисленное количество моих ответов, благодарностей Ричи и Деб. Ещё вчера я поверить не могла, что такое реально, но уже сегодня моё лицо красовалось на миллионе экземпляров популярного журнала, и я уже ничего не могла поделать, кроме как смириться с этим фактом и наслаждаться внезапно возникшей славой.

Прошла неделя. Дома всё наладилось. С Алексом мы общались как раньше, у меня даже получалось ладить с Эшли. Когда она не вела себя как идиотка. Работа съедала максимум свободного времени и не отпускала даже в выходные. Что поделать – любишь на обложке красоваться, люби и бумаги в офисе по папкам сортировать. С выхода того журнала и правда всё поменялось. Если раньше ко мне просто относились хорошо, то сейчас к этому самому «хорошо» подключилось ещё и уважение. Дошло даже до того, что мне начали доверять контроль стажеров. В школе было всё отлично. Я словила какой-то дзен, так что могла теперь совмещать работу с учебой без труда. Шучу, конечно. Без труда – это сильно сказано. Спать и есть приходилось где получится и когда получится. А в остальном – да, дзен всё-таки был. Да такой, что даже в театральном кружке меня видели чаще, чем раз в месяц.

Однажды после уроков я забежала к мисс Уоррен на репетицию.

– Мишель, ты как раз вовремя. У меня есть отличная новость!

– Новость? Неужели декорации готовы?

– Мишель, – засмеялась она, – ты когда-нибудь думаешь о чем-нибудь, кроме работы?

– Наверное... Бывает, я думаю, о том, чтобы выспаться... – я улыбнулась.

– Ну, здорового сна я тебе не гарантирую, а вот заслуженный отдых стопроцентно!

Послезавтра ты едешь в самый лучший в стране режиссерский лагерь. С директором школы я уже поговорила, она только за. Тем более, что с успеваемостью у тебя пока что всё хорошо.

– Мисс Уоррен! Я даже не знаю, что сказать... Это просто... Просто вау! Но только меня, наверное, не отпустят на работе. Ведь это надолго.

– Дорогая моя, я обо всём позаботилась. Ты ведь уже знаешь, что мы хорошо знакомы с Аланом? Так вот. Мы поговорили с Дебби, и она с радостью тебя отпустила, тем более, что сама она тоже улетает. Куда-то на Бали или вроде того.

– Я даже не знаю, как вас благодарить...

– Просто отправляйся туда без лишних разговоров. Это лучшее, что ты можешь для меня сделать. Учителя любят радоваться успехам своих учеников. Когда-нибудь ты это поймешь, – и она улыбнулась своей удивительной, доброй улыбкой.

– Спасибо! – я крепко обняла мисс Уоррен и поспешила домой собирать вещи.

Глава 23

23 января. Новое.

Два дня назад родители привезли меня к большим металлическим воротам. За ними я увидела несколько красивых корпусов из красного кирпича. То была академия режиссуры...

Мы заселились по двое человек в небольшие, но очень уютные комнатки. В моей стояли две кровати, стол, огромный шкаф из темного дерева, и две прикроватные тумбочки. В середине комнаты лежал мягкий бежевый ковер, в котором ноги просто утопали. Совершеннейший ковер на всей планете! Когда мы только въехали, постели были идеально застланы, а шторы раздвинуты так, что свет заливал нашу небольшую спальню, больше похожую на маленький рай с фисташковыми обоями, оригинальными настенными лампами и резным столиком.

Но буквально через час после заселения я и моя новая соседка по имени Ванда превратили маленький рай в рабочий кабинет двух заядлых писак-режиссёров. Познакомилась я с ней, как только вошла в комнату. Задорная толстушка в синих джинсах и красном джемпере энергично разбирала вещи.

– Хай, красотка! – увидев меня, сказала она. – Да ты проходи, располагайся. Меня Вандой звать. А ты кто у нас?

Её простой, деревенский говор меня почему-то очень обрадовал. Наверное, просто хотелось отдохнуть от всей этой городской «элиты», которая даже знать не знает, что существуют слова, кроме «официант», «ещё шампанского», «а когда начнется вечеринка?».

Не сказать, чтобы мы с ней сразу подружились. Характер у неё, конечно, тот ещё. Уж очень жесткая эта Ванда. Почти как Деб. Только Деб то мой начальник, а Ванда... Всего лишь соседка по комнате.

Несмотря на это, что-то в ней всё-таки было... Харизма какая-то. В общем, ругаться я с ней не стала, а, наоборот, решила сблизиться. Мне сейчас нужен кто-то, кто вобьет в меня стержень, который сама я где-то поломала.

Следующие два дня мы бегали как заведенные. В семь утра подъем, в восемь завтрак, а в девять уже начало занятий. Днем – практика и экскурсии. Вечером – выполнение задания на день. Да уж, не так я представляла себе лагерь... Хотя, доля прекрасного в этом была. Я занималась любимым делом, общалась с хохотушкой Вандой и наслаждалась прекрасной природой, которая окружала нас повсюду. Даже из моего окна был виден темно-зеленый, дышащий свежестью лес.

В лагере нас было двадцать. Правда, я почти ни с кем не общалась – не было времени. А вообще, кажется, половина ребят здесь такие ботаники, каких свет не видел. Хотя есть и те, кому эта практика действительно в кайф. С ними то точно можно повеселиться! Что мы и запланировали с Вандой на третий вечер нашего пребывания в режиссерской обители.

Странно, но я немного волновалась перед знакомством с остальными ребятами. Да, мне удалось поладить с Вандой, но что будет с остальными... Пока немного жутковато. Хотя с чего бы?

Взволнованная и пока что семнадцатилетняя

Мишель Д. Брэй

Я захлопнула дневник, убрала его в ящик своей тумбочки и побежала на занятия.

– Работа над сценарием – это вовсе не то развеселое занятие, каким вы его считали в своих школьных театральных кружках, – говорил наш преподаватель по киноискусству, мистер Говард Джонсон. Он показался мне очень злым человеком. Таким, будто бы сама жизнь его обезоружила, прижала к стене и заставила дать показания против самого себя. Обычно у таких людей как мистер Джонсон, своя, не похожая ни на чью история. И обычно она заканчивается не фразой «и жили они долго и счастливо». Мои рассуждения прервал громкий голос. – Юная леди, вы будете молчать или всё-таки ответите на мой вопрос?

Я оглянулась, ища поддержки со стороны новых одноклассников, но все только смотрели на меня непонимающим взглядом.

– А... Можете вопрос повторить? – смущённо ответила я.

Мистер Джонсон раздраженно выдохнул, скрестил руки и продекламировал:

– Как пишут сценарий для ситкомов, юная леди?

– Для ситкомов? Эм... Я думаю, что... Наверное, это...

– Я думаю, что, наверное, может быть... Вы совершенно бесполезны.

Кто-то в классе усмехнулся.

– А вам, молодой человек, отчего так смешно? Или, может быть, вы расскажете нам про сценарий ситкомов?

– Эм... – сказал парень. – Простите, Говард.

– Для тебя мистер Джонсон.

– Мистер Джонсон, – едко заявил парень.

– Ну и как же тебя зовут, умник?

– Пэрри. Но для вас мистер Пэрри.

Класс захохотал. Я обернулась. За последней партой вальяжно сидел, вытянув ноги, высокий, мускулистый парень в джинсовой рубашке. В руке он крутил шариковую ручку. Доволен собой Пэрри был невероятно. Но что-то в нём настораживало.

– Ах, это вы. Двадцати двух летний победитель чемпионата по сёрфингу, сын миллионера, а сегодня – постоялец нашего скромного лагеря. Ваше величество, – искажая каждую букву говорил Говард. Он был не из тех, кто при виде сыночка богатых родителей падал ему в ноги с мольбами о прощении. Джонсон мне нравился, хоть он и был злодеем, обиженным на весь мир.

Пэрри встал и демонстративно поклонился.

– Рад представиться, Говард, – он повернулся на нас и снова поклонился. – Друзья.

– Да, актерского мастерства вам не занимать. Но насколько хорошо вы разбираетесь в режиссерском деле? – Джонсон задумчиво склонил голову. Через пять секунд он шумно выдохнул, хлопнул ладонями и сказал: – Итак, а теперь поднимайте свои пятые точки. Раз никто из вас, идиотов, не разбирается в ситкомах, сегодня мы идем на съёмки.

По аудитории прошёл гул удивления и восторга.

– Давайте-давайте! Съёмки ждать не будут.

– С ума сойти! Настоящие съёмки! – подсев ко мне в автобусе, выпалила Ванда.

– Да... Не прошло и три дня, а я уже рада, что поехала в этот лагерь.

– А ты видела того милашку? Который на Джонсона рыпался?

– Пэрри?

– Да. Он слишком крут, детка. И слишком привлекателен. Но горячий, зараза. Будто бы запеченная картошка.

– Оригинальное сравнение парня с картофелем, – засмеялась я. – Хочешь с ним познакомиться?

– Да что ты... Ну, конечно, блин, хочу! Ещё спрашиваешь... А я придумала. Давай мы пригласим его сегодня на нашу маленькую вечеринку, а ты побудешь моим штурманом.

– Штурманом? Ванда, ты с ума сошла! Кстати, тебе не кажется, что он какой-то совсем отмороженный... Ты не боишься за наши вещи?

– Брэй, он же сыночек богатеньких родителей. Ему по статусу положено быть наглым, грубым и в конец отмороженным. Не дрейфь! Вот увидишь, такие люди делают любую вечеринку только лучше!

– Ну... Ты права! Я ведь обещала себе веселиться и не быть занудой.

– Вот-вот, Брэй! Не занудствуй!

– Я согласна.

– Она согласна! Вы слышали? Согласна! – заголосила Ванда на весь автобус.

– Ванда, уймись, – смеясь, пыталась успокоить её я.

Я не могла поверить самой себе. Впервые после всего того ужаса, что я пережила за последние недели, мне было просто хорошо. Мне было весело. Весело с девушкой, с которой я была знакома два с половиной дня. И мне это нравилось!

В голове не было лишних мыслей. Было только искренне счастье от осознания того, что всё в жизни наладилось.

Пока я рисовала на запотевшем окне, Ванда всё рассказывала про то, какой Пэрри «сладенький», и что она его «так бы и съела». Странная, однако, девушка. Но мне она чертовски нравилась. Такая искренняя, простая, не обремененная никакими предрассудками, комплексами и стереотипами. Естественная, живая. Ванда – это именно тот человек, который мне был сейчас нужен. Тот, кто вытащит меня к солнцу и заставит наслаждаться мгновениями этой невероятной жизни. Ведь каждый из нас просто миг. Миг, который в масштабах Вселенной не имеет совершенно никакого значения. Так что же нам мешает делать то, что нравится? Ведь Вселенная всё равно вряд ли об этом узнает. Жизнь так коротка, а сделать хочется так много. Хорошо, что я поняла это в семнадцать. Нет ничего невозможного. Есть только жизнь во всех её проявлениях. Прекрасная, невероятная жизнь! Ты можешь смеяться над глупыми шутками, покупать бесполезные вещи, тратить месяцы на то, чтобы написать никому ненужный роман, общаться с людьми-идиотами, менять парней как перчатки. Ты можешь танцевать на улице и орать песни во всё горло, ходить на концерты любимых певцов и покупать сумасшедше дорогие коктейли, драться в баре, мечтать о сказочной любви, прогуливать уроки и покупать ужасно вредную еду в забегаловках. Ты можешь говорить всё, что захочешь, и кому захочешь. Ты можешь расцарапать машину бывшему парню и убегать от полиции, ты можешь изрисовать стены школы и остаться после уроков, ты можешь кидаться яйцами из окон и кричать на прохожих. Ты можешь всё, что захочешь. Ведь ты всего лишь миг, едва ли заметный в масштабе необъятной, величественной Вселенной.

– Сценарий всякого ситкома разрабатывается индивидуально. Он может быть исключительно юмористическим. Но очень часто сценаристы показывают серьезные явления и проблемы, скрывающиеся за юмористической завесой, – мистер Джонсон шел спиной к съемочной площадке и рассказывал нам основы написания сценария для ситкома. Мы замороженно смотрели на огромную улицу Нью-Йорка. Но нет, мы были всего лишь на киностудии, где снимали очередной сериал. – Много в ситкоме зависит от актеров. Если автор понимает, что та или иная фраза никак не подходит персонажу и, соответственно, его актеру, сценарий может переписываться до бесконечности. А теперь посмотрите налево.

Поразительно. Нереально. Но мы и правда увидели Таймс-сквер во всех её деталях. Каждый билборд светился ровно так, как он светится в центре Нью-Йорка.

– Это просто невозможно... – проговорила я.

– Вот поэтому, юная леди, я и привел вас сюда.

– Мишель. Меня зовут Мишель.

Джонсон снисходительно улыбнулся и продолжил:

– Чтобы написать сценарий вашего первого ситкома, вам всем нужно вдохновиться.

А где ещё в этом мире вдохновиться, как не на Таймс-сквер?

– Нашего ситкома? Я не ослышалась? – открыв рот, спросила Ванда.

– Это лагерь для настоящих режиссеров, и да, вы не только напишете сценарий, вы его ещё и снимете. Может быть, прямо здесь.

– Прямо здесь? Что? Вы не шутите?

Джонсон посмотрел на нас с Вандой, улыбнулся, развернулся и пошел дальше, продолжая рассказывать о том, как пишется сценарий ситкома.

Так, удивительно, почти сказочно прошёл мой третий день в режиссерском лагере. Насмотревшись на актеров, по пятнадцать раз произносящих одни и те же слова, потрогав искусственный снег, поужинав за столами местных знаменитостей и посетив каждую гримерную, скрытую за билбордами маленькой Таймс-сквер, мы вернулись в лагерь. За окном было уже темно – на площадке мы провели не меньше трех часов. Усталость валила с ног, но сегодня было не до сна. Уже через час после возвращения в теплые корпуса пришли ребята. К этому времени мы быстро накинули покрывала на постели, сбросили все рабочие материалы в один большой шкаф и переоделись.

Несмотря на полноту, Ванда выглядела весьма гармонично. Малинового цвета платье до колена и золотая подвеска подчеркивали эту гармонию. Я надела легкое голубое платье с летящей юбкой и тонкими бретельками. Волосы распустила и немного накрашила губы розовой помадой. Не сказать, чтобы я очень уж старалась выглядеть безупречно, но произвести впечатление всё-таки хотелось.

За два дня я едва ли успела узнать имена всех. Много времени мы проводили на мастер-классах, так что вечером не оставалось ничего, кроме как уткнуться в подушку и получить порцию здорового сна.

Поначалу всем было неловко, но вскоре в комнату влетел Пэрри. Ему было уже 22 года, он заканчивал колледж на экономиста, но почему-то оказался здесь. Пэрри, кажется, был определённно уверен в том, что должен быть именно в этом месте и именно в это время. Среди нас, выпускников школ, он чувствовал себя словно рыба в воде. Мы тоже были не против такого знакомства.

– Народ, всем привет! – он ехидно улыбнулся и достал из-за спины две бутылки вина.
– Пэрри! – радостно заголосила Ванда. – Где ты это достал?
– А вот... Места надо знать, – держа в зубах штопор, говорил он.
– Но нас могут поймать, – раздался откуда-то тихий скромный голосок.
– Не дрейфь, чувак! Всё будет чики-пуки. В конце концов, с вами Пэрри! – и он торжественно развел руками, улыбнулся и приподнял брови.

Спустя время мы уже сидели в кругу на полу. Пили красное вино и играли в бутылочку.

– А я вам что говорил? Ничто так не сближает, как поцелуй с красивой девушкой, – Пэрри потянулся к Ванде и поцеловал – она выпала ему в игре.

Все смеялись и болтали. Уже не было той неловкости, с которой люди вошли сюда час назад. Бутылочка снова начала вращаться. И бум! Она остановилась на мне.

– Барабанная дробь, товарищи, – Пэрри вскочил с пола.

– Мишель, твой выход, – подмигнула мне Ванда.

– Наши голубки, наконец, сделают это... – не успокаивался Пэрри. – А хотя, знаете, ребята, усложним-ка мы им задачу... Вы должны провести минуту наедине друг с другом в ванной, – он указал на дверь и хитро улыбнулся.

Мы с Адамом переглянулись и оба смущенно улыбнулись.

– Ну давайте, давайте! – кричала Ванда.

– Вперед в комнату любви! – поддерживал её Пэрри.

«Да уж, эти двое друг друга стоят...»

Делать было нечего. Мы встали и вошли в ванную.

А теперь отмотаем время на час назад.

В девять пятнадцать к нам вошли гости. Несколько парней и девушек. Они смущенно оглядывались по сторонам, ища место, куда можно присесть и немного расслабиться. Атмосфера была немного напряжена, потому что никто из нас толком не знал друг друга.

– Привет, – ко мне подошёл невысокий блондин в очках. Он по-доброму посмотрел на меня своими светло-зелеными глазами. – Я Адам, – парень протянул руку.

– Мишель, – не долго думая, ответила я и пожала его теплую ладонь.

– Мне немного неловко было сейчас это сделать. Ну, ты понимаешь, новое место, новые люди...

– Я понимаю, – перебила я его.

– Теперь мы как два отщепенца обязаны присесть где-нибудь в углу, – улыбнулся он.

– Несомненно.

Так началось наше знакомство.

Всё оставшееся время я говорила только с ним. Мне даже на секунду показалось, что мы одни в этой комнате. Сначала расспрашивали друг друга о школе, занятиях режиссурой и планах на будущее. Потом Адам начал рассказывать анекдоты, которые слышал от бабушки. Удивительно, но этот странный паренек мне понравился. Он постоянно подергивал мочку уха или чертил пальцами буквы на штанине, поправлял очки и рассказывал бабушкины анекдоты, а я смеялась. Было просто хорошо. Тепло и уютно с этим человеком. Мы были знакомы всего час, но я уже понимала, что это мой человек. Человек, с которым комфортно. Как с Алексом, Одри или Аланом.

Оказалось, что живет Адам в трех кварталах от меня, заканчивает старшую школу и планирует уезжать в Европу. Почему, он так и не сказал. Но я думаю, Адам просто нашел хороший колледж и не хочет афишировать это до того, пока не поступит. А я уверена, он поступит. Он очень умный.

Бутылочка крутилась, но до нас очередь волшебным образом ещё не дошла, и ни разу бутылка не указала ни на меня, ни на Адама. И я была этому рада, хотя в другой ситуации мне возможно стало бы обидно. Ведь, скажите вы, веселье проходит мимо. Но это был один из самых лучших дней за последние недели. Я искренне наслаждалась обстановкой, смехом, окружавшим меня, дурманящим ароматом вина и общением с милым парнем с ямочками на щеках и пристальным, но немного смущенным взглядом зеленых глаз. Я смотрела в них как в зеркало. Не мешали даже его очки. Вообще, они очень ему шли. Как часть образа. Как часть его самого.

«Он скоро уедет, а я останусь здесь. Есть ли смысл питать надежды? Стоп-стоп-стоп. Брэй, о чём ты думаешь? Вы только познакомились. Просто расслабься. Просто расслабься...»

– Наверное, он был лучшим режиссером своего времени, – Адам увлеченно рассказывал, а я молчаливо слушала, навалившись на спинку кровати.

– Ты просто энциклопедия ходячая, – засмеялась я.

– Ты милая, Мишель, – Адам улыбнулся и заставил меня покраснеть. – Наверное, ты думаешь, что я ужасно скучный... – он замялся и начал поправлять очки.

– Нисколько! – живо ответила я. – Кстати... Спасибо... Ну, за то, что милой назвал, – я говорила отрывисто и быстро. Такие ситуации всегда казались мне неловкими, хотя и

до сумасшествия милыми. В кино герои уж очень смелые, когда дело касается общения с противоположным полом, а я даже на комплимент толком ответить не могу.

«Ну вот, Брэй, ты снова несёшь какой-то бред...»

Адам улыбнулся, опустил глаза и начал чертить что-то пальцем на штанине темно-синих джинсов. Воцарилось неловкое молчание.

– А расскажи мне о Греции? – я резко сменила тему. – Ты, кажется, говорил, что был там с бабушкой?

– Да, это было несколько лет назад...

– Барабанная дробь, товарищи – раздался голос Пэрри...

Дверь в ванную хлопнула. Щелкнул выключатель. Мы остались наедине в темной ванной среди холодного, мрачного кафеля.

– Мы будем держать дверь, так что не пытайтесь сбежать, – послышался из комнаты глухой голос Ванды.

Когда через несколько секунд зрение частично вернулось к нам и мы стали различать очертания друг друга, Адам сказал:

– Ведь дурацкая игра?

– Не знаю, а мне даже нравится, – возразила я.

– Мы с тобой и без всяких бутылочек прекрасно пообщались.

– Что верно, то верно, – ответила я.

– Только я забыл одну важную вещь.

– Ты оставил что-то в комнате? Давай я скажу Ванде, и она откроет...

Я не успела закончить фразу, потому что почувствовала прикосновение губ Адама.

– Вот, что я забыл, – сказал он.

Я ничего не ответила. Не знаю, почему, но у меня не было желания броситься ему на шею или продолжить поцелуй. Нет-нет, поцелуй и правда был приятным, но в животе не вспорхнули бабочки, внутренности не перевернулись. Всё было как-то не так.

Адам смотрел на меня вопрошающе. Проведя некоторое время в темноте, я уже прекрасно могла рассмотреть его лицо во всех деталях. Оно отражало одновременно и сомнение, и удивление, и непонимание.

Дверь распахнулась.

– И... – Пэрри посмотрел на часы. – Шестьдесят! Ровно шестьдесят секунд, товарищи! Надеюсь, вы успели сделать там что-то полезное, – ехидно подмигнул он.

Глава 24

На следующий день снова начались занятия. Снова подъем в семь утра, завтрак, уроки, практика и экскурсия. В этот раз мы поехали в центр города на большом двухэтажном автобусе. Январский ветер задувал в лицо, пальцы на руках сковывал легкий морозец. Всей нашей компанией в двадцать человек мы сидели на верхнем открытом этаже большого транспортного средства, осматривали ярко освещенные вечерние улицы, а преподавательница с помощью громкоговорителя рассказывала нам интересные факты. Вообще, интересные они были только для неё. Нам с Вандой и дела не было до того, что она говорит. Мы делали снимки, смеялись и болтали без умолку. Было и правда весело. Я чувствовала себя героиней фильма – обмотав вокруг шеи бордовый вязаный шарф и нацепив кашемировые перчатки, я полной грудью вдыхала задымленный выхлопами воздух большого города. Города, кипящего жизнью. Я не думала, что всего четыре дня наедине с природой заставят меня так сильно скучать по бессонным, ярким и многолюдным улицам.

Но было в этой поездке и что-то неловкое. После вчерашнего поцелуя в ванной с Адамом, внутри был какой-то неприятный осадок. Я не хотела потерять этого совсем недавно обретенного человека, но и влюблённости не чувствовала. Это скорее были дружеские чувства. И я не знала, как поговорить об этом с Адамом, потому что вчера после того поцелуя мы разошлись по разным углам и больше уже не разговаривали. Сейчас этот милый зеленоглазый блондин сидел напротив меня и о чём-то оживлённо беседовал с Пэрри. Иногда мы встречались взглядами, но тут же отворачивались и продолжали общаться со своими собеседниками.

Когда наш автобус остановился, на улице совсем стемнело, и вся центральная площадь была залита светом желтых фонарей. Ванда выбежала первая – уж очень она спешила купить себе хот-дог. Когда я выходила из дверей автобуса, нога моя соскользнула, и я чуть не упала лицом в снег. Мне повезло – меня поймал идущий впереди Адам.

– Будь аккуратнее. Нельзя допустить, чтобы такое милое личико оказалось в снегу.

– Спасибо, Адам, – ответила я. – Какая же я всё-таки неуклюжая.

– Ничего страшного. Хочешь, я пойду с тобой? Буду твоим защитником от падений.

– Это было бы просто отлично! – весело ответила я.

Мы пошли по каменным тропинкам, кое-где покрытым льдом и усыпанным белоснежными осадками. От фонаря к фонарю были протянуты разноцветные гирлянды, вдалеке люди катались на коньках, а слева на площади играли музыканты – парень на

скрипке и девушка на синтезаторе. Всё это выглядело как сказка. Красивая, удивительная сказка.

– Адам, я хотела извиниться за вчерашнее...

– А за что извиняться? Мы оба хороши. Всё-таки вино и приятная компания иногда заставляют творить странные вещи.

– То есть этот поцелуй ничего не значил?

– А ты бы хотела, чтобы он что-то он значил?

– Пожалуй, нет. Ты мне и правда нравишься и я многое отдам за такого друга как ты... Но боюсь, что для тебя поцелуй значил что-то большее.

– На самом деле, ты отчасти права. Ты сразу мне понравилась, я хотел тебя поцеловать весь вечер, но стеснялся. В ванной было темно, никто нас не видел, поэтому я решился. Но, по-моему, – смеясь, добавил он, – мы с тобой, как ты уже и сказала, можем быть только друзьями.

– Да-да! Причём, отличными друзьями, – поддержала его я. – Кстати, целуешься ты не очень, – засмеялась я. Адам толкнул меня в плечо, и мы, счастливые от того ли, что решили все недомолвки, или от того, что нас ждал прекрасный вечерний город, отправились на каток.

Дальше началось безудержное веселье. Мы каждый день ходили с Вандой, Адамом и Пэрри в город. Точнее – сбегали. Наша преподавательница больше не возила нас на экскурсии, поэтому в шесть вечера мы были свободны как птицы. С Адамом мы сдружились ещё сильнее. Хоть Пэрри и Ванда на пару мучали нас тем, что на каждом углу кричали о наших якобы романтических отношениях, ни я, ни Адам не реагировали на это серьезно. Случай с поцелуем потихоньку забылся, остались только дружеские подколы и шутки. С Адамом я могла быть самой собой, хотя мы и были знакомы всего неделю. В таких местах, как лагерь, время идет совсем по-другому. Здесь можно обрести лучшего друга за неделю, и прожить целую жизнь за месяц.

С мистером Джонсоном я тоже быстро сдружилась. От угрожающего «юная леди» мы перешли к по-отечески доброму «милая Мишель». Говард чем-то напоминал мне мисс Уоррен, только мужского пола, а ещё крайне строгий и требовательный. Но в голове моей всё равно крутилась мысль о том, что они были бы просто взрывной парочкой. Ровным счётом, как и Ванда с Пэрри. Хотя эти ребята почему-то не спешили покидать зону комфорта и переходить к чему-то более серьезному, нежели дружеские толчки, насмешки и постоянные приколы над преподавателями. Два сапога – пара. Только в нашем случае,

ещё не совсем пара. Да, я люблю отвлекаться, но потерпите ещё немного. Мою голову переполняют мысли, а пальцы пишут не настолько быстро, чтобы всё успеть. Итак, вернемся к Говарду Джонсону. Очень интересный человек с очень грустной историей. А что же я вас всё мучаю догадками? Сейчас я вам эту историю и поведаю.

Тридцать пять лет назад, пятнадцатого февраля, в одном из детских домов маленького городка на севере Англии появился новый житель. Малыша назвали Говардом. Фамилию он получил такую же, какую носила добрая часть жителей этого заведения, – Джонсон.

Как выяснил Говард чуть позже, в приюте все ограничивалось строгими законами, придуманными еще давно директрисой Жаклин Джонсон. Она не могла иметь детей и за свою непродолжительную жизнь (всего сорок семь лет) не нашла себе ни мужа, ни какой-либо цели, кроме как собрать под крышей своего домика подкидышей и воспитать их по всем законам высшего общества.

Строгости ей было не занимать. Хотя, как утверждала сама Жаклин, без серьезных правил дети не смогут стать полноценными членами общества. Во многом эти самые ограничения повлияли на характер Говарда. Как ни старался он идти наперекор мисс Джонсон, она в каждом споре, в каждой его маленькой шалости одерживала беспрекословную победу. Тем не менее, Говард всегда был очень умным мальчиком, чем заслужил благосклонность директрисы, и благодаря чему стал ее любимчиком.

Ранний подъем, идеально выглаженная форма, завтрак по всем правилам: вилка для салата, нож для мяса, ложка для каши, вилка для мяса, ложка для пудинга, стакан для сока, стакан для воды, тарелка для салата, блюдец для десерта... Незнающего человека вся эта ежедневная для Говарда рутина скорее испугала бы или повергла бы в шок. Но перфекционизм глубоко засел в Джонсонах. Его Жаклин и её работницы прививали ребятам с детства. Как прививали и серьезность, строгость, работоспособность и преданность делу.

У Говарда никогда не было настоящих друзей, не было жены. Да что уж там жены. Он и не влюблялся никогда по-настоящему. Всю свою жизнь он только и делал, что учился, работал, стремился к идеалу. Но, прогорев со своей мечтой – стать величайшим голливудским режиссером, он пошел по пути более простому и незамысловатому. Стал учителем. Сначала в одной английской гимназии, с первого взгляда напоминавшему его родной приют, который он покинул несколько лет назад. Он идеально вписывался в ту атмосферу холодности и перфекционизма. Но однажды утром в его голове будто бы произошел какой-то сбой. Он собрал чемодан, купил билет на самолет и бросил Англию навсегда. Что двигало им в тот момент? Пожалуй, желание жить.

Сменив место обитания, Говард сменил и ориентиры. Единственное, он все так же остался учителем. Но теперь в нем появилась какая-то особая страсть, привязанность и даже любовь к своей профессии. Он научился жить, только вот был все так же одинок. Ни друзей, ни семьи.

Говард Джонсон хороший человек. Ему только нужно немного любви. Ему нужно немного тепла. Странно – вот так смотреть и понимать: ты знаешь, что нужно этому человеку, но не можешь ему этого дать. Ты не должен вмешиваться в его жизнь, даже если очень этого хочешь. Вот такого мистера Джонсона я узнала чуть позже. А пока что я наслаждалась каждой секундой проведенной в лагере, и как губка впитывала каждый ценный совет (а их было очень много, чему я несказанно рада), полученный от мистера Джонсона.

В один прекрасный, довольно тёплый для зимы день мы с ребятами сидели в баре. Я, такой же немного скромный и вечно поправляющий очки Адам, хохотушка Ванда и уже изрядно подвыпивший Пэрри.

– Слушайте, а классно, что мы все здесь, – говорила я. – Дома столько проблем, а здесь будто бы другая, свободная жизнь.

– А блондиночка права, – поддерживал Пэрри. – За это надо выпить, – он поднял бокал.

– Успокойся уже, алконавт, – пихнула его в плечо Ванда.

– Кудряшка, ну не злись, – он провел рукой по её закрученным волосам.

– Эй, руки убери, – грубо ответила она и убрала его ладонь.

– Пэрри, ну хватит уже, правда. Может, пора завязывать? – спросил его Адам. Он сидел рядом со мной и потягивал виски. Но несмотря на это, в отличие от Пэрри, он был в здравом уме.

– Да не кипишуй ты, всё будет чики-пуки! – произнес свою пьяную тираду собеседник.

– Я отойду ненадолго, ребята, – Ванда встала из-за стола. – Не скучайте тут без меня, – она подмигнула нам.

Спустя пару минут из-за стола встал и Пэрри.

– Пожалуй... – заикаясь, говорил он. – Пожалуй, надо проветриться... Я сейчас... – и он ушел в сторону туалета.

Я осталась наедине с Адамом, но меня это несколько не смущало. Наоборот, без Ванды и Пэрри мы могли полностью расслабиться и поговорить по душам. Мы и правда ценили их компанию: веселые, смелые, жизнерадостные, они делали и нас такими же. Но

не всегда можно было справиться с двумя такими жесткими и упертыми людьми. Уж если они объединялись, то всем приходилось несладко. И вот, пока мы обсуждали, чем займемся, когда вернемся в город, в туалете бара происходило нечто такое, чего мы никак не ожидали.

Уборные в баре выглядели как отдельные комнатки. Не было разделения на женские и мужские. Поэтому когда Ванда помыла руки и открыла дверь, она встретила Пэрри. Народу сегодня было немного, поэтому никого кроме них в коридорчике перед туалетом не было.

– Кудряшка! – заголосил Пэрри. – Это же ты!

– Разреши пройти, мой милый пьяный друг, – весело, но с ноткой раздражения ответила Ванда.

– Ну что ты так... Не уходи... – он уперся рукой в дверной косяк и закрыл проход.

– Пэрри, выпусти меня. Это уже не смешно.

– Ох, Ванда, какая же ты злюка. Давай я тебя успокою, – он силой втолкнул её обратно в комнатку и захлопнул дверь.

– Пэрри, да что с тобой?! Пусти меня! Сейчас же пусти!

– Да не дёргайся ты, – грубо отвечал Пэрри, пытаясь удержать вырывающуюся девушку и расстегнуть пуговицы на её платье.

– Ты перепил и сошёл с ума! Убери свои руки! Пэрри, черт возьми!

– Да где они там? Провалились что ли?

– Да ладно тебе. зуб даю, эта «сладкая парочка» мурлычет где-нибудь в коридоре, – сделав очередной глоток, сказал Адам.

– А вдруг Пэрри стало плохо? Ты же сам видел, сколько он выпил. Ну нет, пойду-ка я всё же проверю, как они там.

Подойдя к туалету, я не увидела ровным счетом ничего, кроме закрытой двери, за которой были слышны крики Ванды. Я подергала за ручку, но дверь не поддавалась.

– Ванда? Ванда, что с тобой? – я начала судорожно стучать.

– Убери свои руки, козёл! – глухо послышалось из туалета.

– Чёрт... – я рванула обратно за столик. – Алекс, к Ванде кто-то пристает в туалете.

Нужно вытащить её! Срочно!

Алекс побежал к двери, а я сказала обо всем администратору. Тот, не долго думая, вызвал полицию. К нашей радости, они были совсем неподалеку, и уже через пять минут приехали в бар.

Всё это время мы пытались докричаться до Ванды и того, кто был с ней в комнате. Но в ответ слышали лишь её крики и удары об стену.

– Ломайте дверь!

– Но мы не можем! Это слишком убыточно для заведения! Вы хоть знаете, сколько она стоит?

– А вы хоть знаете, что там девушку хотят изнасиловать?!

Администратор пытался открыть дверь, но Пэрри держал её изнутри. Он был достаточно силен в сравнении со всеми нами.

– Разрешите пройти, полиция, – к нам быстро пробрался высокий мускулистый мужчина в форме. – Немедленно откройте, это полиция!

За дверью послышался сильный удар. Затем наступила тишина. Сотрудник полиции распахнул дверь. Опустившись на корточки и закрыв рот руками, в слезах сидела Ванда. Пэрри лежал напротив неё, держась за голову, и тяжело дышал – она оттолкнула его, и он ударился о раковину.

– Боже мой, Ванда... – тихо сказала я.

– Молодой человек, вы арестованы за попытку совершения изнасилования, – полицейский скрутил ему руки и повел прочь из бара.

Глава 25

На следующий день лагерь закончил свою работу. Разразился большой скандал из-за того, что случилось вчера в баре. Почему это произошло, никто так и не понял. Пэрри всегда был нам другом, и я и подумать не могла, что он способен на нечто подобное. Ванда плакала всю ночь, так что я даже не поспала. С Адамом мы обменялись контактами и договорились встретиться в городе. На утро папа и мама забрали меня домой.

Они понимали: не будь мы такими непослушными, ничего подобного бы не случилось. Мне было стыдно. За то, что в который раз не оправдала ожидания родителей. За то, что поддержала идею очередного побега. Хотя, на самом деле, вряд ли в этом была моя вина. Что-то странное случилось с Пэрри, и ни я, ни Адам, ни даже Ванда не смогли бы этого изменить.

– Мишель, – начала мама. Мы ехали в машине по заснеженным дорогам. – Мы предупреждали тебя, что если что-то пойдет не так, тебе придется соблюдать наши правила. Мало того, что мы простили тебя за ложь про работу, так мы ещё и разрешили тебе ехать в этот лагерь, но ты и тут умудрилась что-то натворить...

– Мам, но я не виновата... – неуверенно возразила я.

– Мишель, не важно, кто виноват. Ты замешана в этой жуткой истории. Ты, а не кто-то другой. Почему ты общалась с этим парнем? Ведь он мог и к тебе начать приставать.

– Мам, Пэрри хороший... Ну, то есть он был хорошим. Я не вру. Это правда. И я понятия не имею, что с ним случилось вчера... Если бы я только знала, да я бы никогда...

– Что никогда? – заговорил папа. – Никогда бы не стала с ним общаться? Мишель, а если бы ты знала, что твоя сестра сбежит из дома, ты бы не стала с ней ругаться? А если бы знала, что мы узнаем о твоём вранье про «Форджес»? Тоже бы не стала?

– Пап, ну не надо. Прости меня, пожалуйста. Пап...

– Рон, не будь таким жестким.

Папа сделал глубокий вдох.

– Вот что, Мишель. Я понимаю, ты уже взрослая, – мягко заговорил он. – И мы с мамой желаем тебе только лучшего. Но мы очень и очень переживаем за тебя. Как ты этого не понимаешь?

– Я понимаю, пап...

– Дорогая, – поддержала его мама, – мы не запретим тебе ходить в «Форджес» и общаться с теми, с кем ты хочешь. Но впредь ты должна быть осторожнее. Если ты хочешь быть взрослой, ты должна вести себя как взрослая.

– Простите меня ещё раз. Да, я была очень глупой. Но я обещаю, что не буду больше влезать в дурацкие истории...

– Не будет она, – папа посмеялся. – Тебе семнадцать и влезать в глупые истории ты ещё будешь. Уж поверь мне.

– Рон, – мама улыбнулась.

– Научись находить из них выход. Вот что главное, – продекламировал папа, и мы въехали в город.

– Научусь, пап, я правда, научусь... – я была рада от того, что родители не посадили меня под домашний арест, не запретили работать и общаться с друзьями. В тот день я поняла, что у меня самые лучшие на свете мама и папа. И больше я не хотела их подводить. Никогда.

Следующую неделю я работала над новым проектом. Пенная вечеринка с живой музыкой – так он назывался. Это был огромный, но безумно интересный проект, который нас пригласили организовать в ресторане «Нью Тайм». С Алексом мы общались всё так же. Он много времени проводил с Эшли, а я утонула в подготовке пенной вечеринки. Виделись мы только в школе. Иногда вместе сидели за партой, делали совместные проекты, обсуждали уроки и Джей. Алекс сказал, что видел её на днях. Она даже не поздоровалась. Ходит гордая, задрал голову. Ну и ладно, мне и дела нет до неё.

Однообразные рабочие будни скрашивали постоянные встречи с Адамом. Мы нашли друг друга в Интернете, списались и теперь каждый день ходили в сквер, кино или кафе. Однажды я даже привела его в «Лорен Хаус». Место, в которое кроме Алекса и Джей, ни с кем не ходила.

Часами напролёт мы болтали обо всём на свете. На секунду мне даже показалось, что теперь Адам – новый Алекс. Ведь сейчас именно он был рядом. Но я знала, что совсем скоро Адам уедет, и ничего этого не изменит. Я часто спрашивала, почему он собирается уезжать, но он всегда отшучивался или переводил тему.

Как-то раз я вышла в магазин – Деб попросила купить несколько образцов материала для костюмов. Наш офис находился в самом центре города, и обычно я не встречала никого из знакомых, кроме тех, кто там работали. Но в этот раз, уже по пути обратно в агентство, я мельком увидела Адама. Он куда-то спешил. В одной руке у него был большой пакет с продуктами, а в другой – кукла Барби.

Я и не планировала за ним следить, но так получилось, что шли мы с ним в одну сторону, но на приличном расстоянии. Кричать я не стала, а догонять не было возможности и сил – я была на высоких каблуках.

Пройдя ещё несколько десятков метров, мой новый друг свернул и скрылся за большими стеклянными дверями. То были двери центральной городской больницы.

Глава 26

Через пару дней после случайной встречи мы снова гуляли с Адамом. Сидели в парке на деревянной лавочке с резными перилами и протягивали горячий кофе – так мы пытались согреть себя в морозный февральский день. Но несмотря на дикий холод, людей на улице были толпы. Они спешили туда, где тепло. Но согреет ли это тепло их души и сердца?

Я хотела спросить своего друга про поход в больницу, но чувствовала: за этим кроется секрет, который он вряд ли хочет раскрывать. С другой стороны, почему бы ему не поделиться своими переживаниями? Помощь друзей никогда не бывает лишней. Как бы то ни было, я решила рискнуть.

– В этом красном берете ты вылитая красная шапочка в изображении футуристов, – говорил Адам. – Теперь обязательно напишу сценарий по этой сказке и не отступлюсь, пока его не примут в театре, а тебя не назначат актрисой на главную роль.

– Безусловно, – захохотала я. – Адам... – добавила я через несколько секунд, когда порыв смеха уже был позади. – Не пойми меня неправильно, но я не успокоюсь, пока не узнаю.

Лицо Адама стало серьезным.

– Позавчера я видела, как ты зашёл в больницу с куклой и пакетом продуктов. У тебя все в порядке? Я очень переживала все это время, но боялась, что мои вопросы расстроят или обидят тебя...

– Мишель, – он смотрел в даль и держал в своей теплой руке мою замерзшую ладонь. – Это сложно...

– Ну а ты попробуй упростить. Я обещаю, что все пойму. Ты мой друг, и я приму любой твой секрет как должное.

– Я не уверен, стоит ли... – неуверенно продолжал он. – Не хочу забивать тебе голову.

– Адам, ну не мучай ты меня... Я места себе не нахожу. Ты, больница, кукла Барби... К кому ты ходил, Адам?

Вместо ответа он сжал мою руку, встал с лавочки и повел меня в сторону клиники. Идти здесь было минут пять. Всю дорогу мы молчали. Слушали уже не друг друга, а нескончаемый шум города: болтовню людей, ожидающих, пока загорится заветный зелёный свет, выкрики уличных торговцев, предлагающих купить очередную бесполезную вещицу, сигналы машин и ругань бунтующих в пробке таксистов.

И вот, мы оказались в теплом холле больницы. Белые стены, металлические скамьи, десятки больных с унылыми лицами и вечно спешащие люди в белых халатах вызывали у

меня отторжение и неприятие. В больницах всегда трудно быть счастливым. Это практически невозможно. Но несмотря на это, сегодня я здесь. По одной простой причине – узнать, что так мучает и одновременно занимает все мысли того, кто привел меня сюда.

– Адам Бенсон. Навестить Шерил, – сказал Адам медсестре за стойкой в центре холла.

– Сегодня вы не один, – улыбнулась в ответ девушка. – Шерил будет рада гостям, – добавила она, протягивая два пропуска.

Мы поднялись на пятый этаж больницы и пошли по казавшемуся бесконечным коридору. Прошли первую, вторую, третью дверь. Но все это было не то. В один момент Адам замедлил шаг и остановился возле палаты под номером 515.

– Это здесь, – тихо сказал он и отворил дверь.

– Адам! – восторженно сказала сидевшая на кровати девочка. Увидев меня, она перестала улыбаться, подогнула колени и уткнулись в них подбородком, сжимая игрушку в руке.

– Знакомься, моя сестра Шерил. Мой маленький человек дождя.

Я навалилась плечом на стену, скрестила руки и сказала:

– Так вот в чем причина твоего отъезда... Адам, она чудо, – помолчав, чуть слышно добавила я.

С кровати на меня испуганно и удивлённо смотрела девочка в розовой пижаме со слониками и куклой Барби в руке. Той самой куклой, которую пару дней назад ей подарил Адам. Шерил было четырнадцать лет, но развитие ее остановилось примерно на уровне семилетнего ребенка. Выглядела она тоже совсем малышкой. Худенькое, хрупкое создание. Она была человеком дождя, как сказал Адам. Его собственным, белокурым, веснушчатым человеком дождя.

Тридцать минут она молчала, а Адам мягко рассказывал ей, что я хорошая и меня не стоит бояться.

– Привет, я Шерил. Ты любишь Барби? – внезапно ответил маленький человечек и протянул мне такую же маленькую ручку.

– Привет, Шерил. Не поверишь, я их просто обожаю! – ответила я и пожала крошечную ладошку.

– Я люблю только светловолосых кукол. Таких же как я и ты.

– Могу я посмотреть твою чудесную Барби?

Шерил отдернула руку, спрятала куклу под подушку и снова упёрлась подбородком в согнутые колени.

– Единственное, что ей никогда не надоедает, – куклы, – пояснил Адам. – Шерил готова играть с ними часами. Но она почти никому не разрешает брать их. Говорит, кукла – это как имя или голос. То, что у тебя никто не вправе забрать.

У Шерил еще в раннем детстве диагностировали аутизм. Но отличается она от других людей не только тем, что в четырнадцать думает, как семилетний ребенок. Она искренняя, честная. Она настоящая. Со своими тараканами в голове, с особым видением мира и огромной коллекцией кукол-блондинок.

Сейчас Шерил была в лечебнице, потому что в прошлом месяце она чуть не выпала из окна, пытаясь спасти вылетевшую куклу по имени Паулина. Родители очень переживали, но не могли находиться возле нее круглосуточно. Было решено, что в больнице Шерил будет лучше. Несколько недель она поживет под присмотром санитаров, а потом все семейство Бенсонов переберется в Европу.

– Самолёт через неделю, – сказал Алекс, когда мы вышли из палаты. – Папа снял дом в Италии. Говорит, там есть специальная международная школа для детей-аутистов.

– Адам, – я обняла его за плечи и добавила: – Я буду невыносимо скучать.

– Я тоже, Мишель, – он гладил меня по волосам и крепко прижимал к себе. – Не натвори тут ничего без меня, – шутливо произнес он.

Я нежно поцеловала его в щеку.

– Завтра я приду сюда снова и подарю Шерил свою любимую куклу – мою лучшую подругу с первого класса, её зовут Розамунд.

– Уверен, она будет счастлива как никогда.

Я услышала звук телефона. Звонила Дебби. Я взглянул на экран и, готовясь нажать кнопку подтверждения, сказала:

– Ещё увидимся, Адам Бенсон.

Взяв трубку, я услышала знакомый властный и резкий голос. Но в этот момент мне было совершенно все равно, что говорит Деб. Я думала только о тайне, которая мне только что открылась. И я отнюдь не была счастлива тому, что узнала. Вся эта больничная история поставила меня в тупик. Я не знала, как реагировать, что говорить и нужно ли вообще что-то говорить.

На следующее утро я первым делом открыла толстый, исписанный дневник.

11 февраля. Мой милый человек дождя.

Вчера я познакомилась с сестрой Адама. Её зовут Шерил, у нее аутизм, и до вчерашнего дня я не подозревала о её существовании. Общаться с ней было и правда

трудно, но это и придало нашему разговору особую прелесть. А может, вовсе и не прелесть.

Я рыдала всю ночь. То ли от того, что Шерил больна, и я никак не могу ей помочь, то ли от того, что Адам навсегда уезжает в Европу, и теперь наше общение ограничится социальными сетями.

18 февраля. Мой милый человек дождя. Часть вторая.

Всю прошлую неделю после школы я заезжала в больницу к Шерил с шоколадом, апельсинами и дисками с мультфильмами. Мы подружались за несколько дней. Шерил такой же невероятный человек, как и ее брат. Она безудержно танцует под диско, строит города в своём воображении, рисует потрясающие комиксы... И это ее вы называете человеком с ограниченными умственными возможностями? Да её возможности безграничны, потому что она не видит рамок и условностей.

Сегодня Бенсоны улетают в Италию. У меня такое ощущение, что улетает частичка меня. Очень важная частичка, которую я обрела совсем недавно.

Нашедшая и потерявшая часть себя

Мишель Д. Брэй

Глава 27

– Дорогая моя, – я крепко сжала Шерил в объятиях. По моим щекам катились слёзы. – Не переставай быть такой чудесной, я тебя прошу, – я погладила малышку по голове и поцеловала в лоб.

Шумел Аэропорт. Мы прощались. Сзади с чемоданами стояли родители Адама и Шерил. Я подошла к Адаму и положила ему в руку цепочку с маленькой подвеской в форме кусочка пазла.

– Не забывай меня, Бенсон, – улыбнулась я.

– У тебя нос красный, как свёкла, – захохотал он и ткнул пальцем в мой порозовевший от рыданий нос.

Я улыбнулась в ответ, по-дружески ударила его кулаком в плечо и начала плакать и смеяться одновременно.

– Иди сюда, нытик ты мой, – ласково сказал Адам и прижал меня к себе.

– Пиши почаще, – уткнувшись лицом в его мягкий синий джемпер, пробурчала я.

– Обязательно. Ну а ты меня не забывай, – он посмотрел мне в глаза и вытер с щеки слезы. – Ну всё, Брэй. Возьми себя в руки. В конце концов, мы же не навсегда прощаемся. Я ещё обязательно вернусь к тебе. Ну или ты ко мне в Италию приезжай, – с улыбкой говорил он.

– Я бы с радостью, но вряд ли родители одобряют поездку в Италию, и уж тем более вряд ли оплатят...

– Ты же у нас работяга! Заработай и лети! Навстречу мечте! Ну или... Хотя бы навстречу мне, – засмеялся он.

– Мечты мечтами... Но ты главное пиши. Я буду ждать, – закончила наш разговор я. В этот момент неприятный, еле слышный голос из колонки произнес название рейса, и Бенсоны, подхватив чемоданы, рванули к посадочной полосе.

Выйдя из огромного стеклянного здания аэропорта, я поймала такси и поехала домой. Но я ещё не знала, что мне предстоит увидеть.

Алекс, после заключения перемирия, не знал, как общаться с Мишель. У него теперь была Эшли – ещё одна забота. А иногда и заноза. Но расставаться с ней он не спешил. Несмотря на всю наигранность своего образа в школе, наедине с Алексом она была адекватной и очень даже приятной девушкой. По крайней мере, так казалось Алексу. Их отношения развивались не так стремительно, как планировала Эшли. Алекс

не спешил переходить к чему-то серьезному. Сначала его спутница крайне удивилась такому поведению. Она всегда считала, что чем быстрее девушка разрешит парню перейти некоторые границы дозволенного, тем крепче будет его привязанность. Но Алекс считал в точности до наоборот. И это делало его невероятной находкой для любой девушки. Но нашла его почему-то Эшли. Не самая целомудренная и правильная дама.

Сегодня был обычный день отношений этой необычной пары. Признаться честно, я всякий раз тянулась за тошнотным пакетиком, когда видела, как они целуются в коридорах. Ну не укладывается у меня это в голове. Я была благодарно судьбе за то, что последние дни провела не в окружении моего старого-нового друга и его подружки.

Так вот. Вернёмся к сегодняшнему вечеру. К вечеру, когда всё изменилось. Из такси я вышла за три остановки до своего дома – хотелось подышать свежим воздухом и посмотреть на уже видневшиеся на темно-синем небе звезды. Зимними вечерами я любила считать звезды. Это успокаивало и занимало голову, когда думать о серьезном совсем не хотелось.

А Алекс только возвращался из школы – задержался в театре. Теперь он заведует технической частью театрального кружка, а мисс Уоррен на днях как раз затеяла новую постановку.

В наушниках у него играла любимая песня, и несмотря на такое позднее возвращение и дикую усталость, на душе у Алекса было хорошо. После школы он собирался встретиться с Эшли – уже купил два билета в кино и приготовил деньги на прекрасный букет.

Дом Алекса находился в трех домах от дома Эддингтонов, поэтому нередко он встречал Джей по пути в школу или магазин. Сегодня, проходя мимо их участка, он обратил внимание на стоящую на обочине машину Эвана.

– Странно, что он не на очередной вечеринке, – подумал Алекс, ненароком глянул в стекло автомобиля и резко остановился. Он снял наушники и, оцепенев, уставился в окно машины. Там сидели двое: Эван Эддингтон и она. Эшли. Его Эшли. Они целовались.

– Чёрт, что за...? – стукнув в стекло, выкрикнул он. Голос эхом разошёлся по пустой улочке.

Эшли повернула голову. На её лице отразилось смущение, негодование и удивление. Дверь машины распахнулась.

– Алекс, дорогой, прости меня, пожалуйста! Я, честно, не знаю, что произошло! Ты же понимаешь, я хочу быть только с тобой!

Эван остался на сидении. Он запрокинул голову, уперся руками в кресло и ехидно улыбался, смотря на все происходящее.

– Что?! Не знаешь, как это произошло? – возмущенно продолжал Алекс. – Знаешь, Мориссон... Пошла ты... – он уже сделал шаг в сторону дома, как вдруг услышал голос Эвана.

– А что? Правильно ты поступил, – с расстановкой, иронично говорил он. – Всем же хочется попробовать на вкус губки Мориссон. Только зря ты с ней отношения построить пытался. Слишком уж ты хороший, Глоу, – Эван вышел из автомобиля и навалился на капот. – Надо было в постель её тащить, а не коктейлями молочными поить... Да ведь, Эшли?

– Отвали, придурок.

– Ой, посмотрите на неё... Десять минут назад ты совсем по-другому говорила... – засмеялся он.

– Слушай сюда, – Алекс подошел вплотную к машине. – Заткнись по-хорошему или...

– Или что? – с вызовом ответил Эван.

Алекс медленно выдохнул, опустил глаза в пол, а затем резко ударил Эддингтона кулаком прямо в нос.

– Эй, ты чё творишь, – схватившись за нос, прокричал Эван.

Эшли попятилась к дому и, прижав ладони к лицу, с ужасом смотрела на происходящее. Алекс скинул рюкзак, Эван вытер кровь с носа. Началась драка.

В это время я уже была совсем рядом. Через кусты я увидела движения, затем услышала визг Эшли. Я побежала к месту драки. На асфальте лежал Эван. Он стонал и держался за голову. Эшли судорожно набирала номер скорой. По её лицу текли крупные капли. Алекс стоял неподвижно, тяжело дышал и испуганно смотрел на землю и лежавшего на ней Эвана.

– Боже, Алекс, что здесь произошло? – выкрикнула я.

– Твой сумасшедший друг, – всхлипывая, говорила Эшли. Голос её срывался. – Он вырубил его. Вот, посмотри, что ты натворил!

– Алекс? – Я трясла его за плечи. – Алекс! Что ты сделал?!

– Она изменила мне, – еле слышно сказал он.

– Что?

– Эта тварь изменила мне, – резко крикнул Алекс. Я вздрогнула.

– Алекс, дорогой мой, всё хорошо... Успокойся, – я судорожно гладила его по рукам и смотрела в его глаза. Было заметно, что он ещё отходит от состояния аффекта. Не понимает, что натворил. Напуган, словно маленький ребенок, первый раз вышедший в большой мир.

Мы услышали сирену. К нам подъехали две машины: полиция и скорая помощь. Дальше всё было быстро, смутно и страшно. Эвана подняли, на носилках утащили в машину и увезли в больницу. Алексу надели наручники, заперли в большой машине с мигалкой. Оба автомобиля уехали так же быстро, как приехали. Эшли уехала на скорой вместе с медиками и Эваном. Я осталась одна. Наедине с собой, своим мыслями. Сумбурными мыслями. Только что я проводила друга в Италию, а другого – в тюрьму.

«Нет, нужно его спасти!»

Резко в моей голове заverteлись шестеренки, отвечающие за поиск выхода в чрезвычайных ситуациях. Я схватила рюкзак Алекса, который до сих пор лежал на снегу рядом с кровавым пятном и поспешила домой.

Я рассказала обо всём произошедшем папе. Алекс не виновен. Это было ясно как день. И папа понял. Я знала, что он поймет. Потому что он самый лучший папа на свете. После моего рассказа мы поехали в полицейский участок. Как же мне повезло, что мой папа – начальник полиции.

Алекс сидел за решеткой на жесткой деревянной скамье и ждал «казни».

– Выпустите его.

– Но сэр...

– Я сказал, выпускайте. Парень не виноват, – папа обернулся и посмотрел на меня. – Он защищал честь девушки. Иногда людям просто нужно врезать, чтобы восстановить справедливость.

«Клетка» открылась. Алекс вышел. Первое, что он сделал, – подошел ко мне и крепко обнял, уткнувшись лицом в мои волосы.

– Мишель... – сипло произнес он. – Ты лучшая подруга на свете...

Глава 28

Ну а дальше – дни полетели быстрее бумажного самолётика, который ветер несёт в неизвестную даль. С Алексом мы снова стали лучшими друзьями. Мы были ближе, чем когда-либо. В школу ездили вместе, слушали любимые песни, смеялись над глупыми шутками радиоведущих. Мы были чересчур счастливы для людей, которые пережили столько всего за последние полгода. Иногда мне казалось, это все выдумка. Мы настолько хорошо делали вид, что счастливы, что поверили в это сами. А может, так оно и было.

Я предпочитала не упоминать о драке, Эшли и тюрьме. Алекс, в свою очередь, не говорил о Ричи, побеге Сэм и случае в режиссерском лагере. Да, я ему рассказала. Рассказала все. Не могла держать это в себе. Несмотря на нашу ссору и прочие трудности, он все-таки оставался моим другом. Человеком, которому я могла довериться. Конечно, мы общались и с Адамом. Правда, только сообщениями. С тех он, как он уехал в Европу, прошло уже несколько дней, и я нуждалась в живой душе, а не в ежедневных приветах, напечатанных на бездушной машине и отправленных за несколько тысяч километров. Как бы я ни сблизилась с Адамом, он никогда и ни за что не заменит мне Алекса. Сколько лет, сколько историй, сколько тайн связывают нас.

Отец Алекса не разрешил ему никуда ходить, кроме школы. Таково было наказание за проступок. Но я смогла уговорить мистера Глоу на одно-единственное условие, которое дало моему другу глоток свободы. Теперь он ходил со мной в «Форджес». Моя стажировка с каждым днём становилась все труднее и серьезнее, от меня ожидали чего-то почти невозможного. Мне просто необходима была дружеская поддержка. К тому же, недавно Деб скинула на меня потрясающий и невероятно трудный проект – пенная вечеринка в новом клубе.

Первым делом я познакомила Алекса со всеми, кого так любила в «Форджес» и о ком могла часами рассказывать ему за обедом в «Лорен Хаус».

– Алан, знакомься, это Алекс.

– Тот самый Алекс, – Алан улыбнулся и протянул руку.

– Приятно ознакомиться, – сконфуженно ответил он и пожал руку своему собеседнику. – Что ты наговорила обо мне? – шепотом добавил он, обернувшись на меня.

– Не волнуйся, – улыбнулась я. – Только то, что ты чудесный друг, и что без тебя я бы пропала.

– Снимай пальто и вперёд смотреть наш офис, – оставив папки с бумагами на столе, сказал Алан. – Кстати, пальто очень стильное, – улыбнулся он, погладив отворот воротника.

Алекс удивлённо посмотрел на меня. Я многозначительно покачала головой и, не произнося ни звука, одними губами сказала два слова. Алекс все понял, улыбнулся, снял пальто и помчался за парнем в горчичного цвета платке на шее и, как всегда идеальных, бордовых брюках.

Что я сказала?

– Он гей.

Сама я об этом узнала почти сразу. Манеры Алана говорили гораздо больше, чем его слова. Но окончательным подтверждением его ориентации стал однажды посетивший наш офис его испанский бойфренд. Удивилась тогда, кажется, только я. Для всех вокруг это было так же нормально, как, например, тот факт, что Алан ест сэндвичи с сыром на обед и покупает свои платки на распродажах. Но со временем я привыкла и к этому. Большой город умеет удивлять. И вот теперь он уже удивлял не меня, а моего друга.

Пока Алан проводил внеплановую экскурсию (хотя ему это все равно очень нравилось) и поил нового гостя «Форджес» имбирным чаем с мармеладом, я разгребала документы и названивала предполагаемым спонсорам приближающейся пенной вечеринки.

Через неделю Алекс уже спокойно входил в большие двери нашего офиса с несколькими стаканами кофе. Теперь он чувствовал себя здесь как дома. Я вообще всегда удивлялась способности Алекса мгновенно приспособливаться ко всему новому. За неделю он подружился с половиной офиса, и был желанным гостем на обедах, планерках и даже деловых встречах.

Сегодня был один из таких обедов, когда мы все совсем забыли о том, что где-то в кабинетах нас ждут завалы бумаг и работа. Деб не было в городе. Да что уж там, её и в стране-то не было. Так что обеды наши обычно затягивались на час, два, а то и на целый день.

Мы сидели в кафе неподалеку от «Форджес», ели морепродукты и обсуждали зимние развлечения в заснеженном городе.

– Я бы махнул в Майами, – громко произнес Адам, поглощая ролл с угрём.

– Да! Майами – это что-то! – поддержала его Одри.

– Вам обязательно нужно там побывать, – сказал Алан.

– Лучшие коктейли...

– И красивые парни, – подмигнул Алан.

– И правда, Мишель, а что это мы тут мерзнем? Может, ну его, это снег?

– Хочу на пляж, – протянула я в ответ на предложение Алекса.

– Вот только где бы взять пару сотен тысяч? – шутливо добавил он.

– Хм, действительно, где же? – задумчиво приложив палец к подбородку, со смехом добавила я.

– Зануды вы, – сказал Алан, элегантно вытер губы белоснежной салфеткой и медленно встал из-за стола. – Я ненадолго покину вас, друзья мои.

– Пожалуй, я покину наших друзей с тобой, – заметил Алекс.

– Зуб даю, хочет пофлиртовать со мной в укромном уголке, – хихикая, шепнул нам Алан. – Ну, пойдёмте, мсье, – обратился он к Алексу и грациозно зашагал в сторону уборной.

Когда мы остались вдвоём с Одри, она сказала:

– Наконец-то эти красавчики ушли. Теперь мы можем посплетничать, – потягивая коктейль, она радостно улыбнулась и по-дружески толкнула меня плечом.

– А тебе лишь бы посплетничать... – весело отозвалась я. – Когда уже ты найдешь себе идеального мужчину? Чтобы, наконец, не ты сплетничала о мире, а мир сплетничал о тебе.

– Ой, милая моя... Да скорее Алан перестанет быть геем, чем я разучусь сплетничать. Нет, ни за что и никогда! Сплетница в это городе одна. И ты сидишь прямо напротив нее!

– Кажется, напротив меня сидит Клара Кейбл. Эта дама из благотворительного фонда. Вон там, за соседним столиком. Но ей же шестьдесят... Одри, то есть ты хочешь сказать, что эта невинная старушка...

– Брэй, прекрати издеваться, – смеясь, перебила меня она. – Ты прекрасно знаешь, что Одри Кендал никогда не оставит звание «лучшая городская сплетница». И сейчас я тебе это докажу.

– Выпускайте быка, Кендал уже схватилась за красную тряпку!

– Ты, милочка, главный фигурант самой свежей моей сплетни. А может, вовсе и не сплетни... – Ехидно улыбнулась она. – Ты и твой чудный Алекс.

– Что? – улыбнувшись, ответила я.

– Вы же с полуслова друг друга понимаете. Вы как Бони и Клайд. Страсть какие крутые! Ну просто чудо-пара! А видела бы ты, как он на тебя смотрит... Словно ты Луна, величественная и ни на что не похожая, а все вокруг – звезды, маленькие и одинаковые.

– Не носи ерунду, Одри, – сказала в ответ я, но улыбка на моем лице уже дрогнула. Я посмотрела в сторону уборной. Алан и Алекс шли и весело что-то обсуждали.

Я смотрела на Алекса. Такой милый, смеющийся парень в белой рубашке и синих джинсах. Волосы, как и обычно, взъерошены. На левой руке серебряные часы, на ногах – черные кеды. Лёгкая поступь, счастливая улыбка, пронизательный взгляд. Я смотрела на него и думала о том, что сказала Одри. Отличная пара? Но мы друзья. Да, только друзья. В

конце концов, это же Алекс... Просто хороший парень. Просто мой друг. Лучший друг. Или не просто? Нет, нет, нет. Я отогнала сомнения. Алекс Глоу – мой друг, мы не подходим друг другу и, уж конечно, никогда не будем парой. Нет, это самая большая глупость, когда-либо приходившая мне в голову. Забыть, забыть, забыть. Он мой друг. И ничто этого не изменит.

Глава 29

Сегодня меня ждал один из величайших дней в моей карьере. Жаль, Алекс не смог прийти – папа запретил ему. Сказал, что хоть это и моя работа, а всё-таки вечеринка. А посещение вечеринок – это нарушение наказания. Алексу разрешено было только забрать меня с этого вечера. Ну а покорять большой мир я отправилась совсем одна. Даже без Алана и Одри. Они сегодня были на модном показе на другом конце города.

Пробило девять, и малышка Брэй отправилась покорять очередной клуб, удовлетворять интересы очередной капризной заказчицы и пытаться решить нерешаемые проблемы. Испуганная, обескураженная и совсем не готовая к такому повороту, но собравшая последние силы в кулак.

Двое мужчин с золотистым загаром в кожаных брюках, с голым торсом и масками «чумных докторов» раскрыли тяжёлые двери. В глаза ударил яркий свет прожекторов. Темно-зелёный зал, оформленный под джунгли, содрогался от громкой музыки и гула. Зал был такой огромный, что, казалось, в нем можно было устроить чемпионат мира по футболу. Из угла в угол бегали полуголые официанты с бокалами, до верхов наполненными неизвестными напитками. В центре зала располагалось возвышение – на нем стояли артисты. Мы пригласили одну из самых популярных музыкальных групп города. Нам повезло – Деб как раз увлеклась их солистом, и они с радостью согласились выступить.

Толпы людей пытались пробиться в VIP-зону, расположившуюся на втором этаже. Там зависали приглашенные звезды. Те, кому наверх попасть не удавалось, тешили себя разноцветными коктейлями и маленькими волшебными таблеточками, которые то и дело передавали из рук в руки участники вечера. Красивая белая рука с татуировкой в виде солнца протянула мне пакетик с красной таблеткой.

– Нет, спасибо, – ответила я. Рука мгновенно испарилась.

Наркотики, алкоголь – всё смешалось в желудках заядлых тусовщиков. В бокалы подсыпали белые порошки, под язык прятали таблетки. Всё это было типично для любой вечеринки. Но сегодня вся площадь была заполнена белой пеной, которая с бешеной скоростью вылетала из установок в углах зала. С такой же бешеной скоростью люди втапывали её в черный глянцевый пол. Каждое пятно на нем будет говорить о том, кто провел эту ночь в пьяном угаре, или о том, кто в эту ночь лишился всего.

– Отличная вечеринка, – я услышала за спиной знакомый голос.

– Не ожидала здесь тебя увидеть, – сухо ответила я и повернулась. В руках я держала планшет с программой вечеринки – самая важная вещь на любом мероприятии. Именно эта маленькая картонка и стопка бумаг, прижатых к ней, могут спасти пушистый хвостик

«Форджес» на любом мероприятии. На лице моем отразилась суровая серьезность. Всем своим видом я показывала, что занята и не намерена пустословить.

– А ты похорошела, – улыбнулся он.

Да, это был Ричи. Его пристальный, нежный и одновременно страстный взгляд сводил меня с ума. Я не хотела ему поддаваться, потому что знала: сегодня у меня подкашиваются ноги, когда я вижу, как он поправляет растрепанные волосы, а завтра он будет обниматься с другой и не вспомнит о том, кто я и как меня зовут. Этот человек научил меня доверять ему, а потом разрушил это доверие, как шар для боулинга рушит строй кеглей.

Я не ответила на его комплимент. Стараясь сохранять серьезный вид, я заметила, слегка дерзко и надменно:

– А вот ты не изменился, Ричи Нэш. Всё такие же пустые комплименты.

Рич усмехнулся.

– Малышка, не злись. Папочка пришёл повеселиться. Разрешешь ему?

– У меня нет времени на твои шутки, – отрезала я и пошла в другой конец комнаты.

Несколько вопросов до сих пор оставались нерешенными, поэтому ноги у меня подкашивались не только из-за непреодолимого влечения к Нэшу, а ещё и от нервов.

Времени на подготовку такой огромной вечеринки должно было быть в два раза больше, но заказчик – дама чересчур спонтанная. Деб, несомненно, всё понимала, но так как сейчас у компании было несколько десятков заказов одновременно, успех пенной вечеринки целиком и полностью зависел от меня. Да, делать такие тусовки мне не впервой, но эта отличалась от всех прошлых заказов своей масштабностью. Пять сотен гостей, тринадцать знаменитых вип-персон, двадцать официантов, шесть поваров, два бармена, музыкальная группа и огромная техническая команда, осуществляющая беспрестанную работу всего оборудования.

Полчаса я проверяла наличие всей техники и присутствие каждого человека. Потом пришлось решить конфликт гостя с охранником – тот напал на него с кулаками, утверждая, что охранник засмеял его, узнав о нетрадиционности сексуальной ориентации.

Пока люди вокруг приходили в себя после лошадиных доз наркотика, поглощали пятый коктейль и делали по-детски смешную «пенную бороду», я, пританцовывая, летала по гигантскому залу – так я работала. И в основном, работа эта касалась общения с людьми. Попадались всякие: злые с характером змей, неприкосновенные, стервозные, а то и вовсе молчаливые. Через полтора часа я уже была выжата как лимон. Конечно, хотелось присесть на мягкий диван, схватить вазу с фруктами и наслаждаться приятными битами, но нельзя сказать, чтобы работа меня утомляла.

– Привезли ледяную статую. Спрашивают, куда установить, – подбежала ко мне одна из официанток.

– Да, да... – я говорила по наушной гарнитуре. – Секундочку, – сказала я ей. – Да, определенно пропускайте. Он сделает нам отличные снимки! – я нажала на кнопку на наушнике и посмотрела на девушку. – Так, что вы сказали?

– Ледяная скульптура...

– Ах да, сейчас... – я хотела посмотреть информацию в папке, но её под рукой не оказалось. – Чёрт, кажется я оставила планшетку на барной стойке. – Скажите им оставить у входа.

Я мигом подлетела к бару, но и там документов не оказалось. Несколько минут я тщательно обыскивала всё вокруг, но папки нигде не было.

– Мишель, пришли танцовщицы, где ключи от гримёрной?

«Чёрт возьми! Они же прикреплены к металлическому держателю на планшетке!»

– Так... С гримерками пока запара... Пройдите... Хм... Вот, общий гардероб – прямо и налево.

Три девушки с ярким макияжем и пышными прическами с недовольными лицами прошли в гардероб.

– А ещё мы потеряли троих официантов. Что делать? – не отставал от меня парень лет двадцати с испуганными глазами.

– Я не знаю, не знаю, куда они могли деться... – несколько растерянно говорила я.

– Позвонить?

– У меня нет номеров! Они все в папке! А папки нет! – я злилась и вместе с тем была готова опустить руки, запереться в туалете и плакать.

Впервые после того случая в «Кровавой Мэри» я не могла решить проблемы. Но ведь тогда у меня был Ричи. А сейчас? Ну уж нет. К нему я не пойду. Провалюсь, вылечу из «Форджес», но ни за что не пойду за помощью к этому придурку.

«Мне всего семнадцать. Ну что этому миру от меня нужно?!»

Я отправила парня на поиск пропавших официантов, попросила больше не беспокоить и обреченно рухнула на стул, сложив руки на барную стойку.

– Мартини, пожалуйста.

Бармен посмотрел на меня удивленными глазами, но делать было нечего – он приготовил коктейль.

До сих пор не понимаю, что в ту ночь побудило меня утонуть в алкоголе, но бокал за бокалом на душе становилось легче и свободнее. Все проблемы будто бы уходили на второй план.

– Хреновый день? – напротив меня сел Ричи. – Виски, будьте добры.

– Как же твоё бурное веселье, «папочка»? – подражая тому, как в начале вечера он говорил мне эти слова, ответила я.

– Никогда не доверяй дуракам-друзьям, Брэй, – ответил он. – Приехали вместе, а сейчас вон они, убажают здешних красоток, – указав пальцем на дальний диван, говорил Нэш.

– А ты почему не с ними?

– Настроения нет. Кому нужны эти девушки-однодневки? – говорил Рич, делая глоток виски.

– Им, похоже, нужны...

– Они болваны, – перебил он меня.

– Так, ну мне пора. Там столько всего решить надо, – я медленно сползла со стула и, слегка шатаясь, отправилась ко входу. Через секунду меня потянуло в сторону, но чьи-то сильные руки схватили меня и не дали упасть.

– Кажется, сегодня ты уже всё решила, – ухмыльнулся Ричи. – Я отведу тебя наверх – там отличный отель. А завтра отвезу домой, – на меня смотрел один... Нет! Два прекрасных Ричи Нэша... В глазах у меня двоилось.

Ричи повел меня к выходу.

Не помню, что было с вечеринкой, когда мы уходили. Тогда это меня несколько не волновало. Мы поднялись на лифте на пятый этаж гостиницы – она располагалась прямо над рестораном.

– Шагай, Брэй! – подбадривал меня Ричи – Ох, ну и надралась же ты, – сам он был тоже не в самом трезвом виде.

Я запнулась об складку на ковре, уперлась рукой в стену, Ричи поймал меня за плечи и прижал к белым обоям.

В коридоре было пусто и тихо. Ричи медленно отвел руки от моих плеч – ноги до сих пор подкашивались от опьянения, но теперь они ещё и дрожали от волнения, смущения и желания поцеловать того, кого я так не хотела видеть в своей жизни. Ричи взял мои ладони и прижал их к стене.

– А вот и твой номер, – он качнул головой в сторону двери.

Взглядом он будто дыру во мне прожег. Я молчала и смотрела на него, приоткрыв рот. Он поднял левый уголок губ – его коронная ухмылка. Я попыталась проглотить воображаемый ком в горле.

Три, два, один... Я закрыла глаза и почувствовала прикосновение теплых губ. Сильные руки всё так же прижимали меня к стене. Не отрывая губ, Рич потянулся левой рукой в карман, достал ключ и открыл дверь.

Глава 30

Разбудил меня громкий стук.

– Уборка в номерах! – послышался приятный женский голос за дверью.

Я медленно поднялась. Голова ужасно раскалывалась, а в сознании будто бы кто-то покурил – затуманенные мысли мешали сообразить, где я и что вообще происходит. Закутавшись в белоснежное одеяло, я посмотрела на часы. Десять утра.

– Уборка номеров! – чуть громче сказала девушка.

– Ничего не нужно, – я постаралась сказать это как можно громче.

За дверью воцарилась тишина. Я молча уставилась на картину, висевшую напротив кровати.

Утро. Я одна в какой-то незнакомой комнате... Я была в таком шоке, что даже моргнуть не могла. Я смотрела на картину – на ней был изображен океан. Волны будто ожили в моём воображении. Вся комната превратилась в один большой синий, бескрайний океан. Где-то вдалеке виднеется корабль – это мои воспоминания о вчерашнем дне. Я достаю из кармана бинокль и вглядываюсь. На воображаемом корабле прошлого я вижу Ричи. Корабль подплывает ближе, и вот в моей голове проносятся подробности вчерашней ночи.

Я отвожу взгляд от картины, встаю с кровати, всё так же закутанная в одеяло, и подхожу к окну. Раздвигаю бежевые занавески. На улице пасмурно и холодно. Еще больше закутываюсь в одеяло. Сажусь на край подоконника. По щеке катится слеза.

Вчерашнюю ночь я провела с Ричи. Зачем я столько пила? Зачем пошла с ним в номер? Зачем ответила на его поцелуй?

– Дура! – выкрикнула я и горько заплакала.

Плакала ли я от того, что здорово напилась и прыгнула в постель к Нэшу или от того, что не была готова к этому? Не знаю. Но я точно знаю, что совсем не так хотела провести эту ночь. Совсем не здесь хотела я оказаться. А теперь поздно думать. Поздно плакать. Я стала всего лишь очередной «победой» Ричи Нэша.

Взяв себя в руки, я скинула одеяло и натянула платье, собрала волосы в хвост и вытерла растекшуюся тушь. На тумбочке лежал мобильный: десять пропущенных от мамы, семь от папы и пять от Алекса.

«Они сотрут меня в порошок».

После побега Сэм родители переживали вдвойне, когда кто-то из нас не брал трубку и возвращался позже положенного. Это было, конечно, очень строго с их стороны. Но после случая с Сэм я уже не противилась их просьбам.

Дверь распахнулась. С бутылкой минералки в руке вошел виновник моих слез.

– А... Ты уже проснулась, – он замялся. – Мишель, прости, мы оба вчера выпили слишком много... Надеюсь, ты не...

– Уйди, пожалуйста, – перебила его я. – Уйди из моей жизни. Уйди навсегда. Прошу тебя, – сурово и в то же время умоляюще говорила я.

Ричи всё понял. Он сделал глубокий вдох, медленно выдохнул, кивнул головой, развернулся, поставил бутылку на тумбу и ушёл.

Я взяла телефон и по памяти набрала знакомый номер. Гудки.

– Мишель? Мишель, где ты? – испуганным голосом тараторил Алекс. – А тебе миллион раз звонил. Почему ты не брала трубку? Мне звонили твои родители, они с ума сходят!

– Алекс... – почти слезно прошептала я. Забери меня отсюда. Забери, пожалуйста, – я заплакала.

– Мишель, скажи мне адрес, я сейчас же приеду! – раздался в трубке звонкий голос.

– Я в гостинице, Алекс, – всхлипывая, ответила я. – Над клубом «Нью тайм». Я там вчера была... Помнишь, я говорила?

– Да, припоминаю... Я скоро буду! Уже бегу к машине!

Звонок прервался. Я снова вытерла слёзы. До приезда Алекса я сидела как вкопанная и смотрела всю на ту же картину. Океан. Волны бьются о скалы. Неизвестный корабль.

В машине я ехала молча. Я всё думала о прошлой ночи. Что со мной происходит? Плакать уже не хотелось. Хотелось забыть и жить дальше. Хотелось окунуться в работу и вернуть прошлую жизнь. Чтобы всё было, как прежде. Мама, папа, Сэм, Алекс. Школа и «Форджес».

Алекс ехал спокойно, губы его были сжаты, взгляд сфокусирован на дороге.

«Что он обо мне сейчас думает? И обо мне ли вообще?»

– Спасибо тебе. Ты самый лучший на свете друг, – вдруг сказала я. – Люблю тебя.

Алекс промолчал. Почему? Я не знаю. Но если бы я только могла попасть в его голову... Узнать, а что творится у него в душе...

После той драки с Эддингтоном Алекс стал немного агрессивным. Иногда я его побаивалась. Представляете, боялась моего милого, доброго Алекса с его вечно взъерошенными волосами и любимой клетчатой рубашкой! А сегодня? По телефону он был очень взволнован, а сейчас молчал как рыба. Только бы знать, о чём он думает. Только бы знать...

Заметка одного хорошего человека. Человека мудрого и образованного.

Друга и советчика – Д. Маджони (из личного архива)

Алекс вряд ли бы хотел, чтобы Мишель всё знала. Он не мог без неё жить, но не хотел говорить всей правды. Он смотрел на то, как счастлива она когда-то была с Ричи, и был рад за неё... Или не рад? Противоречивые чувства окутывали его душу. И вроде бы совсем недавно у него была Эшли. Но любил ли Алекс её? Конечно же, нет. Он просто был с ней. И всё время думал о другой.

Он бил кулаками об стену в ванной каждый вечер после встречи с Мишель. Бил, потому что не мог держать в себе столько всего. А высказать было некому. Его переполняла злость. Но злость на кого? На себя? На Мишель? Или на её непутевого бывшего парня?

Алекс был агрессивен не потому, что Эшли ему изменила. На это ему было плевать. Он был зол и разочарован в себе самом. Алекс готов был хоть на край света отправиться за Мишель, он был готов вытащить её из любой передраги, он был готов быть рядом всегда. И не просто готов. Он хотел этого. Алекс по-настоящему любил Мишель. А Мишель? Она тоже любила его. Только любовь у них была разная.

Глава 31

24 апреля. Второе дыхание.

Тот злополучный день оставил дыру в моей душе, которую было уже не зашить. Её можно было только спрятать, завалив мороженым и сериалами. Первую неделю я так и делала. Родителям я не могла сказать, что не исполнила обещание. Не могла признаться в том, что не смогла быть взрослой и ответственной. Я просто сказала, что устала и взяла небольшой отпуск, и больше они не стали допытываться. И вот, вместо вечеринок, я каждый вечер включала новую серию «Шоу 70-х» на ноутбуке, брала мягкий плед и добрую порцию вкусовостей.

Алекс не спрашивал меня о том дне. Он вёл себя как ни в чём не бывало. Правда, если быть честной, мы оба понимали, сколько всего произошло в этом году. Просто так многое не забыть. Но мы делали вид. Хотя бы так можно было хоть на краткий миг, кажущийся истинным счастьем, сбежать от проблем.

Ричи исполнил мою мольбу. Он исчез из моей жизни. В школе больше не появлялся. Говорят, перевёлся в новую школу. Снова. Может, и к нам он перевёлся неспроста? Во всяком случае, мне уже было плевать. Единственное, что я хотела, – забыть и никогда больше не вспоминать это имя. Ричи Нэш.

А вот Мисс Уоррен расстроилась.

– Школа потеряла великого актёра... – в негодовании говорила она.

– Уж кто-то, а Нэш может претендовать только на звание великого придурка, – отвечала я.

Она понимала, что отношения у нас натянутые. Но всей правды не знала. Её никто не знал. Кроме Алекса. Это и хорошо. К слову, об Алексее. Он вернулся на стажировку, и теперь уже собирался остаться там больше, чем на несколько недель. Ну а я, несмотря на то, что мне всё ещё было не по себе после ночи, проведенной с Ричи, собрала волю в кулак и вернулась на работу.

Нет, Деб и не думала меня увольнять. То есть, ей и думать то некогда было. Она всю эту неделю грелась на каких-то там островах. Кстати, с музыкантом с той вечеринки. Но когда она всё же вернулась, а я заявила в офис после недельной депрессии, Деб вдруг поняла, что нужно оформить меня по всем правилам.

– Ты, девочка моя, работала слишком хорошо! А всё хорошее должно быть услышано и одобрено! Так что радуйся, теперь ты официальный менеджер в «Форджес»!

С новой должностью пришла и новая ответственность. Работы стало так много, что высыпаться мне удавалось лишь по выходным. И то, иногда выходные были самыми что ни на есть рабочими. Хотя были и плюсы. Например, я не думала о Нэшэ.

А вообще, работа в «Форджес» принесла мне много полезного. Я даже могу сказать, это один из лучших этапов моей жизни. Меньше, чем за год, из замкнутой школьницы, боящейся возразить преподавателю, выросла личность. И этим я горжусь больше всего. Теперь я уже не боюсь показать себя. Наоборот, я буду отстаивать свою точку зрения до последнего и, если есть хоть крупица уверенности, делать то, что велит мне мое сердце, а не чья-то властная, но абсолютно не соображающая голова. Я определенно стала сильнее. Но вместе с тем осталась всё той же семнадцатилетней Мишель Брэй, у которой нет-нет, да возникнет обычная подростковая проблема. Разница лишь в том, что теперь я не преувеличивала значение маленького прыщика на лбу, и понимала, что есть вещи куда серьезнее, чем пятно на новой блузке.

Но несмотря на все плюсы, закрыться в ванной и разрыдаться хотелось всё чаще. А всё потому, что на меня слишком рано свалилась взрослая жизнь. Родителям я ничего не говорила – знала, что они будут настаивать на увольнении. Временами я оставалась в «Форджес» до полуночи – доделывала школьные уроки, а иногда просто засыпала на столе. Это результат того, что последнее время я почти не спала ночами – приходилось выполнять сумасшедший объем работы. Вливая в себя пол-литра кофе по утрам, я оживала и снова бралась за папки, эскизы, карты, телефонную трубку и спешила в «новый день». Но каждый такой «новый день» становился всё труднее. Я забывала поручения или путала адреса компаний.

В школе дела тоже шли не очень. Я опаздывала на уроки, за контрольные получала тройки и почти не появлялась в театральном кружке. Иногда приходилось даже просить Алекса взломать школьный сайт, чтобы исправить оценки. Незаконно? Конечно. Неправильно? Абсолютно. Но, как говорят, на войне все средства хороши. А для меня это была война. Война за свою мечту.

Впереди маячили выпускные экзамены, а я была настолько занята, что даже забыла о них. Я забывала всё на свете и каждый день падала на постель с чувством, будто бы по мне комбайн проехался. Спасали выходные. Двенадцатичасовой сон и поход в «Лорен Хаус» с Алексом.

– Мишель, тебе нужен нормальный отдых, а не то, что ты привыкла называть выходным. Ты не можешь и дальше работать в таком режиме. Ты ведь ничего не успеваешь. Работаешь без передышки, на уроки не ходишь, заставляешь меня взламывать сайт школы, чтобы исправить свои тройки. Однажды весь твой карточный домик

просто-напросто рухнет! – Алекс уже в который раз завел давно знакомую и уже успешную надоевшую песню.

– Алекс, ну не нуди ты. Всё отлично, – говорила я, потягивая через трубочку шоколадный коктейль.

Я не особо прислушивалась к его словам. А может быть, и стоило. Хотя это пренебрежение своей собственной жизнью, которое я самодовольно называла «войной за мечту», всё же сошло мне с рук. Да, несмотря на моё «всё отлично», я и правда уже изнемогала. Завал на работе не пропал, Деб постоянно от меня что-то требовала, и хотя мисс Уоррен и дала мне передышку, ребята из театрального всё равно дергали меня по каждому, порой и глупому, вопросу. Уроки я просто не успевала делать. Как не успевала нормально есть и спать. Но моя жизнь не рушилась. А, наоборот, шла в гору.

У меня были вечеринки, новые друзья, сладкие коктейли и бесконечные ночные разговоры с Джо. Я не хотела это оставлять и понимала: нельзя просто так бросить работу, бросить Деб, отказаться от контрактов. Тогда я точно всё потеряю. И тогда уже навсегда.

Было тяжело, но я старалась изо всех сил. Последних сил. И бесконечно верила: да, вот-вот, совсем скоро откроется оно. Второе дыхание.

Воюющая за мечту и пока что семнадцатилетняя

Мишель Д. Брэй

Сегодня, как и всегда, мы сидели в «Лорен Хаус». Алекс снова промывал мне мозги, а я терпеливо выслушивала.

К нам подошла Нэнси. Она была чем-то очень озадачена.

– Что будете заказывать? – расстроено спросила она.

– Что случилось, Нэн?

– Майклу вчера вечером стало хуже... Сейчас он в реанимации.

– Что? Как такое произошло, Нэн, милая?

– Я не знаю, Мишель... Врачи говорят, нужна операция, и как можно скорее. Но у меня нет такой суммы. А директор не хочет выдавать авансом... – на глаза её навернулись слезы.

– Нэнси, – мой мозг, несмотря на недосып, начал стремительно работать, – мы что-нибудь обязательно... Обязательно... Придумала! – радостно выкрикнула я. – Придумала! Мы устроим благотворительный вечер и пригласим туда всех, кто сможет помочь. Да, точно! И тогда мы обязательно соберем нужную сумму!

– Мишель, но как ты...

– Не волнуйся, она своё дело знает, – ласково ответил Алекс. – Мы поможем, Нэн, – он крепко сжал её руку и улыбнулся. В его улыбке и правда таилась надежда. Ведь Алекс знает малыша Майкла так же давно, как и я. Просто он не показывает всю ту боль, все те переживания, что испытывает. Но я понимаю, что он очень переживает за сына простой официантки из простого городка.

– Обещаю, мы обязательно поможем, – поддержала его я.

Сегодня я обрела то, что так давно искала. То самое второе дыхание, которое мне было нужно. Я поняла, что всё, чем я убивала себя, свою жизнь и здоровье последние несколько недель, не стоило ни гроша. То, что я должна была сделать сейчас, стоило несметных богатств.

«Вот, ради чего я работала, разгребала тонны бумаг, общалась со злыми заказчиками и отбивалась от пьяных посетителей клубов». Теперь я могла устроить вечер, который изменит судьбу одного маленького мальчика. Мальчика, который мне так дорог. И все, кого я за этот год повстречала, обязательно придут.

«Это будет лучшее моё мероприятие. Это будет лучший день в этом году» – так я себе сказала и понеслась домой – составлять план благотворительного вечера.

Глава 32

На следующее утро я уже неслась в школу со сделанными уроками. Не знаю, что со мной вдруг произошло, но за эту ночь я приготовила все задания, что недавно завалила. Алекс не верил мне, но когда за день я получила зачет по пяти предметам, был вне себя от восторга.

– Да ты просто монстр, Брэй! Ещё вчера она умирала от переизбытка работы, а сегодня... Аплодирую тебе стоя! – воскликнул Алекс и крепко меня обнял.

– А я что тебе говорила? Мишель Брэй всегда выходит сухой из воды!

– Ой, да ладно тебе, – засмеялся он, а потом добавил: – Слушай, я не смогу сегодня подвезти тебя... Беннет, мой начальник, попросил приехать пораньше. Сегодня мы презентуем новую социальную сеть, и он хочет, чтобы я был на встрече.

– Алекс, да это же замечательно! Энергично расправившись с учёбой, я прыгнула в такси и полетела в «Форджес». Не терпелось презентовать идею благотворительного вечера Деб.

– Да, это не принесёт нам дохода. Но вы только подумайте, – говорила я сидящим передо мной Деб, Одри и Алану, – мы сможем спасти жизнь маленькому мальчику. Часто вы спасаете жизни? Я, вот, никогда. Но а разве не в этом весь смысл? Нам нужно сделать что-то реально полезное. Устроить вечеринку, на которой люди не будут торговать наркотиками и напиваться в хлам. И тогда о нас заговорят! Я уверена, ещё как заговорят! – воодушевлённо завершила свою речь я.

Минутная пауза. Деб и Алан переглянулись.

– Bravo, Мишель, bravo, – зааплодировала Деб. – Наконец-то, – она вышла из-за стола, подошла ко мне и взяла за плечи, – наконец-то моя малышка стала взрослой!

– Что ж, молодец, Брэй! – сказал Алан.

– Удивила ты старушку Уинфлоу, – не замолкала Деб. – Я с таким нетерпением ждала, когда ты сделаешь что-то такое... Такое... Такое невероятное! Что мы раскроем рты и не сможем тебе отказать.

– Теперь ты не только официальный сотрудник «Форджес», но ещё и посвященная, – улыбнувшись, добавила Одри.

– Что это значит? – не совсем понимая их возгласов, спросила я.

– А то, – заметил Алан, – что теперь ты понимаешь, для чего мы всё это делаем. Мы убедились в том, что не только красочные фантики и громкая музыка привлекают тебя в нашем бизнесе.

– Ты готова делать что-то грандиозное, Брэй, – воскликнула Деб.

Я даже и подумать не могла, что встречу настолько положительную и восторженную реакцию. Но в тот вечер из «Форджес» я ушла с улыбкой до ушей и полной папкой идей. Деб скинула с меня тот объем работы, который мне приходилось выполнять ежедневно, и я смогла полностью посвятить себя проработке благотворительного вечера в честь малыша Майкла Мюррея.

Глава 33

Майкл Мюррей, восьмилетний сын официантки Нэнси Мюррей, темно-русый паренек с глубокими карими глазами, пухлыми щечками и поджатыми розовыми губами, всегда был невероятным чудом. Милый, совершенно честный и ко всем добрый, он даже на больничной койке радовался, когда на завтрак медсестра приносила картошку с беконом, а не овсянку. Раньше, когда Нэн работала на двух работах, я частенько оставалась с Майклом на ночь – читала сказки, показывала мультики, укладывала спать. Потом он попал в больницу, и жизнь для Нэнси изменилась. Мы с ребятами всегда помогали ей, чем могли: давали деньги, покупали продукты и игрушки. Сначала она отказывалась, но потом помощь стала поступать от многих жителей нашего района, правда – совсем небольшая, и уже тогда Нэн со слезами благодарности забирала всё, что ей приносили. Совсем недавно малышу стало лучше, его выписали из больницы, и Нэнси начала улыбаться чаще. Но вот, Майклу снова стало плохо. Этот случай помог мне отрешиться от всех проблем и трудностей, что случались со мной в этом году, и настроиться на новый курс.

Прошли две недели с тех пор, как я начала подготовку к самому важному событию в моей практике – благотворительному вечеру. Наступило время гармонии и счастья. Я работала не покладая рук, но в то же время успевала готовиться к урокам и экзаменам. Неиссякаемый заряд бодрости сопровождал меня изо дня в день. Я точно знала свою цель и шла к ней, несмотря ни на что.

Дней десять назад я позвонила Джонни. Нет, вы не подумайте, ни хирургическая помощь, ни наркотики мне не требовались. Просто Джо имел достаточное влияние в определённых кругах. К слову, я познакомила с ним и Алекса. Алексу Джо понравился. Ну а кому он не понравится?

– Не думал я, что торговцы смертью могут быть такими смешными, – Алекс заливался смехом – Джо только что рассказал ему одну из своих коронных шуток.

– Я бы предпочел прозвище «торговец жизнью», – отозвался Джо.

– То есть, ты хочешь сказать, что наркотики – это жизнь? Ну уж тут я точно с тобой не соглашусь, – всё ещё улыбаясь, возразил Алекс.

– Алекс, я не заставляю людей покупать таблетку, я даю им выбор... – и тут Джо рассказал ему то, что когда-то рассказал мне. О выборе, о шансе, о силе воли.

– Слушай, да он и правда очень и очень интересный человек, – сказал мне Алекс, когда Джо ушёл. – Немного странный, конечно, и уж до боли философ... Но интересный, очень интересный.

После встречи с Джо мы поехали обсуждать всё с Нэнси. Она была в восторге и не знала, как нас отблагодарить. А благодарности и не нужно было. Достаточно было бы того, чтобы наша идея не прогорела, и Майкл снова смог качаться на качелях и скатываться с горки, как обычный ребенок.

Я долго думала, где провести вечер, пока случайно не наткнулась на номер одного прекрасного человека – Чарльза Освальда. Это с ним мы тогда познакомились на вечеринке в «Кастомс». Чарли согласился бесплатно предоставить свой замечательный театр с белыми колоннами, мраморными стенами, золотыми перилами лестниц и шикарным красным занавесом. Он также помог нам найти спонсоров, которые организуют ужин.

За два дня до благотворительного вечера я разослала приглашения. Отправила их всем, то знал и не знал Майкла. Всем, кто мог и хотел помочь.

Уважаемый человек! Носи это звание гордо и прочти до конца моё маленькое послание.

17 мая в театре Чарльза Освальда пройдет благотворительный вечер в честь малыша Майкла Мюррея. Может быть, ты его и не знаешь, но он знает тебя. Он знает всех хороших людей, даже если никогда не видел их. Дорогой мой человек, не будь же ты равнодушным. Мы ждём тебя в шесть в театре Освальда.

С уважением и почтением, Мишель Брэй.

Вечером я заехала в больницу.

– Мишель, а почему ты так давно не приходила? – Майкл смотрел на меня своими большими задумчивыми глазами и говорил тоненьким голоском.

– Потому что мы с твоей мамой готовим для тебя большую вечеринку, и всё время уходит на неё.

– Ууу... А на этой вечеринке будут разноцветные шарики? Я люблю шарики. И ещё я люблю шоколад.

– Как скажешь, дорогой, – я смотрела на него и ласково улыбалась. – Шарики и шоколад, я запомнила.

– Ты лучше запиши, а то если шариков не будет, я не приду, – с детской серьезностью сказал Майкл.

– Хорошо-хорошо, – засмеялась я, достала ежедневник и написала: шарики и шоколад для малыша Мюррея.

– Вот так, правильно, – он провёл пальцем по строчке.

– Мишель, – помолчав, снова заговорил Майкл, – а почему ты приходишь ко мне? Я ведь болею и могу тебя заразить. А тебе должно быть весело там, с другими людьми, и даже без меня.

– Глупенький, ты меня не заразишь. И не нужны мне другие люди. Мне нужен ты. А вот мы проведем эту вечеринку, соберем много-много денег, тебя вылечат, и мы с тобой пойдем кататься на горках.

– А на велосипедах можно?

– Ну если ты хочешь.

– А можно на американских горках в парке?

– Обязательно. Только ты главное будь смелым, совсем скоро врачи тебя вылечат, а тебе нужно просто надеть боксерские перчатки и добить вирус.

– Я буду как боксер.

– Именно.

– Ура! А можно я сяду в передний вагончик?

– Конечно, – я взяла Майкла за руку. Мы стояли перед большим окном и смотрели на мерцающие огни вечернего города.

– А если врачи меня не вылечат?

– Они обязательно сделают это, Майкл. Обязательно.

– Нууу... А если не смогут?

Я молчала.

– Тогда я стану таким же огоньком и буду улыбаться тебе с неба... Или нет! Я стану лучиком солнца и всегда буду греть тебя и маму сильнее всех на свете! – он радостно улыбнулся и крепко обнял меня.

Глава 34

В большом красивом театре собрались несколько сотен человек: богатых и не очень, красивых и вполне не безобразных, общительных и скрытных. Всех объединяло одно – торжественные наряды и деньги в карманах, сумках и клатчах. Деньги на лечение для маленького Майкла.

– Добрый вечер, дорогие друзья! – громко сказала я в микрофон, стоя на огромной театральной сцене.

В зале воцарилась тишина. На меня смотрели сотни пар глаз: серых, темно-зеленых, голубых, карих.

– Меня зовут Мишель Брэй, я работаю в агентстве «Форджес». Думаю, каждый из вас о нём слышал. Обычно мы занимаемся организацией вечеринок и праздников. Но сегодня необычное мероприятие и, наверное... Наверное, не побоюсь это сказать, одно из самых значимых мероприятий в истории «Форджес» и в моей собственной истории. Сегодня день добродетели. Этот вечер призван спасти жизнь одному маленькому мальчику. Его зовут Майкл Мюррей. Он очень болен и нуждается в вашей помощи. В помощи вас, – я указала рукой куда-то в центр зала, – и вас. Давайте на день забудем, кто из нас депутат, а кто простая официантка, – я посмотрела на Нэнси – она стояла возле сцены. – Забудем все условности. Сегодня мы все просто люди. И я очень хочу, чтобы сегодняшний день стал важной частью вашей истории.

Зал бурно зааплодировал. Когда овации стихли, я добавила:

– Но, пожалуй, я не сказала самого важного. Сегодня здесь мама Майкла. Её зовут Нэнси. Она стоит в первом ряду. Нэн, поднимись на сцену.

Прекрасная Нэн в блестящем синем платье поднялась ко мне. Вытирая слезы и улыбаясь, она благодарила меня. Дрожащими руками она взяла микрофон:

– Спасибо! Спасибо вам, что пришли сюда! Спасибо, что помогаете моему сыну! Я даже не знаю, за что мне такое счастье...

Всё шло идеально. Это был настоящий светский вечер – девушки в элегантных платьях с идеально уложенными локонами медленно передвигались по залу на высоких каблуках, мужчины с бокалами шампанского в руках что-то обсуждали и время от времени подходили к ящикам для пожертвований. На большом экране показывались фотографии Майкла, слева и справа стояли волонтеры из благотворительного центра, готовые в любую секунду ответить на все ваши вопросы. Зал был наполнен ненавязчивой живой музыкой – на сцене играл саксофонист.

– Брэй, это невероятно. Так целомудренно, что просто офигительно, – с бокалом шампанского ко мне подошла Деб.

– Я старалась. Спасибо, Деб! Я рада, что смогла оправдать твои надежды.

– Да что ты! Я никогда в тебе не сомневалась, – сделав очередной глоток, ответила она.

Рядом со мной стоял Алекс в отлично сидевшем черном костюме.

– И тебе привет, Деб, – улыбнулся он.

– Ох, Алекс! Прости, совсем не заметила тебя... Хм, чудный костюм! Армани?

– Папин гардероб, – улыбнулся он.

– А твоему папе стоит навеститься к Майклу Корсу... У него отличный вкус. Дизайнерский бизнес по нему явно плачет.

– Я предложу папе... Но вряд ли он захочет променять адвокатскую контору на платья с блестками и разноцветные платки, – засмеялся Алекс.

– Ну, деточки, я побежала к ящикам с пожертвованиям. Мой кошелек очень хочет, чтобы я его опустошила, – и Деб ушла в другой конец зала.

– Я просто восхищаюсь тобой, – сказал Алекс.

– Я сама себе не верю. Смотрю на это всё и думаю: а если меня ущипнут, я проснусь?

– Мишель, ты работала. Много и усердно работала. Неудивительно, что всё это правда. Ты молодец. И ты это знаешь, – приобняв меня за плечи, сказал мой друг.

– Ты говорила с Нэнси?

– Ох, Алекс... Я хочу сделать это уже полчаса, но работа меня не отпускает.

– Давай сюда свои папки и телефон. Давай-давай.

Я повиновалась и передала всё в руки Алекса.

– Иди к Нэн. Кстати, вон она, – он указал подбородком в сторону сцены – руки его теперь были заняты.

– Алекс, спасибо тебе большое! Я сейчас прибегу!

– Нэнси, милая, наконец, я тебя выловила. Как дела у Майкла? – спросила я, подбежав к ней.

– Не самым лучшим образом, – грустно ответила она. – Я звонила доктору. Он сказал, что сегодня вечером его состояние ухудшилось.

– Ох... Бедный малыш. Но ничего! Мы справимся! Посмотри, зал полон людей, готовых помочь Майклу. Он выкарабкается! Он же у тебя боевой!

– Да, Мишель, ты права, – грустно улыбнулась она. – Я даже не знаю, как тебя благодарить... Ты столько сделала для нашей семьи. А ведь тебе всего семнадцать. Ты удивительная...

– Нэнси, самой лучшей благодарностью для меня будет тот день, когда Майкла выпишут и ты отпустишь нас на прогулку в парке.

– Моя милая Мишель... – улыбнулась Нэнси. – И всё-таки спасибо тебе огромное. Я ещё придумаю, как тебя отблагодарить... Кажется, тебя там зовут.

Я повернулась и посмотрела на Деб – она стояла у коробок для пожертвований и демонстративно махала руками.

– Кажется, это и правда меня. Нэн, – я погладила её по плечу, – не вешай нос. Мы всё сделаем в лучшем виде!

И я пошла к Дебби. Она подготовила для меня прекрасную новость – волонтеры сообщили ей, что мы собрали нужную сумму для операции. Счастью моему не было предела. Я побежала к Алексу, забрала все документы и на новом эмоциональном подъеме закончила работу в разы быстрее.

Расправившись с бумажной волокитой, я упаковала деньги в большой конверт и отправилась на поиски Нэнси. Нашла я её в холле театра.

– Нэн! – я на всех порах спешила сообщить отличную весть. – Мы собрали нужную сумму! Уже завтра Майклу смогут сделать операцию.

Нэн сидела на ступеньках, сложив руки и опустив лицо.

Услышав мой радостный возглас, она подняла голову. Её лицо было красное, мокрое от слёз, искажённое от боли.

– О, Нэн, – дрожащим голосом сказала я. Конверт с деньгами выпал из рук. – Нет, нет, только не это...

Нэн продолжала реветь навзрыд, захлёбываясь в собственном горе. Я подошла и села рядом с ней. Всё потеряло для меня смысл. Глаза больше не горели. В них была абсолютная, глухая пустота.

– Прости... Прости, пожалуйста. Нэн, я просто... Я просто...

– Я знаю, Мишель... – Нэн всхлипнула, – ты ни в чём не виновата, Мишель. Бог посчитал, что моему маленькому Майклу... – она снова всхлипнула и неразборчивым голосом продолжала, – что моему малышу будет лучше на небесах. – Она с трудом закончила эту фразу и разрыдалась. В этих слезах была боль не одной матери, потерявшей сына на полпути от спасения. Почему за всё расплачиваются дети?

– Я хотела помочь ему... – Он... не должен... не должен был умереть, – голос надорвался, я опустила голову и заплакала.

Похороны были через три дня.

Глава 35

Мы стояли над небольшой ямой. Десятки людей, многих я даже не знала, пришли проститься с мальчиком, который отчаянно боролся за жизнь.

«Только судьба не захотела дать ему ещё один шанс».

Нэн уже не плакала, она просто медленно гладила маленький гробик.

– Всё будет хорошо. Только не вини себя, – за спиной я услышала знакомый, немного хриплый голос, а на плече почувствовала тёплую сильную руку.

Это был Джо. Иногда мне казалось, что он мой ангел-хранитель: защищает от необдуманных решений и выручает в самых трудных ситуациях.

В конце церемонии люди начали расходиться по своим обычным делам. Будто бы и не было ничего. Только Нэн до сих пор смотрела невидящим взглядом на участок земли и мраморную плиту, сжимая в руке два цветка.

Мы с Джо опустились на лавочку под большим дубом.

– Мишель, тебе нужно найти то, что заставит тебя идти дальше, несмотря на все трудности, даже такие ужасные, – я всё слышала, но мне нечего было сказать в ответ.

– Знаешь, – спустя какое-то время вновь заговорил Джо, – а я стал врачом только потому, что моя мама умерла от рака. Врачи не смогли спасти мою маму, и я решил, что они плохие врачи. Мне было наплевать на то, сколько я буду получать. Я хотел спасти жизни. Но спустя годы я понял: нельзя спасти всех. Ты можешь быть лучшим врачом на свете, но если бог решил, что человеку пора покинуть этот мир, ты ничего не сможешь изменить. Ты сделала для Майкла всё, что было в твоих силах. И ты всё сделала правильно. Я уверен, этот малыш улыбается с небес, – он указал пальцем на облако, похожее на сердце, – и говорит тебе «спасибо». Память о моей маме заставляет меня неотступно следовать моей цели. Я делаю всё возможное, чтобы спасти жизни, и всегда чувствую, что мама рядом со мной. Она вот здесь, – он положил руку на сердце. – Она главная причина, почему я стал собой. Вспомни, как ты стала собой, и это даст тебе силы идти дальше.

– Джексон, – сказала я.

Джо смотрел на меня непонимающим взглядом.

– Мишель Джексон Брэй. Моё полное имя. Это фамилия моей тёти. Она умерла два года назад от сердечной недостаточности... Я очень любила её и люблю до сих пор. Она учила меня быть собой и гордиться этим. Она верила в меня всегда, до самого конца – своей последней минуты на земле.

Я поняла, как стала собой. Нора была моим учителем пятнадцать лет. Она передала мне всё, что знала сама, и отпустила. Может быть, это и держало её здесь? Все эти два года она не помогала мне, а наблюдала, справляюсь ли я.

– Я всегда была собой, – снова начала говорить я. – Это и помогло мне стать той, какая я сейчас. А Нора просто была рядом... Глупо, но всё это время я думала, что ничего не стою, что всё за меня делает она... – вытирая слезы, я засмеялась. – А ведь это была я. Я делала всё сама... Нора была права. Права как никогда. Я Мишель Джексон Брэй, и я способна на многое. Спасибо, Нора. Спасибо, что верила в меня. Ты лучшая тетя во всей вселенной, – улыбнувшись, прошептала я.

Джо улыбнулся.

– Майки, – я посмотрела на облако, – я люблю тебя. Прости, что не смогла помочь. Обещаю, я буду беречь твою маму...

Через минуту из-за облака выглянул лучик солнца. Это был первый лучик за три пасмурных дня.

Часть вторая

Как я потеряла всё

Глава 36

– Мишель, береги себя, – сказала мама. Она гладила меня по плечу и поправляла волосы. – Звони почаще... И главное – будь осторожна! Алекс, – она посмотрела на него. Он стоял рядом со мной с рюкзаком и фотоаппаратом. – Будь рядом и не дай ей совершить очередную глупость. Мы надеемся на тебя, – мама улыбнулась, обняла нас обоих и встала, сложив руки.

Мы стояли на улице возле дома, рядом друг на друга были сложены чемоданы и сумки. Папа и Сэм стояли в стороне, щурясь от солнца, – день сегодня был отличный.

С того самого дня, как мы похоронили малыша Майкла, прошло больше недели. Нэн уволилась из «Лорен Хаус» и уехала в другой город к маме. Вырученные на благотворительном вечере деньги я все до копейки отдала ей – теперь Нэнси сможет купить квартиру и забрать маму из дешевого дома престарелых, где та жила за неимением денег.

Я же всё это время потратила на сдачу экзаменов. Когда мы с ребятами готовили вечер, я была полна сил и успела подготовиться. Остальное за меня сделало везение. Конечно, в моем сердце до сих пор была какая-то пустота, но последние майские деньки я была по уши в учебе, так что времени горевать почти не оставалось.

Я сдала. Сдала всё. Но ещё не определилась с университетом. Да и думать об этом мне не хотелось. Я мечтала только об одном – сбежать из города как можно дальше, залить события последнего месяца разноцветными коктейлями и расслабиться. Тут меня ожидала невысказанная удача. Однажды вечером позвонила мисс Уоррен и предложила на всё лето перебраться в её старый домик в Майями. Сначала я подумала, что это шутка. Но оказалось, этим летом она не сможет жить там – улетает в гости к сестре. Дом остается пустовать, а ведь лето в Майями – лучший сезон. Мисс Уоррен была в курсе последних событий, поэтому была решительно настроена отправить меня с Алексом в «отпуск».

– Тебе просто необходим отдых, Мишель. Бескрайний океан, хорошие вечеринки и красивые парни – это как раз то, что тебе нужно! – говорила она.

«Какая же Уоррен всё-таки крутая!»

– Я оставлю вам свой небольшой домик и машину. Мишель, ты не пожалеешь! – вдохновенно рассказывала она.

Я была готова собрать чемодан и прыгнуть в самолёт. Деньги на жизнь у меня были – работа в «Форджес» приносила немалый доход. К тому же частенько сами заказчики выплачивали премиальные. Но одно оставалось нерешенным – родители ни за что не разрешат мне поехать в Майями на всё лето. Хотя какая уже разница? Попытаю удачу. Была-не была.

– Правда? – удивленно пролепетала я. – Мам, ну ты же понимаешь, что это... Это Майями?

Выслушав историю о мисс Уоррен и её доме у океана, мама сказала, что готова отпустить меня с условием, что Алекс поедет со мной, а я буду исправно звонить дважды в день. Папа, конечно, разозлился, но перечить не стал.

– Раз ты считаешь, что уже достаточно взрослая для такой поездки, то приятной дороги, – так он сказал. – Но если что-то пойдет не так, даже не вздумай ныть.

Я не могла поверить своим ушам, но отговаривать не стала.

– Доченька, мы понимаем... – мама вопрошающе посмотрела на папу. Тот глянул на неё, закатил глаза и ответил:

– Да понимаем-понимаем...

– Понимаем, что последние недели были для тебя очень тяжёлыми, – снова заговорила мама. – Мы очень волнуемся и переживаем за тебя, и в любой другой ситуации я бы ни за что не одобрила такую поездку. Но сейчас я готова рискнуть, – она тяжело вздохнула и грустно улыбнулась, продолжая взбивать сливки. – Наверное... Наверное, это будет лучшим решением. Правда ведь, Рон? – она снова посмотрела на папу.

– Если ты настаиваешь, – почти незаинтересованно ответил папа, продолжая что-то быстро печатать на ноутбуке.

– Мисс Уоррен хорошая женщина, да и в Майями сейчас тепло и хорошо... Мишель, а ты сама и правда этого хочешь?

– Очень хочу, мамочка, – искренне ответила я.

Она улыбнулась. Но в глазах её всё же было беспокойство.

Через несколько дней мы с Алексом уже обошли все торговые центры, собрали чемоданы и купили билеты. Время пролетело незаметно. И вот, мы уже стояли у дома и ждали такси. Мама обняла меня ещё раз и поцеловала в лоб. Папа уже не был зол. Он улыбался и желал мне удачи. Сэм пошутила насчёт моего возвращения и в своей любимой дерзкой манере попросила привезти какую-нибудь крутую футболку ей в подарок.

– Конечно, Сэм, – засмеялась я и хотела уж было её обнять.

– Вот только без телячьих нежностей, – заявила она. – Ну ладно... Только три секунды. – И Сэм крепко прижалась ко мне.

Я пообещала себе сделать это лето лучшим. Я пообещала себе не подвести родителей. А пока моя голова освобождалась от мыслей о работе (я взяла отпуск на время летних каникул – откинуть лишние мысли, расслабиться и подумать о поступлении, ведь

документы нужно было подать уже в июле), к дому подъехало такси, и мы с моим лучшим другом отправились в незабываемое путешествие к океану.

Глава 37

Шум океана! Боже, это не сравнимо ни с чем на планете. Мы мчались по трассе. Солнце сжигало наши молодые сердца, требующие виски и зрелищ. Хорошо, что мы надели солнечные очки. Горело только сердце. Ветер вот-вот готовился снести прочь мою шляпку, но Алекс её вовремя поймал. Мы оба смеялись. Это были наши первые минуты у океана.

Мимо проезжали кабриолеты. За рулем сидели загорелые мужчины с дорогими наручными часами, а на задних сидениях красовались девушки с выгоревшими светлыми волосами до пояса, в купальниках, летних сарафанах, цветных комбинезонах самых разных покроев. Они веселились, пили шампанское, целовали своих водителей, которые то и дело совершали незаконный глоток виски, притворяясь, что поправляют боковое зеркало. Мы оказались в Майами. И здесь можно было всё. Веселиться, отдыхать, ни о чем не думать. А главное – здесь можно было жить.

Мы проезжали по самому побережью Атлантики. На пляжах сотни людей плескались в океане, играли в волейбол, загорали, пили коктейли, танцевали, строили замки из песка. Сотни людей были счастливы. А всё-таки место, где ты находишься, может повлиять на тебя в миллионы раз сильнее, чем что бы то ни было. А если ты в этом месте с нужными людьми – счастья не миновать. Так и я, отбросив прочь все мысли, сомнения и воспоминания, наслаждалась каждой секундой, каждым порывом ветра, каждой глупой шуткой Алекса, каждым звуком.

Мы с Алексом наперебой тыкали пальцами в высокие скалы, ярко-зеленую траву, огромные песочные замки, ларьки с гавайскими украшениями, маленькие бары на побережье и всё, что привлекало наше внимание.

Через несколько минут машина остановилась у небольшого стеклянного одноэтажного дома. Вокруг росли пальмы, на заднем двореке находился бассейн. Рядом с домиком стоял гараж. Крыша у дома не была похожа на то, что мы привыкли видеть. Грэйс Уоррен обустроила её как площадку для вечеринок: барная стойка, шезлонги, диванчики... Там была даже диджейская аппаратура! Я смотрела на это и не верила своим глазам.

Водители вытащил наши сумки и уехал.

– Чёрт возьми, Мишель! – воскликнул Алекс.

Я повернула голову – он стоял напротив гаража. Забыв о чемоданах, я подбежала к нему.

– Обалдеть!

В гараже стояла сумасшедше красивая, сияющая на солнце серебристая «ауди» с откидным верхом.

«С ума сойти... Откуда у мисс Уоррен такая машина?»

– Откуда у мисс Уоррен такая машина? – будто бы прочитал мои мысли Алекс.

– Кто его знает, – всё ещё удивленно ответила я.

– Хотя зачем нам об этом думать? – мой друг посмотрел на меня и улыбнулся. – Мишель, мы в Майами! – он взял меня за плечи и начал трясти. – В Майами! Ты веришь в это?

– В Майами! – закричала я в ответ и крепко обняла своего друга.

Это была лучшая секунда того лета. Я любила жизнь больше, чем кто-либо. Я любила своего друга. Любила этот дом. Эту машину. Я была счастлива.

Наконец, мы занесли все вещи в дом. Благо, тут не было второго этажа. Казалось, мы с Алексом забрали с собой добрую половину одежды – чемоданы были ужас, какие тяжелые.

В доме находились две спальни, и в обеих были балконы с видом на океан. Повезло. А то разразилась бы настоящая война. Я заняла комнатку с нежными бежевыми обоями, большой двуспальной кроватью с белоснежными подушками и одеялом светло-коричневого цвета. Рядом стояли две тумбочки, торшер, у окна – белый столик и плетеное кресло. Справа – дверь, ведущая на просторный балкон. У стены напротив находилось огромное зеркало и светло-коричневый комод. На нем стояли искусственные цветы. Это я, впрочем, в скором времени исправила, купив вместо неживых ромашек настоящий папоротник. Но самой потрясающей вещью в этом маленьком и уютном рае был ковер – огромный, с мягким ворсом цвета слоновой кости. По нему можно было не то, что ходить... На нём жить можно было!

У Алекса комната была не хуже. Обои голубого цвета, а одна стена вообще обклеена снимками утреннего океана. Вот это я понимаю, романтика. У мисс Уоррен определенно есть вкус. Кровать у него была такая же огромная, у окна так же стоял столик с плетеным креслом. На стене вместо огромного зеркала красовалась красная доска для серфинга. Эта комната удивительно вдохновляла.

Разложив, наконец, все вещи, я надела любимые голубые джинсовые шорты, белый топ и кеды, и поспешила к Алексу.

– Алекс, ты ещё долго? – спросила я, влетев к нему в комнату. – Уже вечер. Ты же не думаешь, что мы проведем его сидя здесь с упаковкой чипсов перед телевизором? Тем более, что у нас и чипсов то нет.

– Я то? Брэй, неужто ты решила уйти в отрыв? – улыбнулся он. – Ох и повеселимся же мы сегодня, – ответил он, перекатившись через огромную кровать и схватив с тумбочки мобильник.

Мы выбежали из дома, запрыгнули в серебристую «ауди», включили музыку погромче и рванули сквозь ночную мглу в неизвестность.

Майами не спал – на каждой улице десятки молодых людей веселились, выкрикивали всё, что душе угодно, вливали в себя литры алкоголя. На пляжах зажигались костры. Те, кто поспокойнее, играли на гитаре и запекали зефир, а те, кто позэнергичнее, играли на нервах и запекали кровь возмущавшихся до исступления стариков.

Наша машина мчалась к Океану. Первое и главное место, которое мы с Алексом должны были посетить, – кафе-бар «Океан» на побережье Атлантики. Здесь когда-то выступала мисс Уоррен. Здесь она познакомилась с Аланом Фергюсоном. Здесь, по их словам, проходили лучшие вечеринки во всем Майами.

Свет, мерцающий в огромном двухэтажном бунгало, расположенном прямо над океаном, я заметила ещё с трассы. Бар выглядел удивительно. Бамбуковые стены, крыша из сена, украшенная разноцветными гирляндами, мягкие бежевые кресла на веранде, окруженные декоративными пальмами, небольшой навес перед входной дверью, яркие неоновые вывески и окна во весь человеческий рост. Это был «Океан».

Мы оставили машину на небольшой парковке у пляжа и, скинув кеды, по прохладному вечернему песку побежали к деревянной лестнице.

Алекс был одет в коричневые бриджи и черную футболку. На шее его красовалась золотая цепочка, а на поясе была повязана черно-белая клетчатая рубашка. Русые волосы так же, как и всегда, взъерошены.

Мы бежали, смотрели друг на друга и смеялись. Громко и искренне. Так мы показывали миру, что счастливы.

Когда мы вошли в «Океан», на нас налетел парень – его толкнул кто-то, стоявший у барной стойки.

– Простите, ради бога, простите, – парень повернулся, и я узнала в нём Алана Фергюсона.

– Алан! Какими судьбами? – я бросилась его обнимать.

– Мишель, дорогая моя, – высвободившись из моих объятий, он протянул руку Алексу, – Алекс, вечер добрый. Да уж, в этом баре явно не любят геев, – он улыбнулся, глазами указав на парня у барной стойки. Какими судьбами, говоришь? Я думал, Грэйс тебе сказала.

– Сказала что?

– Что мы с Одри и Деб проведем это лето здесь. В пляжном домике неподалеку.

– Одри и Деб здесь? Вот это новости. Хотела убежать от работы, а работа прибежала за мной, – я засмеялась.

– Предлагаю выпить по коктейлю, – сказал Алекс.

– Отличная идея! Слушайте, раз уж встретились, пойдёмте к нам за столик.

– Алекс? – спросила я.

– Я абсолютно и полностью за!

– Мишель? Вот это встреча! – поднимая стакан с виски, продекларировала Дебби.

– Дорогуша, а я уже успела соскучиться, – Одри кинулась меня обнимать. – Алекс, привет. А что это вы здесь вместе? Хотя... Не объясняйте, – она прищурилась и хитро улыбнулась.

– Одри!

– Что «Одри»? Я просто смотрю и делаю выводы. И пока что выводы очень даже положительные.

– Кендал, прекращай делать выводы, давай лучше выпьем, – сказал Алан. – Друзья, это невероятно, что сегодня мы все здесь, – он разлил виски по стаканам и подал мне и Алексу. Мы стояли вокруг небольшого деревянного круглого столика возле сцены. Летние, веселые, яркие, живые. Я, Алекс, Одри, Деб и Алан. – Давайте выпьем за то, чтобы это лето не заканчивалось!

Стаканы взлетели в воздух и под шумное «Ура!» стукнулись друг об друга. Так начиналась наша первая ночь в Майами. И она была прекрасна.

Глава 38

Спустя какой-то час мы с Алексом уже безудержно отрывались в самом центре зала. Я забыла обо всем. Забыла о доме, о маме с папой, о «Форджес». Для меня сейчас существовали только «Океан», гул музыки, люди в пьяном угаре и недопитый стакан виски.

Минуты пролетали как секунды, а секунды пролетали незаметно. Мы всё танцевали. И были ужасно пьяны.

– Мишель, – закричал Алекс, пытаясь заглушить музыку.

– Что? – ответила я, не прекращая поддаваться ритму.

– Ты такая красивая!

– Что? – я его почти не слышала.

Алекс подошел ко мне ближе и наклонился к левому уху.

– Ты очень красивая, – услышала я.

Биты в песне становились всё быстрее и громче, свет то гас, то вновь включался. «Раз, два, три... Бам!» Барабаны, и новый взрыв музыки.

Мы с Алексом посмотрели друг на друга ни к чему не обязывающими взглядами. И поцеловались. Я обняла его за шею. Он прижал меня к себе. Казалось, это длилось вечность.

– Алекс, – внезапно я открыла глаза и оттолкнула его. – Прости, – я убежала.

– Мишель, постой, – он поспешил за мной.

Я постучал в красную дверь туалета. Я знал, что она там.

– Мишель, открой. Ну, пожалуйста.

– Алекс, – донесся из-за двери знакомый голос, – это было так глупо.

– Да... Конечно. Это как поиграть в бутылочку, – говорил я. – Ничего серьезного. Ведь у тебя нет парня, у меня нет девушки... Ну, подумаешь, поцелуй. Мы же ведь всё равно друзья, – я сам не верил в то, что говорил. Но сейчас ей нужно было именно это. – Ведь друзья? Мишель?

Дверь открылась. Она вышла. Посмотрела на меня. Улыбнулась. Подошла ближе. Обняла за шею. Так же, как обнимала, когда мы с ней целовались.

«Идиот, Алекс, какой же ты идиот!»

– Друзья, – мягко сказала она.

– Вернемся к ребятам?

– Выпьем ещё виски? – улыбнулась она.

– А знаешь, пожалуй, выпьем ещё, – я обнял её за плечо, и мы вышли в шумный зал.

– Где вы пропадали? – выкрикнула Одри, когда мы подошли к столику.

– Мы танцевали здесь, – я пожала плечами, – даже удивительно, что ты нас не заметила.

– Эй, да что я тебе сделал, – Алан снова подлетел к столику не по своей воле. Тот парень, что толкнул его у барной стойки, вновь привязался и теперь уже не спешил завершить разговор мирно.

– Лучше свали отсюда по-хорошему, – сказал он грубо. – И дружков своих забирай.

– Да кто ты такой, чтобы выгонять нас отсюда? – дерзко сказала я. Всем известно, что алкоголь в крови развязывает язык и включает датчик смелости на максимум.

– Мишель, не надо, – сказал Алекс, слегка отодвигая меня рукой.

– Вы только посмотрите на них! Мне кажется, или этот малыш и правда хочет потягаться со мной? – засмеялся наш обидчик. Люди вокруг закричали, требуя зрелища.

– Малыш? – Алекс подошёл вплотную к обидчику. – Интересно, что будет, когда я засуну твой язык тебе в задницу? – он приподнял бровь.

– Иди ты к чёрту, – крикнул парень и с размаху ударил Алекса в нос.

– Алекс! – вырвалось у меня.

– Пойдёмте отсюда, – Алан схватил Одри и меня за руки и повел к выходу. Деб вышла покурить и не застала всю эту ситуацию. – Алекс, он не стоит того. Поехали!

Но Алекс в эту же секунду повернулся к обидчику и врезал ему под дых, а затем толкнул на стол, так, что тот снес все бокалы, что на нём стояли.

– Черта с два! – закричала Одри.

– А я говорил, валить надо.

– Алекс, – я вырвалась и побежала на помощь другу. Дорогу мне перегородила брюнетка в открытом синем топе и с адским макияжем.

– Куда собралась, красотка? – прокуренным голосом сказала она мне.

– Советую подвинуть свой жирный зад, – сказала я ей с вызовом.

– Что ты сказала? – и она бросилась на меня, схватить за волосы.

– Убери руки, – завизжала я, хватая за соломенные волосы свою обидчицу и отпिनывая её ногами.

В «Океане» воцарился полнейший хаос. Пьяные люди кричали наперебой всякие гадости, кидались едой, бокалами и даже дорогим коньяком из бара. Алекс колотил парня в черном, разнося всё вокруг и получая в ответ удары кулаками. Я пыталась успокоить девушку с прокуренным голосом, но сама уже готова была её убить. Я дергала её за волосы, она визжала и проливала на меня виски из стоявшего рядом бокала. Наконец, я пнула её в живот, быстро встала, отряхнула свой порванный грязный топ, и тут же меня кто-то схватил

за руки и заломил их за спину. Это была полиция. Её вызвала Одри. И правильно, что вызвала, ведь у Алекса дела могли пойти ещё хуже, если бы в тот самый момент, когда обидчик повалил его на спину, разбил бутылку и с одичавшими глазами поднес осколок к шее, не ввалился наряд. Парня быстро скрутили, отобрали осколок и утащили прочь из бара.

– Да уж, – протянула я и засмеялась. Алекс засмеялся в ответ. Мы сидели, навалившись спинами на перевернутый стол. Абсолютно грязные, растрепанные, зато моментально протрезвевшие. Музыка стихла. Люди медленно покидали бар. На улице светало. К нам подошли Алан, Одри и Деб.

– Брэй, это просто недопустимо, – зло заявила мне Дебби.

– Деб, – я умоляюще посмотрела на неё.

– Недопустимо круто, – она захохотала. – Я не знаю, как, но вы будто бы вдохнули в это место второе дыхание. Не думала я, что ты настолько крутая. Да, Брэй, ты умеешь удивлять, – она зажгла сигарету, развернулась и пошла к выходу, – Одри, Алан, жду вас в машине.

– Хм... В таком виде за руль тебе точно нельзя, – сказал Одри Алексу. – А тебе, красотка, не мешало бы сходить в душ и купить новые шорты, – она осмотрела мои наполовину разорванные шорты.

– Но они же были моими любимыми, – заныла я.

– Так, ребятки, вот как мы поступим. Сейчас я вызову вам такси, – сказал Алан, а вечером вы заберете свою машину.

– А всё-таки вы удивительная парочка, – сказала Одри, похлопала меня по плечу и вышла из бунгало.

Глава 39

Утро было тяжелым. Поспала я от силы часа три. Встала по будильнику. Зачем вставать по будильнику летом, да ещё и в Майами? Да, глупо, согласна. Но вчера мы забронировали экскурсионный автомобиль на 10 утра. На 10 утра! Чем я только думала?

Скинула одеяло. Подошла к зеркалу. Глаза красные-красные. Слипаются просто. В волосах застряли какие-то блестки. Наверное, с костюма той девицы, с которой мы подрались. Я улыбнулась, вспомнив ночной переполох.

Несмотря на все минусы моего внешнего вида, которые можно было исправить походом в душ и горсткой косметики, голова, на удивление, не болела, и рвотных порывов не чувствовалось. Видимо, полгода клубной жизни всё-таки научили меня выживать после вечеринок. Лениво выполнив всё необходимое, чтобы выглядеть хорошо, я взглянула на часы. Половина десятого.

«Отлично! Ещё и позавтракать успею» – с такой мыслью я вышла на кухню. За барной стойкой сидели Деб, Одри и Алан. Алекс что-то готовил.

– Ого, – вырвалось у меня. – А почему вы здесь? Алекс, а ты что, готовишь?

– Доброе утро, Мишель, – сказала Деб.

– Доброе утро! – весело поддержал её Алан.

– Надеюсь, ты готова к поездке, – добавила Одри.

Я смотрела не понимающим взглядом.

– Я пригласил Алана поехать на экскурсию с нами. Ну а он уже... Ты понимаешь. Так или иначе, люди свои. А вместе всё веселее.

– Конечно... Конечно, я не против.

– И да, я готовлю, – он улыбнулся. – Кажется, – масло на сковороде зашипело, Алекс отпрыгнул в сторону.

– Пора спасать твои блинчики, повар, – я подошла к плите.

Когда завтрак был готов, мы быстренько перекусили и побежали в экскурсионный автомобиль, уже ожидавший нас у дома. Несмотря на то, что вчерашняя вечеринка закончилась сегодня утром, все выглядели безупречно. На Одри был самый колоритный костюм – ярко-зеленая туника с летящими рукавами и массивным позолоченным украшением и светло-коричневая мини-юбка с ремешком. На ногах у неё были красные босоножки на огромной платформе. В ушах золотые серьги-кольца, а на голове элегантно лежащая желтая шляпа с большими полями и зеленой лентой. Она быстро засемила к машине, держа в руках маленький золотой клатч.

За Одри вышел Алан. Как всегда, безупречный. Белые зауженные брюки, плетеные мокасины и легкая бежевая рубашка. На левой руке – часы, а на шее – его неизменный аксессуар. Сегодня это был потрясающий шелковый платок леопардового цвета.

На Дебби были голубые джинсы с дырками, желтые босоножки на широком каблуке в цвет желтому педикюру и белая футболка с треугольным вырезом. Волосы она собрала в лаконичный пучок.

Мы с Алексом выглядели не хуже наших друзей – гениев моды. Конечно, вместо бутика Гуччи мы сходили в масс-маркет, но, на самом деле, хотя я и начала зарабатывать тысячи долларов, просаживать деньги на сверхдорогие вещи не спешила. Конечно, иногда я могла купить что-то ужасно дорогое. Когда был порыв души и лишняя тысяча долларов в кармане.

Но есть один маленький секрет, который помогает мне по сей день: выдать дешевую одежду за бесценный экспонат очень легко. Достаточно прикупить пару дорогих аксессуаров, сделать хорошую прическу и быть уверенным в себе на все сто. Кто сказал, что красивые вещи – это всегда дорогие вещи? Я думаю, если человек может надеть вещь, купленную в масс-маркете, и выглядеть в ней сногшибательно, он уже выглядит дорого. Выглядеть дорого – это не значит носить всё самое дорогое, это значит – чувствовать себя на миллион и преподносить простые вещи так, чтобы все вокруг восхищались и хотели вам подражать.

На Алексе была белая рубашка, солнечные очки и темно-синие бриджи. На мне цветной комбинезон без рукавов, босоножки на небольшой платформе и белая шляпа с широкими полями. На шею я надела мамин золотой кулон в форме сердца. Внутри было наше семейное фото. И это правда самое лучшее украшение из всех, что у меня есть.

Мы ехали на огромной скорости под палящим солнцем. Приходилось поддерживать шляпу рукой, иначе бы она улетела прочь. Мы встречали это утро розовым игристым вином и клубнично-банановым мармеладом, обсуждая последние сплетни и фотографируясь на полароид. В машине играла музыка. Она пленяла сердца, завоевывала все внимание, играла на струнах наших душ.

Начинались мои вторые сутки в Майами. И пока что это была не жизнь, а сплошное потрясение. «С ног на голову» – так я назвала этот новый этап в моей жизни. Удивительно, но, оказывается, за полгода жизнь может кардинально измениться. Сейчас, наслаждаясь свежим ветерком и сладким шампанским в салоне автомобиля премиум-класса с лучшим другом и самыми невероятными коллегами, я впервые за долгое время задумалась о том, как все поменялось.

Судьба периодически подкидывает нам шансы, то и дело как бы намекая: ты можешь гораздо больше, чем ты думаешь. Схватиться за этот шанс или испуганно сбежать – решать только тебе. Я выбрала первое и ничуть об этом не жалею. Если честно, я часто хотела испуганно сбежать, хотя и не писала об этом в своем дневнике. Научиться принимать ошибки, мириться с проблемами, вставать после падений и идти дальше – вот, чего не хватает многим из нас.

Я благодарна судьбе, что она дала мне не только отличный шанс стать тем, кем я хочу. Я благодарна ей за своих близких, за друзей, за характер, который они во мне воспитали и продолжают воспитывать по сей день. Люди, наполняющие мою жизнь смыслом, научили меня не сдаваться, видеть только лучшее, не распыляться по мелочам и идти к своей цели. «Зачем бесконечно бегать от звезды к звезде, когда ты можешь пешком дойти до Луны?» – так говорила тётя Нора. И ведь она была бесконечно права. Судьба дает шансы, но чтобы сделать их по-настоящему крупными и воплотить в реальность, одного только «хочу» недостаточно. Можно хвататься за все подряд и, ошибаясь, бросать. А можно идти до победного гонга. Выбор только за тобой.

На первом месте в нашей утренней экскурсии стоял парк развлечений «Джангл Айленд». Судя по снимкам, место удивительное. Но, попав туда, у вас просто челюсть отвалится от того, какой же он крутой. Несколько зон, десятки аттракционов, бассейны, фонтаны, сады, киоски. Повсюду люди, играет ритмичная музыка, а вся атмосфера пропитана весельем. Здесь даже самые взрослые возвращаются в детство. Вот и мы, купив сахарной ваты, прокатились на американских горках (даже не пришлось стоять в очереди – у Деб VIP-билет), постреляли в тире, заказали пиццу и потанцевали фламенко на центральной улочке парка. Через два часа обследования парка мы добрались до аквазоны. Оставив вещи в шкафчиках и надев яркие купальники, все моментально разбежались по разноцветным горкам. Это очень забавно – смотреть, как директор крупнейшего агентства вечеринок вприпрыжку бежит к бассейну. Но в этом была вся Деб.

Я задержалась у шкафчиков, чтобы позвонить маме. Выйдя из раздевалки, я пошла по деревянному мостику под сводами деревьев. Именно так выглядела дорога к аквапарку. Все казалось каким-то сказочным. Я остановилась на секунду на середине моста. Здесь было тихо и, на удивление, не было ни души. Посмотрев за перила, я увидела небольшой прудик под мостом. В отличие от бушующих волн океана, волнующих душу и вызывающих к приключениям, этот водоем пронизывал меня с ног до кончиков волос необъяснимым спокойствием. Я облокотилась на низкий забор и смотрела в воду, как вдруг из воды выскочила рыбка и, подпрыгнув, нырнула туда снова. Я так испугалась, что поскользнулась на мостике и чуть было не упала, если бы не...

Через темные солнечные очки я не видела его глаз. Но это не было проблемой. Я и так знала, что он чересчур идеален. От падения в маленький пруд с лягушками меня спасли сильные руки, схватившие за талию и тем самым освободившие меня от позора.

– Тебе нужно быть аккуратнее, – сказал парень.

Я твердо встала на ноги и медленно убрала его руку со своей талии.

– Спасибо за спасение. Кажется, теперь ты мой герой, – я улыбнулась.

Парень в желто-голубых купальных шортах снял очки. И да, его глаза были совершенны. Голубые, глубокие, сияющие. На шее у него висела серебряная цепочка. Он поправил волосы рукой, и от этого стал выглядеть еще лучше.

– Я Мишель, – я протянула ему руку. Он улыбнулся так, будто бы я сказала что-то совершенно глупое, и пожал мне руку.

– Крис, – добавил он. – Рад встрече.

Мы смотрели друг на друга и неловко улыбались.

– Пожалуй, неловкая тишина слишком затянулась, поэтому я просто обязан пригласить тебя на свидание сегодня вечером.

– С удовольствием бы согласилась, но сегодня вечером мы с друзьями идём в бар, – сказала я.

Он улыбнулся и покачал головой.

– Что ж... Тогда увидимся.

– Надеюсь, – отозвалась я.

– А я это знаю, – он подмигнул мне и пошел в сторону аквазоны.

Я могла согласиться. Да что уж там могла, я хотела сказать: «Боже, да!» Но завести курортный роман не казалось мне особо хорошей идеей. Кто он и откуда? Лучше не пытаться это узнать. Курортный роман – это как грибной дождь: мимолетное явление. Только вот грибной дождь не оставляет никакого осадка на душе. К тому же прошлый опыт научил меня тому, что нельзя слепо верить красавчикам с потрясающими телами и чарующими голосами. У них, как правило, немало грязного белья и скелетов в шкафу.

Крутые горки, горки еще круче, бассейны, джакузи... Кажется, первое место в нашем списке стало последним на сегодня. В семь вечера мы, наконец, заливаясь смехом, вышли из больших деревянных ворот.

– Предлагаю вернуться сюда завтра и купить рецепт этих потрясающих коктейлей, – сказал Алан.

– А это идея, – Одри дружески толкнула его плечом. – Мы назовем его «Одри Фергюсон».

– Может, лучше «Алан Кендал»?

Они оба засмеялись.

– А у меня идея получше – следующим летом мы арендуем этот аквапарк и проведем самую невероятную вечеринку! Я уже все представила: ледяная горка для шампанского, диджей, несколько плавающих столиков с закусками, официанты в обтягивающих купальных трусах и черных масках с подносами в руках.

– Мишель, это гениально! – сказала Одри.

– Только не заставляй меня надевать облегающие трусы и маску, – засмеялся Алекс.

– Напомни, когда я говорила о тебе? Мы, кажется, обсуждали эксуальных официантов...

– Эй, – Алекс засмеялся и сделал глоток пива.

– А зачем нам ждать следующего года? – вдруг сказала Деб.

– О чем ты говоришь? – недоумеваю, спросила я.

– Зачем нам ждать следующего года, когда мы можем сделать это сейчас? Точно! Идея восхитительная! Мы арендуем этот аквапарк, и ты, Мишель Брэй, – она указала на меня пальцем и приподняла брови, – организуешь лучшую вечеринку на восточном побережье!

– Брэй, ты слишком хороша, – сказал Алан.

– Ох, ребята, совсем скоро она обойдет вас и откроет свою фирму, – подметил Алекс.

– Поосторожнее со словами, – отозвался Алан.

– Да я же шучу, – Алекс улыбнулся и сделал еще глоток пива. – Она всего лишь станет главным директором «Форджес», – он весело захохотал.

– Алекс... – начала я.

– Всё может быть, всё может быть... – медленно и как бы ни к кому не обращаясь, сказала Деб.

Дальше мы шли молча. Каждый обдумывал свою идею, я думала о словах Деб.

Алекс думал о вчерашнем поцелуе.

Глава 40

– Рискованный шаг – вернуться туда, где вчера устроили погром, – говорил Алекс, завязывая галстук-бабочку.

– Ты же слышал, что сказала Одри. Сегодня в «Океане» выступает какой-то известный певец. Тем более, это шанс увидеть тебя в бабочке.

– А клетчатые рубашки мне все-таки больше нравятся, – он пристально посмотрел на себя в зеркало. – Спасибо за подарок, бабочка прекрасная.

– Жаль, с дня рождения ты её ни разу не надел, – говорила я, докрашивая ресницы.

– Ты же знаешь, это не мой стиль.

– Но он тебе чертовски идет. И, может, я даже подумаю насчет обтягивающих трусов и маски, – я засмеялась.

– Мишель, – Алекс засмеялся в ответ, – только не облегающие трусы! – Он провел рукой по волосам, поправил отвороты пиджака и добавил: – Ты готова?

Я докрасила верхнюю губу красной помадой и ответила:

– Абсолютно.

Когда мы шли по каменной тропинке от входной двери, в голове будто бы играла музыка. Все было как в кино: мы, молодые и красивые, выходим из чудного дома в Майами, готовые прыгнуть в ауди и умчаться навстречу безумным вечеринкам.

Еще дома я купила отличное серебристое платье: облегающее с длинными рукавами, большим треугольным вырезом и такими же треугольными, но в разы меньше разрезами на плечах, но повода его надеть до сегодняшнего дня не было.

«Идешь на концерт звезды – будь звездой!»

В платье своей мечты и черных бархатных лодочках, с голливудскими локонами, аккуратно уложенными на правую сторону и заколотыми массивным серебряным гребешком, я шла рядом с Алексом, которого белая рубашка и бабочка сделали будто бы другим человеком.

Когда мы приехали в «Океан», мои коллеги из «Форджес» были уже там.

– Ты иди к ребятам, а я пойду закажу нам выпить, – сказала я Алексу и подошла к барной стойке. – Два коктейля «Санта Рэй», пожалуйста, – обратилась я к бармену.

– А у тебя определенно есть вкус, – сказал парень, сидевший справа от меня.

Я повернулась и узнала в нем того красавчика из аквапарка.

– Крис? Вот это встреча! Что ты здесь делаешь?

– Знаешь, ты отказала мне в свидании, и я решил тебя преследовать... Шучу. Я думал, ты знаешь, почему я здесь.

– С чего я должна знать, что какой-то еле знакомый мне парень будет в том же баре, в котором я отдыхаю с друзьями?

Он посмотрел на меня тем же недоумевающим взглядом, каким смотрел при нашей утренней встрече, когда я протянула ему руку.

– Да... Пожалуй, это было глупо. Послушай, Мишель, раз уж мы встретились, может ты дашь мне один шанс и позволишь пригласить тебя на свидание завтра?

Я посмотрела на его очаровательную улыбку и не смогла ответить «нет».

– Сегодня тебе удивительно везет, – я взяла его телефон со стола, открыла закладки и записала свой адрес. – Буду ждать тебя завтра в шесть. А все же, почему ты здесь?

– Встречайте, неподражаемый, – зазвучал голос ведущего вечера, – Кристиан Стефан!

– Вот почему, – мой собеседник улыбнулся, встал со стула и пошел на сцену.

– Черт возьми... – сказала я, раскрыв рот.

Крис – это и есть тот самый популярный певец, на концерт которого мы пришли. Я отказала в свидании тому, из-за кого отказала... А потом согласилась пойти с ним же. Нет, какая-то путаница.

– Мишель, – Алекс тронул меня за плечо, – всё в порядке? Мы тебя уже заждались.

– Да-да, пойдём. А, вот и наши коктейли, – я взяла два бокала, и мы вернулись к столу.

– Брэй, где ты была? Уже успела оценить этого красавчика? Потрясающе поет, а тело... Ммм... Так бы и съела! – тараторила Одри.

– Да...

– Ты что такая задумчивая? – спросил Алан.

– Минуту назад я поняла, что совершенно не разбираюсь в музыке.

– Мишель, милочка, хватит засорять всем мозги! Как тебе Кристиан? Ну он же просто чертовски привлекательный! – не унималась Одри.

– Да, Одри, – я сделала глоток из своего бокала. – И, кажется, завтра я иду с ним на свидание.

Глава 41

Кристиану Стефану двадцать один. И в свои годы он популярный певец, миллионер, владелец огромного особняка в Майами. Приятный голос, миловидная внешность, сверкающий взгляд и непревзойденный стиль. Тысячи поклонниц от двенадцати до тридцати пяти лет мечтают завоевать его сердце. Но завоевать его, кажется, невозможно. Он распутный, легкомысленный, не ждущий и не ищущий ничего серьезного. Девушек меняет как перчатки. А девушкам этим плевать на остальное. Главное – они были с тем самым Стефаном.

Странно, что полмира сходит по нему с ума, а я знать не знала до сегодняшнего вечера, что он существует. Так вот почему он смотрел на меня так, будто бы я прилетела с другой планеты. С планеты идиоток, не знающих кто такой Кристиан Стефан. И да, это сарказм. Я знала, конечно, что у красавчиков с голубыми глазами много скелетов в шкафу, но это... Встретаться со звездой мирового уровня – это не для меня. Жутко, претенциозно и, в конце концов, утомительно и болезненно. Такие парни как Стефан не встречаются с девушками дольше месяца. А я ведь совсем не принцесса, не модель и уж тем более не голливудская актриса – я поискала в Интернете немного об этом Кресе и узнала, с кем он встречался за последний год. Список, достойный быть опубликованным в «Форбс».

Над моим заявлением о свидании с Кристианом все только посмеялись. А, пожалуй, даже хорошо, что они ничего не поняли. Я сидела, слушала очередную песню Креса – кажется, он пел что-то вроде «любовь к тебе, как воздух, без неё прожить нельзя» – задумчиво потягивая коктейль. Признаюсь, я за долю секунды стала фанаткой Стефана. И нет, не потому, что он очаровал меня с первой нашей встречи. Пел он действительно чарующе.

– Спасибо, друзья, – сказал Стефан в финале своего выступления, – я очень рад, что вы цените моё творчество. Жду вас всех в пятницу на большом концерте!

Публика взорвалась аплодисментами. Я тоже аплодировала. И в этот момент меня посетило одно хорошее воспоминание. Тётя Нора говорила: «Наслаждайся моментом» каждый раз, когда я боялась совершить очередной шаг в неизвестность. Так может, это и есть тот самый момент, которым нужно насладиться сполна? Стефан надел свою кожаную куртку и, на ходу раздавая автографы молодым девушкам, быстро вышел из бара.

Я допила коктейль и схватила сумочку, висевшую на спинке стула.

– Ребята, простите, но мне, похоже, пора бежать. Я потом всё объясню. Повеселитесь тут! – сказала я и поспешила к выходу, пока мои друзья пытались сообразить, что же такое произошло.

Когда я спускалась по ступенькам, Крис уже надевал мотоциклетный шлем.

– Это было просто удивительно, – сказала я.

– Мишель, – он улыбнулся. – Ты уже уходишь? Тебя подвезти?

Я открыла рот, чтобы что-то сказать, с секунду подумала и уже хотела вернуться в бар, но всё-таки выдавила из себя:

– Вообще-то, да.

– Отлично! Тогда запрыгивай и держись крепко. Так куда, говоришь, тебя подвезти?

– Подвези меня туда, где пройдет наше первое свидание, – я улыбнулась.

– А ты мне уже нравишься.

Я крепко прижалась к его спине, он нажал на газ, и мотоцикл поехал, освещая фарами полупустые дороги восточного побережья.

Алекс видел, как Мишель уезжала. По счастливой случайности или просто потому, что хотел узнать, куда она сбежала, он подошел к окну. Алекс никому ничего не сказал. А какой в этом смысл? Если Мишель хорошо, то он не имеет никакого права ей мешать. Даже если этот Кристиан ему совершенно противен. Он с каждым днем убеждал себя всё больше, что никогда не станет лезть в личную жизнь Мишель. Ведь все равно они друзья, и Мишель ясно дает понять, что никем большим друг другу они не станут. Никогда. Это немного больно. Хотя нет. Это очень больно. Видеть её с другими. Встречаться с девушкой, на которую тебя плевать, пытаешься отвлечься от того, что ты влюблен в собственную подругу. Влюблён в собственную подругу!

Алекс вернулся домой рано. Дверь была открыта, свет зажжен.

«Неужели воры?»

Алекс насторожился, схватил стоявшую у входа вешалку для верхней одежды и прокрался в гостиную. Там стояла женщина и рассматривала стоявшую на полочке фотографию в рамке. Алекс удивился. Женщина повернулась.

– Мисс Уоррен? Что вы здесь делаете?

– Не думала я, что звезды Голливуда обожают жареную картошку и колу, – говорила я, обмакивая картофель в сырном соусе. Мы сидели в небольшой закуской, оформленной в стиле фильма «Назад в будущее».

– Ты слишком остроумная для семнадцатилетней школьницы.

– Прошу заметить, мне почти восемнадцать.

– Здесь я могу спокойно отдохнуть от журналистов, преследующих меня повсюду. В этой закуской редко кто бывает. Поэтому я и привел тебя сюда. А что, разве плохо? Только ты, я, – он медленно придвинулся ко мне, – и сырный соус, – и рассмеялся.

– Очень смешно, Кристиан. Только ты не подумай, что я очередная твоя фанатка, которой можно крутить так, как заблагорассудится. До сегодняшнего дня я знать не знала, кто ты такой.

– Да я уж понял. Ещё в парке. Это... Странно. Но мне даже нравится не быть для кого-то открытой книгой.

– Вообще-то...

– Что?

– В Интернете информации о тебе более чем достаточно.

– Так, значит, я тебе всё-таки понравился!

– Что ты несешь!

– А почему же ты тогда искала информацию про меня в Интернете?

– Потому что... Потому что... Хотела убедиться в том, что ты закоренелый бабник, – я отодвинулась от него и вызывающе скрестила руки.

– Так вот оно что, – его улыбка сменилась серьезностью. – Вот поэтому я приезжаю сюда. И именно поэтому с каждого концерта уезжаю один на мотоцикле. Всю жизнь живу по закону тысячи и одного дела.

– Что за закон такой?

– Говорят, можно сделать тысячу добрых дел, но запомнят лишь одно плохое. Вот и у меня так. Правда, плохое было не одно... Ну, да это и не важно. Ты все равно уже всё знаешь и не захочешь иметь со мной дело.

– Если бы я не хотела иметь с тобой дело, я бы сейчас развлекалась с друзьями в баре.

– Зачем же тогда ты обвиняешь меня в том, что я бабник?

– А почему ты даже не пытаешься это отрицать?

Он засмеялся.

– Моя дорогая Мишель. Я известный певец. Обо мне ходит столько слухов, что я, честно сказать, уже даже не обращаю на них внимание. Однажды дошло до того, что они взяли фото с моей замужней сестрой и написали: «Кристиан Стефан женился на сестре! О чём думал популярный артист?» Такая вот глупая у меня жизнь, если судить по журнальным заголовкам.

– Но ведь с другими девушками ты встречался? А их, как я поняла, было немало.

– Да, был грешок. Но, заметь, я говорю «был». Потому что сейчас я встретил тебя. Не думай, что я говорю это всё, чтобы затащить тебя в постель, хотя до моего особняка недалеко, – он захохотал.

– Крис! – я толкнула его плечом.

– Ты можешь мне не верить, но я говорю правду. Правду, которую ты заслуживаешь знать.

– Хочется верить. Тем более, что картошка восхитительна, – я улыбнулась.

– Да к чёрту картошку, – сказал он и поцеловал меня.

Играла какая-то очень знакомая музыка из восьмидесятых, бармен засыпал, столики пустовали. И только на нашем стояла недоеденная порция жареной картошки. Но ни мне, ни герою моего курортного романа не было дело до неё.

Когда я вернулась домой, было почти утро. Крис подвез меня на мотоцикле и даже дал мне свою куртку, чтобы согреться. В одном платье я быстро замерзла.

– Я отдам тебе ее на нашем втором свидании, – сказала я, кутаясь в мягкую кожанку.

– Хитрости тебе не занимать, – ответил Крис, притягивая меня к себе. – Придется всё-таки пригласить тебя на второе свидание.

– Эй, мистер тысяча и одно дело, не заставляй меня вспоминать твои грешки.

– Увидимся вечером, Мишель Брэй, – он поцеловал меня на прощание, и я поспешила в дом.

Я захлопнула дверь, оставила куртку на вешалке, которую Алекс, кажется, переставил в другой угол, и, влетев в гостиную, рухнула в кресло. Но тут же быстро с него поднялась и оправилась, увидев перед собой Алекса и...

– Мисс Уоррен?

Глава 42

– Мы с сестрой отлично проводили время. Потом она познакомила меня со своим новым парнем. И вот тут-то начались настоящие проблемы. Дело в том, что она никогда не умела выбирать мужчин. И этот ее новый Сэм или как его там, оказался тем еще подонком. Начал приставать ко мне, пока сестра была на кухне и готовила нам пудинг. Я очень люблю свою сестру, поэтому сказала ей всю правду. Как и ожидалось, она выгнала его прочь. Но на продолжение веселых семейных каникул не стоило и рассчитывать. Сестра собрала вещи и уехала к папе и его новой пассии, а я решила приехать сюда. Не переживайте, я не задержусь надолго, не хочу вас смущать. Тем более, что уже обещала вам этот домик на все каникулы, – мисс Уоррен улыбнулась.

– Что вы! Выгнать вас из вашего же дома – самое странное, что мы можем сейчас сделать.

– Да, да, конечно! – поддержал меня Алекс. – Если хотите, я могу спать на диване в гостиной.

– Алекс, ну что ты такое говоришь! Ребята, вы мои гости, и никто из вас этим летом не будет спать на диване. Ничего страшного, если я буду засыпать на своем уютном кожаном диванчике под звуки телевизора.

– Но мисс Уоррен...

– Это не обсуждается. Не волнуйтесь, а просто развлекайтесь. Это же лето, черт возьми! И мы в Майами, – она всплеснула руками. – И, знаете, что... Называйте меня Грэйс. Вы уже закончили школу, а я не так стара, чтобы быть мисс Уоррен.

– Привыкнуть будет трудновато, – сказал Алекс.

– Да уж, – я расплылась в неловкой улыбке и пожала плечами.

Вечер закончился душевными разговорами и воспоминаниями о школе. Потом Грэйс рассказывала нам о том, как проводила время здесь, в Майами, как посещала лучшие вечеринки и знакомилась с будущими голливудскими звездами. А мы все пили горячий чай с мятой и слушали, слушали, слушали...

Следующая неделя была удивительной. Я не высыпалась и целыми днями пропадала с Алексом, Одри, Деб и Аланом в городе. Деб что-то постоянно писала в своем ноутбуке, потягивая холодные коктейли, Алекс и Алан почувствовали себя детьми и поэтому часами зависали в игровых автоматах, пока мы с Одри бегали по магазинам и скупали все, что блестело или стоило не дороже двух сотен долларов. Так, в моем доме появились два новых

купальника, три шляпки, плетеный фотоальбом, фигурка сёрфингиста и даже никому не нужный пивной шлем.

Вечером я ходила на свидания с «таинственным незнакомцем» – так называли мои друзья Криса. После того, как они посмеялись надо мной в баре, я решила не говорить им о том, с кем именно у меня завязался «курортный роман», если это можно было так назвать. Правда, с Алексом я все же поделилась. Ну нельзя же вечно молчать. Тем более, после тех глупых событий с Эшли мы договорились доверять друг другу всё и больше не врать.

– Алекс, ты не поверишь! – говорила я, пытаюсь застегнуть замок на новом платье.

– Давай помогу, – он подошел, медленно убрал волосы и положил их мне на плечо.

Затем застегнул замок. – Не поверю в то, что твой «таинственный незнакомец» – это Кристиан Стефан?

– Что?! Откуда ты знаешь? – ошеломленно воскликнула я.

– Видел вас тогда у бара. После его выступления. Кстати, выглядишь потрясающе.

– Спасибо. Надеюсь, Крису понравится...

– Как же... Крису понравится... – еле слышно сказал Алекс. Я этого не слышала.

– Алекс! – я импульсивно отпрыгнула от зеркала и села на кресло. – Как ты мог молчать? А я так себя изводила, потому что никто не знает и поэтому даже поговорить не с кем! Вот ты зараза скрытная, – я толкнула его плечом и улыбнулась

– Ой, кто бы говорил! – он улыбнулся в ответ.

– Слушай, ну раз ты теперь все знаешь, можно спросить у тебя совета? Мне немножко неловко, но спросить больше не у кого... Ну, если ты не против, что я буду говорить о Криси с тобой.

Алекс был против. Черт, да конечно, он был против! Но только он, снисходительно улыбнувшись, ответил:

– Мы ведь лучшие друзья, Мишель. Ты можешь рассказать мне обо всем.

– В общем, я даже не знаю, с чего начать... Сегодня Крис пригласил меня к себе в особняк. Сказал, у прислуги выходной, и мы сможем побыть наедине... Ну, ты понимаешь, к чему это все идет. Это просто курортный роман, да и знаю я его всего лишь неделю... Но, понимаешь, – я положила ладонь ему на руку, – кажется, он и правда хороший, и мне он нравится.

Алекс вытащил свою руку из-под моей и спросил:

– А с чего ты так уверена, что он хороший? – выделив слово «хороший», сказал

Алекс, – У таких как он обычно слишком много не самых приятных привычек, а ещё больше – тайн.

– Не носи ерунду, – возмущилась я. – Ты ведь его не знаешь.

– О, а ты будто бы знаешь! Да ты у него одна из сотни. Просто очередная жертва!

– Вечно ты все портишь! Я сбежала от занудных родителей, но, как оказалось, не сбежала от тупых наставлений. Я просила совет, а не отцовское поучение. Спасибо, друг!

– Хочешь совет? Не стоит тебе общаться с этим Стефаном. Вот тебе мой совет. И уж тем более не стоит прыгать к нему в постель при первой удачной возможности.

– Ну, знаешь, Алекс, не на такой совет я рассчитывала... Может, в чем-то ты и прав, но точно не сейчас. Это Майами, мне почти восемнадцать, и я хочу и буду развлекаться!

– Хочешь развлекаться? Валяй! Постель Кристиана ждет!

– А, я, кажется, поняла, почему ты так реагируешь, – я подошла к Алексу и ткнула пальцем ему в грудь. – Да просто ты никого себе не можешь найти. Вот и завидуешь тому, что в меня влюбился известный певец.

– Я? Завидую? – Алекс демонстративно засмеялся.

– Знаешь, что? Смейся сколько хочешь. Я уйду! Туда, где мне никто не будет давать тупых советов, – я взяла сумочку со стола и быстро вышла, хлопнув дверью.

На такси я добралась до особняка. Правда, он находился на холме, поэтому нужно было ещё немного пройти по асфальтированной тропинке. Дом Кристиана находился на северной окраине Майами. Неподалеку стоял какой-то маленький, старенький бар. Из него вывалился мужчина. Несмотря на разбитый вид, грязную одежду и бутылку пива в руке, этот алкоголик показался мне подозрительно знакомым. Я подошла чуть поближе, и когда он ступил в светлый круг под фонарем, я узнала в нём своего преподавателя из режиссёрского лагеря – мистера Говарда Джонсона.

«Что за?»

– Мистер Джонсон? – я неуверенно сделала шаг в сторону покачивающегося персонажа, выпавшего из дверей бара. – Мистер Джонсон, это вы? – сказала я смелее и громче.

Персонаж посмотрел на меня.

– Мишель? – вопросительно скривив лицо, спросил он. – Ох, чёрт, – он опустился на лавочку, поставил бутылку и закрыл руками лицо. – Прости, что тебе приходится видеть меня таким.

Я села рядом с ним.

– Да, ничего... Это же Майами, здесь всякое бывает, – ободрительно добавила я.

Он поднял голову и посмотрел на меня с грустью в глазах.

– Да... Это Майами... Этот город пережевал меня и выплюнул. Как и все остальные уголки этого мира. Ну? Что дальше? – он задавал вопросы то ли сам себе, то ли мне, то ли кому-то воображаемому, кто стоял рядом.

– Что произошло? – выдавила из себя я. Спрашивать о том, почему твой преподаватель похож на алкоголика без гроша за душой, немного неловко.

– Ох, Мишель. Это долгая история. Уверен, ты торопишься и тебя не привлекает перспектива слушать спившегося учителя на лавочке возле старого бара.

Я оглянулась на особняк. Там меня ждал Крис. И это была моя жизнь. Но в тот момент мне почему-то гораздо важнее казалась жизнь мистера Джонсона.

– Совсем не тороплюсь, – я улыбнулась. – Вы еще не знаете, но я очень хороший слушатель.

Мистер Джонсон посмотрел на меня своими по-отечески добрыми глазами и рассказал всё то, что происходило с ним до того, как мы познакомились в режиссерском лагере. Рассказа о приюте, строгой мисс Джонсон, своих скитаниях по Англии и кардинальном шаге её покинуть. После той смены, как оказалось, работа в лагере для Говарда Джонсона закончилась. Его, как преподавателя, якобы не уследившего за подопечными, обвинили во всех смертных грехах и уволили. Слишком одинок был Говард, чтобы стерпеть и это. За время работы в лагере он накопил немного денег – тратить их ему было не на что, да и не на кого. Тогда он решил развлекаться так, будто бы живет последний свой год на этой планете.

– Хотя, если быть честным, я и правда частенько задумывался о самоубийстве... Так вот. О чём я... Взял все свои деньги, сначала зависал в барах, пытаюсь найти девушку, которая сможет меня вытерпеть. Ты уж прости, что я о таком говорю... Потом съездил в Вегас. Выиграл в казино несметную сумму денег. А меня обвинили в мошенничестве. Но ведь мне просто везло. Везло как никогда. Вечером в гостиницу пришли двое парней и обобрали меня до ниточки. Забрали даже то, что им никогда и не принадлежало. Забавно, правда?

После этого Говард автостопом через полстраны добрался до Майами. По дороге поработал в забегаловках, наскреб немного денег. И вот, сейчас он здесь.

– Такой жалкий. Грязный. А ведь мне всего тридцать пять. Черта с два, всего тридцать пять!

Я слишком много в жизни сделала плохих и глупых поступков. Но сейчас я точно знала, что нужно сделать. После всей этой истории, я просто должна была помочь мистеру Джонсону. И ничего умнее мне в голову не пришло, кроме как предложить ему хотя бы на время перебраться к нам в домик.

«Да уж, Грэйс меня убьет».

– Мистер Джонсон, у меня есть предложение, от которого вы не сможете отказаться! Не сможете не потому, что оно очень крутое, а потому, что я просто не разрешаю вам отказываться. В лагере вы помогли мне, теперь настала моя очередь.

Через упрасивания и долгие уговоры я всё-таки его убедила. Вы бы видели его глаза в тот момент. Такие счастливые.

Я посмотрела на часы. Уже полночь. От Криса ни одного сообщения. Забыл, наверное. В любой другой момент я бы, пожалуй, обиделась, но сейчас я была даже рада, что он забыл.

– Грэйс, – нерешительно крикнула я, когда мы вошли в дом.

– Мишель, ну что такое? Я готовлю лазанью, – она вышла в коридор в фартуке и изумленно посмотрела на нас. – А это что ещё за...

– Только не злись сильно, – не дала ей закончить предложение я. – Это мой преподаватель из режиссерского лагеря. Помнишь? Ты меня сама туда отправляла. Можно, он немного поживет здесь? Ну пожалуйста-пожалуйста!

Грэйс улыбнулась и сказала:

– Я обещала этот дом тебе и Алексу, так что вам распоряжаться им. Пусть живет. Я достану раскладушку из кладовки. Кстати, об Алексе. Разве он не с тобой?

– Грэйс, ты самая лучшая! – я бросилась её обнимать. – Алекс? Не знаю. Да и не хочу знать, – добавила я тихо. – Знакомься, Говард Джонсон, – указала я на мужчину, скромно стоявшего в углу. – Говард, это моя бывшая школьная учительница. Грэйс Уоррен.

Говард поднял глаза и пристально посмотрел на Грэйс.

– Говард, очень приятно.

Грэйс посмотрела на него так, как раньше ни на кого не смотрела. Так пристально, глубоко, живо, искренне. Она будто бы встретила настолько родственную душу, что трёх слов хватило, чтобы понять: да, это он.

– Ну что ж, будем знакомы. Грэйс, – сказала она, оправив фартук и ушла на кухню.

Глава 43

Алекс вернулся около двух часов ночи. И вернулся не один. С ним был Джо. Оказалось, после нашей вечерней ссоры он поехал в «Океан», развеяться, и встретил там никого иного, как нашего любимого Джонни Маджони. Алекс долго рассказывал ему про нашу ссору и очень много пил. В итоге, домой они приехали вместе. Точнее, Джо буквально втащил Алекса в дом. Тот не мог не то, что слов связать, он и ходить то, кажется, разучился.

– Джо? Боже мой, что за потрясающие каникулы! – я выбежала в пижаме и бросилась ему в объятия.

Вышла Грэйс.

– Грэйс, это Джо. Мой друг – нарко... В смысле, доктор. Да, Джо – доктор, – я посмотрела на него, улыбнулась и пожала плечами. Он засмеялся и протянул руку Грэйс.

– Джонни Маджони. Очень приятно. Я тут вашего парня притащил. Ему бы в ванную перебраться.

– Нас здесь много, как-нибудь справимся, – поправляя лиловый шелковый халат, сказала Грэйс. – Может, пройдешь? Было бы глупо с моей стороны не пригласить в гости хорошего человека. Тем более – я приготовила огромную лазанью. Кому-то же её нужно есть, – она улыбнулась.

– Буду рад поесть твою лазанью, – сказал Джо, и они с Грэйс ушли на кухню.

Алекс стоял рядом с входной дверью, облокотившись на стену.

– Ну, привет что ли, – протянул он.

– Алекс, – я посмотрела его и улыбнулась. – Горе ты моё пьяное. Ну зачем же так пить то? – я взяла его за пояс и повела в ванную. – И всё-таки ты был не прав. Насчет моей поездки к Крису.

– А, ты всё-таки поехала к этому придурку!

– Ну, придурок он или нет, вопрос спорный. Вообще, я до него так и не дошла, – сказал я, когда мы зашли в ванную. – Ты не поверишь, я встретила своего преподавателя из режиссёрского лагеря – мистера Джонсона. Помнишь, я тебе о нем рассказывала? – я расстегивала грязную рубашку Алекса, он сидел, навалившись на кафельную стену.

– Спасибо, – сказал Алекс.

– За что?

– За то, что ты есть. Спасибо тебе.

Я молча улыбнулась и посмотрела ему в глаза.

В своём воображении Алекс уже притянул её к себе и нежно поцеловал. Так, как может целовать только человек, что искренне любит. Но вдруг она сказала:

– А для чего ещё нужны друзья.

И он ответил, будто бы и не думал секунду назад о том, как хочет её поцеловать.

– Да, для чего ещё нужны друзья, – и наигранно улыбнулся.

– Ну вот, – я натянула на него чистую футболку, – как новенький. Последний штрих, – смочив руку под струей воды, я брызнула ему в лицо. – Готово. Вставай, – я потянула его за руку и отвела в комнату. Потом пришла на кухню. Там сидели Джо, Грэйс и мистер Джонсон, пили вино и ели лазанью.

– Ты потрясающе готовишь, – сказал мистер Джонсон. – Ещё раз спасибо, что позволила остаться здесь. Не знаю, что бы я делал, если бы Мишель не встретила меня в баре возле особняка этого... Как его там? Кита, Кента, Кристофера...

– Кристиана Стефана, – сказала я, подходя к барной стойке.

– Чего это тебя понесло на ночь глядя в такую даль? – спросила Грэйс.

– Да так, прогуляться захотела...

– В таком красивом платье? – спросила Джо. – Рассказывай давай.

– Ну... Ладно. – Я залезла на высокий барный стол, взяла бокал, налила в него вина, и сказала: – Я встречаюсь с Кристианом Стефаном, – и тут же сделала глоток.

– Что, прости? – Грэйс подняла брови и удивленно разула глаза.

– Ого, а я многое пропустил, – сказал Джо.

– Только, пожалуйста, никому не говорите!

– Ты бы была поосторожнее с этим Стефаном. Про него многое поговаривают, – заметил Джо.

– И ты туда же...

– А знаете, что, друзья, – залпом допив содержимое своего бокала, сказал мистер Джонсон, – вы, конечно, неизменно правы... Но ведь это Майами! Здесь не нужно думать, здесь нужно делать. Давайте позволим Мишель самой решать. К тому же, этот Кристиан, кажется, невероятно популярен и богат. Пусть девочка повеселится. Прав я или нет?

– Это мудро, но я бы всё равно советовала тебе быть осторожнее, – сказала Грэйс.

– Брэй, ты же умная, – начал Джо – Глупостей не совершишь. Ну, а если всё-таки совершишь, ты знаешь, кому звонить, – он подмигнул и разлил по бокалам оставшееся вино.

– За Майами! – сказал мистер Джонсон и поднял бокал. Раздался звон, а на лицах засияли счастливые улыбки.

Вокруг меня происходило столько событий, что всё это, скорее, было похоже на какой-то фильм, чем на реальную жизнь. За мной ухаживал известный певец, да к тому же просто красавчик, Кристиан Стефан, я жила с лучшим другом, бывшей учительницей и мистером Говардом в шикарном доме на берегу океана. С нами в городе отдыхали ребята из «Форджес» и незаменимый друг и товарищ – Джо. А чего только стоило наблюдать за Грэйс и Говардом, которые хотя и жили в своих маленьких мирках и общались только иногда, и то – по делу, ходили как токком пришибленные. Между ними явно что-то было. И я ужасно радовалась этому. Они слишком хорошие люди, чтобы жить в одиночку. И я всеми правдами и не правдами каждый раз пыталась свести их, оставить наедине или устроить им тайное свидание.

Алекс на следующее утро после своей феноменальной пьянки чувствовал себя отвратительно. Джо уехал в местную больницу к своему другу – тоже хирургу. Говарда и Грэйс я отправила в галерею. Вообще, мы собирались сходить туда с Алексом, но из-за его жуткого похмелья я весь следующий день провела в роли сиделки. К вечеру ему стало лучше. Грэйс и Говард вернулись. Оба какие-то слишком взбудораженные и веселые. Я не стала спрашивать, что с ними такое, но и дураку было понятно, что день они провели отлично. Ребята из «Форджес» сегодня как обычно отдыхали в «Океане», поэтому я решила отправиться к ним. Я передала Алекса, который каждую минуту благодарил меня за то, что я осталась с ним, и извинялся за «себя дурака», на попечение Грэйс, и, надев легкие голубые джинсы, босоножки на платформе, розовый топ и белый жакет, поехала в бар.

С Кристианом мы не связывались со вчерашнего вечера. У меня не было свободной минуты ему написать, но он тоже «хорош». Ни разу не позвонил и не спросил, всё ли у меня в порядке, ведь в тот вечер до его особняка я так и не дошла.

«Похоже, всё-таки забыл».

– Мишель! – в «Океане» меня встретили бурными возгласами.

– Садись к нам, – позвала меня Одри. – Сейчас будет выступать он!

– Кто? – быстро спросила я.

– Как кто? Кристиан Стефан, – сказал Алан не без явного восхищения.

– Чёрт, – глазами я начала осматривать сцену. Я увидела Криса возле левого края, он настраивал гитару. Он поднял глаза и заметил меня. Улыбнулся. Достал телефон из кармана своей знаменитой куртки (я, как и обещала, вернула ему её на втором свидании) и набрал что-то. Потом помахал мне телефоном. Я проверила свой мобильный. Там было сообщение:

«Куда ты пропала вчера вечером? Прости, что не позвонил. Я ждал тебя до двенадцати, а потом пришлось улететь в Вашингтон. Мой агент заставил меня сорваться с места для подписания дурацких бумаг».

Я ответила:

«Ничего страшного. Я встретила давнего знакомого, и всё настолько закрутилось, что спокойно выдохнула я только сейчас».

Ответное сообщение было таким:

«Поедем сегодня после концерта ко мне?»

Я прочитала, посмотрела на Криса и ничего не ответила.

– Встречайте, для вас поет Кристиан Стефан! – объявил ведущий. Крис вышел на сцену. Но то, что он сделал дальше, удивило всех.

– Народ, привет! – он помахал рукой. – Вы ещё не знаете, но у меня кое-кто появился. И она прекрасная девушка, – он посмотрел на меня, – такая чуткая, добрая, нежная. И она сегодня здесь. В общем, Мишель, эта песня для тебя, – он улыбнулся и начал наигрывать на гитаре знакомую мелодию. Я вспомнила, как несколько дней назад мы сидели в его репетиционном зале, и Крис играл мне мелодию своей новой песни «Влюбиться по щелчку пальцев».

– Мишель?! Мишель?! – Одри кричала и размахивала руками.

– Так вот, кто твой таинственный незнакомец! – чуть ли не визжал Алан.

– Ого! – удивленно протянула Деб. – Брэй, да ты отхватила лакомый кусочек.

Они говорили наперебой. А я слушала песню. Кристиан пел, смотрел на меня и улыбался. В этот момент всё то, что говорили Джо, Алекс и Грэйс, стало таким неважным. Когда он допел, зрители громко зааплодировали. Они визжали, кричали и топали. Крис сказал:

– Друзья, я бы очень хотел остаться с вами. Я знаю, что вы ждали шоу... Мой агент меня убьет, но, чёрт возьми, сегодня у меня есть дела поважнее, – он посмотрел на меня и подмигнул. Скинул гитару, отдал её недоумевающему барабанщику, подбежал ко мне, взял за руку и утащил прочь из бара.

– Да, – сказала я, когда мы вышли из «Океана».

– Что да?

– Поедем к тебе в особняк, – я улыбнулась.

Он подал мне шлем, мы запрыгнули на красивый и ужасно дорогой мотоцикл и улетели навстречу ветру.

Ту ночь я провела у Криса. Я решила использовать все шансы, которые подкидывало мне это бурное лето в Майами. Утром я проснулась на огромной кровати с балдахинами. Потрясающе красиво. Не верилось, что я здесь. Криса не было. Я встала, натянула джинсы и накинула жакет. Подошла к зеркалу, собрала волосы в хвост, достала из сумочки, лежавшей на комод, помаду и накрасила губы. Дверь открылась. Вошел Крис. В своей фирменной куртке, с мотоциклетным шлемом в руке.

– Наконец-то, ты проснулась. Уже одиннадцать. Я успел прокатиться по утренним дорогам и...

– Что? Ого. Наверное, мне пора бежать домой.

– И купил нам завтрак. Так что никуда ты не пойдешь, – он обнял меня и нежно поцеловал в лоб.

– Хорошо. Десять минут на завтрак, и ты отвозишь меня домой. Сегодня мы с ребятами собирались съездить в «Джангл Айленд» и договориться насчёт вечеринки.

– Так-так, что за вечеринка, на которую меня не пригласили?

– Как это не пригласили? Я приглашаю тебя прямо сейчас. Крис, а ты сможешь там выступить? Ну, пожалуйста-пожалуйста!

Он улыбнулся и сказал:

– Для тебя всё, что угодно.

Когда я приехала в наш уютный домик, на кухне меня ждала целая коалиция.

– Куда ты пропала? – твердила Деб. – Я отправила миллион сообщений!

– Мишель, не забывай, что ты ещё несовершеннолетняя, и в случае чего твои родители меня по стенке размажут за то, что посоветовала тебе эту поездку, – возмущенно добавила Грэйс.

– И вообще, мы уже опаздываем в «Джангл Айленд»! – сказал Алан. – Собеседование было назначено на час.

– Да что вы на неё накинудись, – встала на мою защиту Одри. – Девочка просто развлекалась, – она окинула меня хитрым взглядом и приподняла брови.

– Простите, ребят! У меня разрядился телефон и я никак не могла вам ответить! Мы сейчас же поедем в парк. Всё будет хорошо! Вы, главное, не волнуйтесь!

– Так, ребята, не знаю, где Мишель черти носят, – из комнаты выбежал Алекс, завязывая галстук.

– Ого, – вырвалось у меня.

Алекс поднял глаза.

– О, Мишель. А вот и ты. Знаешь, что опаздывать на деловую встречу нехорошо?

– Ой, Алекс, кто бы говорил, – сказала Одри. – Наряжаешься так, будто бы это твоя вечеринка. – Она посмотрела на меня. – Да уж, выглядишь ты не лучшим образом. Так, ладно! Хватай чистые вещи и косметичку. По дороге приведем тебя в порядок!

Я ещё никогда не переодевалась на заднем сидении машины. У меня чуть не улетела шляпа, а сама я чуть не выпала на крутом повороте. Но у Одри работа была потруднее. Я не знаю, как, но она смогла идеально накрасить меня в такой тряске. Ещё и прическу сделала на скорую руку. Так что, когда наша делегация гурьбой вывалилась из автомобиля у ворот парка, я уже выглядела так, будто бы секунду назад у меня была фотосессия для обложки «Форбс». Да уж, Одри знает своё дело. Ну, или она просто ведьма.

Помните, когда мы были здесь в первый раз, я в шутку сказала про вечеринку? Так вот. Дебби и правда арендовала огромную аквазону парка, чтобы провести тусовку. И, угадайте, на кого выпала вся ответственность? Бинго! «Форджес» гнался за мной по пятам весь отдых и вот, наконец, догнал. Хотя, на самом деле, я была даже рада этому шансу. После благотворительного вечера я не организовала ни одного мероприятия, и, как оказалось, жить без работы очень и очень скучно. Мне, конечно, нравилось загорать на пляже, выпивать с друзьями в баре, ходить на свидания, заниматься шоппингом и ничегонеделанием. Но за полгода я настолько втянулась в работу организатора, что даже здесь, в Майами, в своём заслуженном отпуске, я как никогда обрадовалась возможности спланировать вечеринку самостоятельно.

– Патрик Сандерс, управляющий парком, – худой светловолосый мужчина с орлиным носом и тонкими губами, протянул мне руку. На нём был красивый синий костюм.

– Мишель Брэй, менеджер агентства «Форджес».

– Наслышан о вас и вашем агентстве, – он приятно улыбнулся и предложил пройти в офис, а к ребятам приставил гида, чтобы те смогли хорошо осмотреть всю территорию аквазоны.

– Итак, Мишель, – сказал он мне, присаживаясь в большое белое кожаное кресло, – у себя в городе вы планировали вечеринки достаточно высокого уровня. Наш парк посещают сотни туристов и, как вы уже поняли, нужно показать его в лучшем свете.

– Не беспокойтесь, мистер Сандерс, – я положила на стол синюю папку. – Здесь всё: планы зонирования, список продуктов, алкоголя и курительных смесей, список выступающих артистов и возможных vip-гостей. Так же мы прописали смету на аренду оборудования, покупку украшений, посуды и прочего, приглашение ди-джея и ведущего.

– А я вижу, вы основательно подготовились, – Патрик Сандерс посмотрел на меня с уважением. И я вам скажу, это очень хороший взгляд. От него начинаешь чувствовать себя увереннее.

– Работая в «Форджес», порой, приходится писать огромные сценарии за ночь и искать ди-джея за час до концерта, о чём вы говорите... Так вот, если говорить в общих словах, то здесь, – я открыла папку и ткнула пальцем в схему, – мы разместим ледяную горку для шампанского, а слева от неё...

Глава 44

Наступил день икс. Приглашения vip-гостям уже были разосланы, а в каждом втором популярном Интернет-сообществе красовалась афиша нашей вечеринки. По предварительным подсчетам, она должна была собрать около полутора тысяч человек.

– Уберите этот баннер отсюда или вообще спрячьте его подальше, – говорила я рабочим, которые пытались повесить над входом растяжку с надписью «Vivat». – Нет-нет, я не тебе, – затараторила я в микрофон (для удобства я надевала на мероприятия микрофон-рацию, чтобы связываться со всеми подразделениями). – Ты всё сделал правильно. И да, включи музыку. Кажется, народ уже собирается.

– Мишель, нужна помощь? – ко мне подлетел Алекс.

– Я же сказала – чёрные стулья. Чёрные! Не знаю, как, но сейчас же исправьте это.

– Что, прости?

– А, Алекс, это ты, – сказала я, обратив внимание на друга. – Да не тебе я, идиот, – грубо рявкнув в трубку, я добавила: – Честно? Ты ничем мне не поможешь. Сейчас ты только мешаешь. Иди развлекайся, а я пойду работать. Не будем мешать друг другу делать то, что умеем лучше всего, – сказав это, я стремительно отправилась к водным горкам. – Да, да, да... Уже иду, – говорила я в микрофон.

Оставшись наедине с самим собой, Алекс начал обиженно бормотать и парадировать Мишель:

– Ты только мешаешь! Иди развлекайся, а я работать! Да и пошла она, – сказал он и отправился к бару.

Через полчаса и четыре выпитых мартини Алекс танцевал под популярные хиты, бьющие по мозгам, в центре танцпола. Людей оказалось так много, что то и дело он спиной или рукой задевал танцующего соседа с банкой пива или очаровательную соседку в открытом топе и коротеньких шортиках.

– Прости! – крикнул он, когда в очередной раз толкнул плечом девушку слева.

– Ничего! – крикнула она и продолжила танцевать. Теперь они уже стояли друг напротив друга и двигались в такт очередной клубной песни. – Я Сара! – крикнула она через несколько секунд.

– Алекс! – ответил он ей. Пораскинув мозгами, Алекс решил, что сделает именно так, как сказала ему Мишель. Он будет развлекаться. Поэтому, недолго думая, он, пытаясь перекричать музыку, предложил: – Не хочешь выпить?

– С радостью, – ответила Сара. Он взял её за руку и вывел из массы качающихся в такт танцующих зомби.

– Мне, пожалуйста, мартини, а для девушки... – он вопросительно посмотрел на неё.

– Пина коладу, будьте любезны, – она посмотрела на Алекса и улыбнулась. Он заметил, что у неё идеально ровные белоснежные зубы. А сама она будто бы сошла с обложки журнала. Уложенные аккуратными объемными волнами, короткие светлые волосы, чуть выше плеч, розовые пухлые губы и накрашенные розовыми блестящими тенями веки. Длинные ресницы, густые брови, миниатюрный носик, как у фарфоровой куклы, небольшие уши, а в них – маленькие хрустальные сережки-гвоздики. На ней была короткая джинсовая юбка на замке и заправленная в неё серая футболка. На шее висел маленький серебряный кулон. Сара взяла свой коктейль и сделала первый глоток через розовую трубочку.

– Увидел приглашение в Интернете?

– Что ты сказала? – Алекс увлекся рассматриванием её кулона, который представлял из себя какую-то надпись, и совсем не услышал, что она сказала.

– Я спросила, ты увидел приглашение на вечеринку в Интернете? Или ты VIP-гость? – она захохотала.

– Ну, можно и так сказать. Моя подруга организует этот вечер, и я просто не мог на него не прийти.

– Так у тебя есть подруга? – строго спросила она.

– Нет-нет, что ты. Мы с ней друзья с детства. А у тебя...

– Есть ли подруга? – она снова захохотала. – Скорее уж друг. Но нет, у меня никого нет.

– Рад это слышать. Ты не подумай, это не значит, что я сейчас на тебя наброшусь или что-то вроде того, – начал оправдываться Алекс, а Сара засмеялась. Она вообще была такой беззаботной и постоянно смеялась.

«Как Мишель», – подумал Алекс.

– Не хочешь посидеть в более тихом местечке? Здесь ужасно громкая музыка, у меня уже голова раскалывается, – сказала Сара.

– Конечно, – ответил Алекс. Оглянувшись, он остановил взгляд на небольшой палатке. В ней были диванчики, телевизор и настольные игры. Там обычно проводили время те, кому идея покататься с водяных горок казалась сумасшедшей. Сегодня эта палатка была закрыта, но это оказалось единственным местом, где можно было спрятаться от шумной вечеринки. – Пойдём, – он потянул Сару за руку, и они быстро и незаметно прокрались в небольшую коричневую палатку. Лампы там не было, но темнота не была кромешной: свет уличных фонарей проникал сюда через небольшие окна.

– Вот мы и одни. И музыку почти не слышно, – сказал Алекс.

– Чёрт! Я забыла свой коктейль, – грустно сказала Сара и соскочила с дивана. – Вот я дурочка. Ну ничего, я мигом! – сказала она и отправилась к выходу.

– Я сам схожу, – Алекс быстро встал с дивана и преградил ей путь.

Они стояли друг перед другом на минимальном расстоянии. Было так тихо, что он слышал её дыхание. Ещё один вдох. Она смотрит ему в глаза и прикасается своими пухлыми розовыми губами к его губам. Он обнимает её за талию. Она делает движение, пытается стянуть с него футболку, но в этот же момент он отпускает и отталкивает её.

– Прости, – говорит он подавлено. – Прости, пожалуйста.

– Что не так? – Сара подходит к нему ближе.

– Я так не могу. Ты красивая. Даже очень красивая, Сара. Но я люблю другую девушку. Без памяти люблю.

– Ты любишь её, – она грустно улыбнулась. – Ты любишь свою подругу. Я права?

Он поднял на неё глаза, и она всё поняла.

А теперь посмотрим, что же происходило в это время у барной стойки. Там сидела Дебби Уинфлоу и лениво потягивала коктейль. К ней подошел Алан.

– Ну, наконец-то, хоть кто-то знакомый. Здесь что, сплошные школьники тусуются? За всё время, что я тут сижу, никто ещё не подбежал ко мне и не воскликнул: «Это же Дебби Уинфлоу!», – говорила Деб, медленно размахивая рукой, а в другой держа бокал. – Я, что, старею?

– Милая моя Деб, ты? Стареешь? Да быть того не может! Ты и в шестьдесят будешь так же прекрасна, как сейчас.

– Ой, не говори об этом страшном возрасте. Что же я буду делать? Я только и умею, что вечеринки устраивать и пить столько, сколько всем им, – она показала на танцующих людей, – и не снилось. А кому я буду нужна в шестьдесят? Бабушка, которая устраивает вечеринки в доме престарелых? Такая себе перспектива. Хорошо, что у меня есть ты, Одри и Мишель...

– Вот насчёт этого, Деб... – нерешительно начал Алан. – Я должен тебе кое-что сказать. Не уверен, что ты обрадуешься, но...

– Да говори уже.

– Я уезжаю в Нью-Йорк. Открою там свое агентство. Только, Деб, ты не подумай ничего плохого! Я ужасно люблю «Форджес», тебя, Мишель, Одри, но мне пора двигаться дальше. Мне страшно, грустно, больно бросать всех вас, но мне и правда нужно сделать новый шаг. Я понимаю: если не сейчас, то уже никогда. И я искренне надеюсь, что ты меня поймешь и даже поддержишь.

– Фергюсон, ты просто... Просто олень. И за то, что ты нас бросаешь, я на тебя в обиде, – сказала Деб. Через пару секунд она добавила: – Но это правильное решение. Тебе нужно это больше, чем кому бы то ни было. Когда ты уезжаешь?

– Работать мы начнем с сентября. Но вещи я повезу уже на следующей неделе. Нужно обосноваться, сделать небольшой ремонт, поискать клиентов.

– То есть, в «Форджес» тебя уже не ждать... Хорошо. Я рассчитаю тебя в августе и переведу тебе деньги на карту, – сквозь зубы выдавливала Деб. – Надеюсь, у тебя всё получится, Алан Фергюсон, – она грустно улыбнулась. Он посмотрел на неё, кивнул головой и чуть не заплакал. Потом крепко обнял её.

– Спасибо тебе. Ты лучший начальник на планете и лучший в мире друг.

Алан ушел, а Деб осталась сидеть за барной стойкой. Вместо фруктового коктейля она теперь пила виски. Впервые она не сходила с ума, как обычно делала это на всех вечеринках. Лишь смотрела на танцпол и думала о том, чего же она добилась.

– «Форджес»? – спросила она сама у себя. – Ну и что он мне принес, кроме бессонных ночей, испорченного здоровья и потраченных нервов? Мне двадцать семь, и на горизонте... Да ничего там нет. Как нет и мужа, детей, – она опустошила стакан. – Хочу прятать подарки под елкой и разжигать камин в Рождество, а не вот это всё.

– Вы слишком много пьёте, – сказал подсевший к ней мужчина. – Неужели такие красивые девушки заливают горе алкоголем? Точнее так: неужели у таких красивых девушек вообще есть проблемы?

Деб посмотрела на внезапно возникшего собеседника и сразу же выпрямила спину, поправила волосы и отодвинула стакан. Перед ней сидел молодой, привлекательный, мужчина в дорогом солидном костюме синего цвета с черной рубашкой и темно-синим галстуком.

– По правде говоря, ваш костюм слегка не вписывается в дресс-код этого праздника, – ответила ему Деб. – Спасибо за комплимент. И да, у красивых девушек бывают проблемы.

У незнакомца были короткие каштановые волосы, аккуратная темная борода, отчетливо выделявшиеся скулы и квадратный подбородок, тонкие губы и глубокие синие глаза с длинными ресницами. Он посмотрел на неё и расплылся в улыбке.

– Мой агент заставил меня прийти сюда. Хочет, чтобы я бывал на «молодёжных тусовках». Якобы это способствует моему имиджу.

«Ого, у него есть собственный агент. Видно, он большая шишка», – тут же подумала Деб.

– Ваш агент? – спросила она. – И зачем же вам имидж тусовщика?

– Я занимаюсь видеоиграми. А их ведь покупают только школьники и студенты. Вот и приходится ходить на тусовки. Честно, я не любитель такого рода развлечений, но агент яро убеждает: одна-две вечеринки, пара хороших фото от всемогущих папарацци, и мы на вершине Олимпа, а наши видеоигры разлетаются как горячие пирожки. А вы, прекрасная леди, чем зарабатываете на жизнь?

– Вам очень не повезло познакомиться со мной, – ухмыльнулась Деб. – Я зарабатываю этим, – она провела рукой перед собой. – Я организую вечеринки. На этом вечере всего несколько человек, которые организуют вечеринки, а вас угораздило познакомиться именно со мной, – сказала она, как бы предвещая скорый конец их беседы.

– Что вы. Я не люблю вечеринки, но кто сказал, что я не люблю тех, кто их устраивает? – он подмигнул ей. – К слову, я так и не узнал ваше имя да и сам не представился. Рад знакомству, Жак.

– Дебби.

– Мы же не так стары. Может, перейдем на ты?

– Мне двадцать семь, а я чувствую себя на все сорок, – саркастично заявила Деб.

– А мне тридцать один и я с уверенностью могу сказать: жизнь после тридцати не так плоха. Тем более, ты слишком красивая, и даже если бы тебе было сорок, я бы подсел к тебе.

– Льстишь, – улыбнулась Деб.

– Я не умею льстить, – ответил Жак. – Послушай, Дебби, а какая у тебя есть мечта?

– Дай подумать... Хочу рвануть в кругосветное путешествие.

– Когда-нибудь я обязательно рвану с тобой в кругосветку, – на полном серьезе заявил Жак.

Деб рассмеялась. Так глупо и несерьёзно это прозвучало.

Так они разговаривали ещё долго. Потом Жак отвёз Деб домой в своём «бентли».

Дебби была приятно удивлена встрече с таким мужчиной.

«Образованный, красивый, богатый и... Одинокий? Чересчур идеально, чтобы быть правдой», – думала она. Но это было правдой.

Деб гораздо лучше, чем думает о себе сама. Она привлекательная, умная, находчивая, сильная. Одним словом – потрясающая. Поэтому Жак и подошел к ней в тот вечер. Вообще, он мог заполучить любую девушку, которая знала, сколько денег в его кошельке и на какой машине он ездит. Но в том то и дело. Деб была слишком самостоятельной, чтобы клюнуть на деньги. А потому – в первую очередь видела в нём того, кем он являлся. И он это сразу понял.

Глава 45

Джо позвонили. Музыка играла слишком громко, поэтому чтобы услышать своего собеседника, ему пришлось уйти к палатке, где в то время находились Алекс и его новая знакомая. Случайно Джо стал свидетелем того, как Алекс и Сара поцеловались, и как потом Алекс оттолкнул её. Джо и раньше видел, как Алекс смотрит на Мишель. Но теперь для него всё прояснилось. Он решил поговорить с ним после вечеринки, но тот, кто ему позвонил, заставил Джо немедленно покинуть аквапарк.

– Джо, привет, – сказал голос в телефонной трубке. Говорил его друг-хирург из местной больницы. – У меня плохие новости. В одном из клубов в центре города случился пожар. Много пострадавших. Больница просто ломится. Понимаю, что ты в отпуске, но нужна твоя помощь.

– Да, да, конечно, – говорил Джо, наблюдая через маленькое окошко сцену, происходившую в палатке. – Уже еду.

Джо так и не поговорил в тот вечер с Алексом. Слишком многое тогда произошло. Так что он решил отложить этот разговор.

Приехав в больницу, Джо немедленно накинул халат и бросился к операционной. Медсестра передала ему список пострадавших. На полпути он резко остановился. Его рука задрожала.

– Джо, что с тобой? – к нему подлетел его друг. – Ты нужен нам в операционной! Срочно!

– Это мой знакомый, – он указал пальцем в листок. – Это брат моей подруги. – На листе было написано имя Хавьер Кендал.

Друг посмотрел на Джо понимающим взглядом и сказал:

– Тебе лучше ей позвонить. Он в тяжелом состоянии. Насчет пациента в операционной не волнуйся – я всё сделаю сам.

Одри зажигала в толпе незнакомых ей парней и пила разноцветный коктейль. Телефон у неё был в сумке, и из-за громкой музыки она не слышала звонков Джо. Когда она достала мобильник, чтобы сделать фото со своими новыми друзьями, увидела много пропущенных.

– Да чёрт с ними, – весело крикнула она. – Потом перезвоню, – она включила камеру, и в тот момент, когда все в кадре дружно улыбнулись, на экране телефона высветилась только что пришедшая смс:

Улыбка на лице Одри тут же пропала. На глазах выступили слёзы. Она схватила лежащую на стуле сумку и, ни слова никому не сказав, побежала к выходу из парка. По пути она вызвала такси, и уже через пятнадцать минут с растерянными видом вбежала в больницу.

Как выяснилось позже, причиной пожара в том клубе стала неисправность проводки. Брат Одри, девятнадцатилетний студент технического колледжа Хавьер, приехал в Майами с сестрой. Здесь он хотел провести лучшее лето в своей жизни. Каждый день – какая-нибудь вечеринка, фестиваль, поход в новое место с компанией таких же туристов, как и он: молодых, веселых, любящих алкоголь и приключения. Но в тот вечер Хавьеру не повезло – он оказался в том злополучном клубе. Вечер как всегда начинался хорошо. Но потом проводку замкнуло, всё вокруг начало сверкать. С огромной неоновой таблички над сценой градом посыпались искры. Хавьер сидел недалеко от сцены, поэтому, чтобы добраться до выхода, ему пришлось преодолеть как минимум двадцать метров. Он надышался газом, а потом его снесла толпа: он ударился головой и отключился. Пожарные приехали быстро и успели вытащить его до того, как он насмерть бы отравился газом.

После этого случая Одри решила, что когда Хавьер пойдет на поправку, они улетят домой к родителям для дальнейшего лечения. Хавьеру нельзя здесь оставаться в таком состоянии. А ей, Одри, веселиться уже не хотелось.

Но вернёмся на вечеринку. Кстати, вот и Мишель. Кажется, решила, наконец, все дела. Снимает свой микрофон и оставляет папку.

«Можно и повеселиться», – решила я, когда в последний раз удостоверилась в том, что всё идет по плану. Главное, что я сейчас хотела, – найти Кристиана. Из-за этой вечеринки мы почти не виделись. И даже когда он выступал, я была на другом конце парка, пытаюсь разрешить проблему с доставкой очередной партии фруктов и льда.

Я пробралась сквозь пелену сигаретного дыма и увидела, как в джакузи, которое находилось в углу аквазоны, окруженном высокими кустарниками, сидел Крис в компании трех красивых девушек – приглашенных танцовщиц. Одна прямо при мне взобралась к нему на колени и поцеловала. Но самое странное – Крис не был против. Его это даже, кажется, забавляло.

– Какого чёрта, Стефан? – возмутилась я.

Он заметил меня, сбросил блондинку со своих коленей и выскочил из джакузи, поспешно кутаясь в полотенце.

– Ты всё неправильно поняла, Мишель.

– Да что ты говоришь? А может, ты просто неправильно показал? – иронично ответила я. – Хорош актер. Ты единственная, кто мне нужна... Бла-бла-бла...

– Я просто сидел с ними в джакузи. Она сама ко мне полезла.

– А ты и против не был, я смотрю, – я стояла, обиженно скрестив руки. На глаза навернулись слезы.

– Да что ты докопалась? Тебя вообще всю вечеринку не было. Я сюда пришел только ради тебя, а ты со своей чертовой работой и не вспомнила о моём существовании!

– Ах, это я виновата, – подняв голос начала я. – Виновата в том, что ты такой конченный бабник и упрямый, непоколебимый осел! Да, конечно, дело во мне, – саркастично заключила я.

– Ну, Мишель, – уже мягко заговорил Крис и подошел ко мне, пытаюсь приобнять за плечи. – Не дуйся, прошу тебя. Честное слово, я не хотел, чтобы так получилось.

Я вырвалась из его объятий. После того, что произошло с Ричи, мне хватило одного только этого случая, чтобы понять, кто такой на самом Кристиан Стефан.

– Убирайся к чёрту.

– Мишель...

– Убирайся, я сказала! – я закричала. Крис медленно выдохнул и начал ходить кругами. – А вы, – я взглянула на девушек, всё это время сидевших в джакузи. Я их плохо видела, потому что перед глазами стояла пелена слез. – Я сделаю так, чтобы вас больше никто и никогда не пригласил выступать. Я раздавлю вашу репутацию в щепки, – я говорила зло и угрожающе. – А сейчас катитесь прочь с моей вечеринки, – сказала я, развернулась и, закрыв рот рукой, чтобы не было слышно всхлипов, быстро пошла к палатке. Там я хотела спрятаться от всех.

Новая знакомая Алекса в то время уже ушла из палатки. Когда он выходил, мы столкнулись.

– Мишель? Что случилось? – спросил он взволнованно.

– Крис... – сказала я сквозь рыдания.

Алекс увидел вдалеке за моей спиной джакузи с девушками, вокруг которого задумчиво шагал Стефан.

– Вот урод, – жестко сказал он. – Но ничего, мы справимся... То есть – ты справишься. Всё будет хорошо.

– Да ничего не будет хорошо, Алекс, ничего! – взъелась я. – Каждый парень, который мне нравится, оказывается придурком. Это какое-то проклятие!

– Мишель, не выдумывай. Нет никакого проклятия! Ты замечательная, и всё у тебя наладится!

– Да прекрати ты меня уже нахваливать! – я его оттолкнула. – От того, что я такая «замечательная», лучше мне не живется. Знаешь, что? Ты мне не поможешь своими утешениями. Я пойду лучше выпью.

– Стой, – остановил меня друг. – Не надо ничего пить.

– Отвали от меня. Ты мне не мамочка.

– Мишель...

– Иди к чёрту, – отчеканила я и ушла.

На этой вечеринке оставаться у меня уже не было сил и желания. Я вызвала такси и уехала в какой-то бар. Там не было никого из знакомых. Наконец, можно было побыть одной. Ну, почти одной. В компании только стакана виски и дурацкой кантри-музыки.

Глава 46

– Бар скоро закроется, девушка, – услышала я голос бармена, внезапно ворвавшийся в пелену моих мыслей.

– Да-да... Уже ухожу, – я залпом допила все содержимое стакана и слезла с высокого стула.

– Тяжелый день? – спросил парень за стойкой, протирая стакан.

Я посмотрела на него и грустно улыбнулась:

– Вы даже не представляете, насколько.

Сказав это, я побрела к выходу.

На улице стояла глубокая ночь. Идти мне было некуда. Хотя, вообще-то было. Но денег на такси у меня не оказалось. Я села на деревянную лавочку под большим ярким фонарем, уперлась руками в колени и положила подбородок на ладони. Более дурацкой ситуации за последний месяц я не помню. В любой другой момент мне, может, и было бы страшно, но сейчас в организме было столько алкоголя, что сложившаяся ситуация вызвала у меня только небольшое недоумение. Поэтому я и присела «подумать». Именно так мой мозг и решил. «На улице ночь? Незнакомый бар черт знает где? Ни одной живой души вокруг? Присядем-ка подумать».

Сколько я так просидела, точно не помню. Только вот, открыв глаза, я увидела солнце.

– Чёрт, да не свети ты, – сказала я, закрывая глаза рукой.

– Мишель? – услышала я знакомый голос.

Я повернулась. Ко мне быстро подходила какая-то фигура. Спросонья я не сразу сообразила, что происходит, и почему я лежу на лавочке.

– Мишель, ну слава богу! Я полгорода объехал, чтобы тебя найти, – это был Джо. – Ты что, провела ночь здесь? С ума сойти... Поднимайся давай, – он помог мне встать и повел к мотоциклу, стоявшему неподалеку.

– Джо, – улыбнулась я, – ты такой замечательный, – сил у меня почти не было. То ли от того, что я выпила лишнего, то ли от того, что провела ночь черт знает где. Было ужасно стыдно и хотелось провалиться под землю. Но мой мозг соображал настолько долго и мучительно, что когда он, наконец, добрался до мысли о неловкости ситуации, я уже сидела в мотоциклетном шлеме, крепко прижавшись к Джонни.

Мотоцикл резко затормозил – мы подъехали к дому. Всё происходило так быстро, как в перемотке. Моргнула разок там, на лавочке, и вот, я уже дома.

Пора завязывать с выпивкой... Сказала бы я, если бы не была в Майами или если бы не работала в крупнейшем агентстве по организации вечеринок.

– Спасибо, ты отличный друг, – я подала Джо шлем и крепко прижалась к нему. – Что бы я без тебя делала, – прошептала я.

– Потом расскажешь, как ты там оказалась. Я полетел обратно в больницу. Брат Одри попал туда ночью, после пожара в клубе.

– Какой ужас! Бедняжка Одри...

– Береги себя, Брэй. И не пей ты так много, – он закрыл шлем и надавил на газ.

Я закашлялась. Еще несколько секунд я стояла так, уставившись на все отдалявшуюся черную точку. Потом развернулась и пошла в дом.

Алекс всё это время был там. Услышав гул мотора, он подошел к окну. Он видел, как вернулась Мишель. И если быть абсолютно честным, то он до ужаса за неё переживал. А ведь и правда, куда она могла пропасть? Где провела ночь? С кем?

Камень упал с души молодого парня в растянутой серой футболке, когда он увидел, что Мишель вернулась домой в сопровождении Джонни.

Проходя мимо комнаты Алекса, я на секунду остановилась. Посмотрела на дверь. Хотела было зайти и извиниться.

«Ну уж нет».

Алекс видел, как Мишель вошла в дом. Он решил поймать её в коридоре и извиниться. Или не стоит? В чем он вообще виноват? В том, что хотел быть хорошим другом? Он подошел к двери и повернул ручку.

Я не стала заходить к Алексу.

«Слишком много чести».

Я действительно была зла на него. Только вот не могла понять, почему.

Дверь открылась. Алекс не увидел Мишель. Он не увидел ничего и никого, кроме пустого коридора, залитого солнечным светом.

– Да к черту, – сказал он и захлопнул дверь.

Мишель стояла недалеко от двери, так что Алекс не мог её увидеть, если бы не повернул голову.

Мы оба были не в себе, но это... Я не совсем поняла, что произошло, поэтому просто забила, прошла в свою комнату и упала лицом в мягкую подушку. Так я проспала до следующего утра.

Днём мы провожали Алана. Я залила слезами плечо его рубашки. Осознавать, что твой друг начинает новую и не менее прекрасную, чем раньше, жизнь, было потрясающе. Но отпускать его туда было страшно и грустно. Когда Алан сел в такси и уехал в будущее, а мы остались стоять здесь, ещё не до конца осознающие, что произошло, я крепко обняла Алекса. Не хотелось и его терять из-за детских обид. Алекс всё понимал. Он обнимал меня и гладил рукой по макушке.

– Глупо было бы перестать дружить только из-за того, что мы такие дураки, – улыбнувшись, сказала я.

– Очень глупо, – ответил Алекс.

– Не хотите мороженого? – спросила Грэйс.

– Это единственное, что нам сейчас нужно, – ответила Деб. Мы вошли в дом.

Одри и Джо, попрощавшись с Аланом, тут же уехали обратно в больницу. Одри хотела побыть рядом с братом. Ему становилось лучше. Через неделю они запланировали отъезд к родителям.

Прожив три недели в Майами, я сделала некоторые выводы. Во-первых, я устала. Слишком много вечеринок было за последние дни в моей жизни. Я бы даже сказала, случилась передозировка весельем. А последняя вечеринка и вовсе выбила меня из колеи. Брат Одри попал в больницу, Алан решил переехать в Нью-Йорк...

Во-вторых, было слишком много Стефана. Этого гадкого подлого лжеца. До сих пор не могу себе простить, что не слушала Алекса, что повелась на пустые слова этого мерзавца. Как можно быть такой идиоткой? Он потрясающе красивый, дико популярный, а я просто семнадцатилетняя девочка, которая так и не решила, куда ей поступать и что делать со своей жизнью.

В одно прекрасное утро на кухонном столе я обнаружила записку от Грэйс:

«Моя милая Мишель, всех слов мира не хватит, чтобы описать, как я счастлива и как благодарна тебе за своё счастье. Говард сделал мне предложение сегодня ночью. Всё так, как я хотела: пляж, шум вол, мы шли босиком по холодному влажному песку, он остановился и встал на колени. Я не знаю, что произошло в моей жизни, что после двух недель знакомства я выхожу замуж. Многие скажут: какая легкомысленная, тебе ведь

уже не пятнадцать лет. А я счастлива, просто счастлива. Я чувствую... Нет, я точно знаю, что Говард – именно тот человек. Тот самый.

Счастливые и беззаботные, мы улетели в Вегас. Будем присылать открытки. Мишель, спасибо тебе. Ты самая прекрасная ученица и самая замечательная подруга. С любовью, твоя Грэйс».

Удивительно, как один шаг не в ту сторону может изменить всю жизнь. Причем, даже не твою. А ведь я всего лишь заметила на лавочке мистера Джонсона. А ведь я всего лишь решила ему помочь.

Да, Майами определенно меняет людей. Прочитав эту записку, я увидела в её авторе не мисс Уоррен, которая занималась школьным театральным кружком, а Грэйс, которая колесила по свету и выступала в «Океане» много лет назад. Сказать, что я удивилась? Да это равносильно молчанию! Я была в шоке от того, что вытворила Грэйс. Но Майами изменил и меня. И несмотря на кажущуюся глупость такого поступка, это было самое прекрасное, к чему мог привести роман этих замечательных людей. С каждым часом лето становилось всё более странным, диким и спонтанным. И чем больше было странностей, тем меньше в Майами оставалось моих друзей. Сначала уехал Алан, теперь Грэйс и Говард. Что дальше?

Прошла ещё неделя. Мы снова прощались. Теперь с Одри. Наша неизменная хохотушка, уже давненько не смеялась. Сегодня она, взяв под руку своего брата, села в самолет и улетела к родителям. И она поступила правильно. Семья – вот, что превыше всего. Майами каждый день учил меня чему-то новому. И каждый раз это новое было мудрее предыдущего.

У Дебби жизнь никогда не была скучной и обыденной. Но то, что она выкинула в день отъезда Одри, поразило меня до глубины души. Вечером она собрала маленький чемоданчик и, забежав к нам попрощаться, рванула в кругосветное путешествие с тем самым Жаком, с которым познакомилась на вечеринке у бассейна. Странно, рискованно, но в её стиле. Вот так, к концу июня в Майами из всей нашей огромной компании остались только я, Алекс и Джо. Остальные разошлись как в море корабли. И всё-таки ничто не вечно. Хотя, многие ведь отправились исполнять свои мечты. А не ради этого ли стоит жить?

На следующий день после отъезда Дебби, я проснулась с четким желанием весь день провести дома. Хотя, проснулась я только в час дня, поэтому мой день начался около четырех, когда я, наконец, закончила уборку в доме и сходила в магазин.

Шел третий час моего ленивого вечера, за окном уже смеркалось. Я ела ужасно вредные чипсы, запивала их шоколадным молочным коктейлем и смотрела драматичный сериал. Алекс сбежал куда-то с Джо еще днем. Вообще, в последние дни он очень сблизился с Джо, который частенько проводил вечера у нас. Иногда помогал разбираться с техникой в больнице, а по вечерам зависал с ним в барах.

Никто не мешал мне наслаждаться одиночеством, но вдруг в дверь позвонили. Это было странно, ведь я никого не ждала. Я оставила чашку с чипсами на журнальном столике, поставила сериал на паузу и вышла в коридор. Открыла дверь. На пороге, вся в слезах стояла Джей Эддингтон. Моя бывшая лучшая подруга. Припоминаете?

– Джей? – сказать, что я удивилась, – ничего не сказать. Но ведь не могла же я захлопнуть дверь и бросить ее на улице, не узнав, что произошло. Я же не изверг. – Что ты здесь делаешь? Что случилось?

Она подняла на меня красные заплаканные глаза и выдавила:

– Я не знаю, не знаю, что мне делать... Я беременна, Мишель.

Глава 47

Я впустила Джей в дом, посадила на кресло и принесла стакан воды. Все обиды были уже в прошлом. Сейчас ей нужна была помощь, поддержка...

– И мне очень нужна подруга. У меня никого нет, кроме тебя, Мишель. Прости за всё, пожалуйста, я правда не хотела, – и она снова разрыдалась.

– Джей, я давно тебя простила, – снисходительно ответила я. – Но сейчас тебе нужно успокоиться и всё мне подробно рассказать. Только так я смогу тебе помочь.

Она сделала глоток, медленно выдохнула, вытерла слезы рукавами кофты и заговорила:

– Когда мы ещё учились в школе, я иногда заходила к Алексу на практику. Помнишь, он проходил её осенью? Так вот. Однажды, когда Алекса не было, я туда пришла. Хотела с ним пообедать. Ну, я, конечно, не знала, что его нет, поэтому решила подождать там. Из двери офиса вышел взрослый мужчина и поздоровался со мной. Знаешь, он был такой красивый, с бородой, в очках и костюме, – она сильнее натянула рукава свитера на ладони и улыбнулась. – Тогда я не придавала этому значения. Но потом, каждый раз, как я приходила к Алексу, этот мужчина постоянно крутился рядом. И вот, однажды он подсел ко мне в кофейне, когда я сидела и читала журнал. Оказалось, это начальник Алекса – Кларк Беннет. Он начал со мной флиртовать, ну а я и не была против. Взрослый, привлекательный, обеспеченный – мечта, а не мужчина. Сначала пригласил меня в ресторан. Я просто с ума сошла. Мне и надеть то нечего было. Но мы всё-таки ходили. В этот вечер мы долго целовались в его машине, прежде чем он отпустил меня домой. Этот Беннет мигом вскружил мне голову. И теперь, приходя к Алексу, я сначала забежала в офис к Кларку. Я узнала, что у него есть жена и сын, но ты же помнишь, какой я была, – меня и это не остановило. Мне казалось: «Вот круто, что я как шпион прокрадываюсь к своему любовнику, у которого есть жена! Вот круто, что он спит со мной и дарит мне подарки!» Потом Алекс закончил практику, и мы стали встречаться с Кларком везде: в гостиницах, ресторанах, даже у него дома, когда жена с сыном гостили у бабушки. Да, сейчас мне это кажется отвратительным. Но тогда я была влюблена в это. Весной всё изменилось. Мы стали ругаться. Он сказал, что жена начинает что-то подозревать. В конце мая я узнала, что беременна. Сначала я долго рыдала, потом позвонила Кларку. Он накричал на меня и обвинил во всех смертных грехах. Потом успокоился и сказал, что даст денег на аборт с условием, что я отстану от него и навсегда забуду дорогу к его дому... – она снова начала плакать.

– Боже мой, Джей. И что же...

– Что же я решила сделать? – она достала из рюкзака пачку денег. – Вот деньги. Я боюсь ехать туда одна.

– Нет, ни в коем случае! Ты никуда не поедешь. Никакого аборта, Джей. Да, ты не готова, но аборт – это же убийство. А ты не убийца.

– Я не знаю, Мишель...

– Джей, а как ты оказалась здесь?

– Я три дня повсюду вылавливала твою сестру. Наконец, я встретила её в парке и начала забрасывать вопросами о тебе. Она не хотела говорить, где ты. Она молодец, ведь и правда была очень плохой подружкой. В итоге, после тысячи извинений и просьб, она сказала, что вы с Алексом здесь. Я взяла часть денег из тех, что мне дал Кларк, и приехала сюда, никому не сказав. Я не могу сказать про беременность родителям. Они меня убьют.

– Не убьют, Джей. Поругаются, конечно, но они же родители. Всё равно они тебя поддержат.

– А Эван? Он же меня до конца жизни презирать будет.

– Эван? Даже думать забудь о своем придурке-брате. Прости, но он и правда такой, – я улыбнулась.

– Да я знаю, – улыбнулась Джей в ответ.

Медленно, но верно, я пришла к своей цели – отговорила Джей от аборта. На деньги, данные ей Беннетом, мы решили купить вещи для малыша. По-хорошему, нужно было рассказать родителям, но она пока что не была готова. Поэтому я позвонила миссис Эддингтон и сказала, что Джей поживет с нами в Майами какое-то время. Та, конечно, ужасно удивилась, но после моих заверений, что для неё это будет отличный отдых и всё будет в порядке, с натяжкой одобрила эту идею. Другого выхода у неё все равно не было.

Сама я тоже была ошарашена, испугана и взволнована, но старалась этого не показывать. Я просто-напросто не могла это показывать, ведь Джей решила отказаться от аборта и родить ребенка, а это такое трудное решение в семнадцать лет. Я понимала, что многим её планам и мечтам теперь уже не суждено осуществиться, но не говорила этого, чтобы лишний раз её не расстраивать. Хотя, наверное, она и сама всё прекрасно понимала. Как понимала и то, что через семь месяцев ей предстоит куда большее, чем каждый из нас может представить.

Глава 48

Когда Алекс вернулся домой, он был неприятно удивлен, увидев нашу гостью, – в свое время она каждому из нас принесла немало проблем. Когда Джей всё в подробностях рассказала, он чуть с ума не сошел. Сначала, конечно, стал возмущаться, ведь она обманывала всех вокруг.

– Ты встречалась с моим женатым боссом за моей спиной! – воскликнул он. – Джей, это же... Просто гадко. А этот Беннет! Какой же он мерзавец. Ты же даже не совершеннолетняя. Да что происходит в этом мире?!

От его слов она снова разрыдалась. Я посмотрела на Алекса укорительным взглядом. Он смягчился и тоже простил Джей. Прошлые обиды нужно оставлять в прошлом. Тем более, когда с твоим другом случается беда. Вот и мы с Алексом забыли всё, из-за чего когда-то перестали считать Джей подругой, и просто приняли её в своем доме. Точнее, в доме Грэйс.

Было решено, что Джей будет жить со мной в комнате. Всё равно моя кровать слишком велика для того, чтобы спать на ней в одиночку. А спать мне было не с кем, ведь единственный парень, с которым я была здесь близка, оказался самодовольным изменщиком.

Этот самый изменщик, кстати говоря, не оставлял меня в покое с того самого вечера, когда я застала его с девушками в джакузи и послала к черту. Он постоянно писал, звонил, присылал глупые букеты и подарки. Однажды у дома целый день стоял лимузин. Крис прислал записку, которую передал мне водитель:

«Мишель, прости меня, повторяю я в сотый раз! Ты лишаешь меня даже возможности объясниться. Это несправедливо! Я наломал дров, но ведь ты даже и слушать меня не хочешь, в то время, как я пытаюсь всё исправить. Пожалуйста, сядь в лимузин. Водитель отвезет тебя в ресторан. Там я всё тебе объясню. Пожалуйста, Мишель, не лишай меня и этого!»

Прочитав записку, я разорвала её и выбросила, сказав водителю ехать обратно. Но он не сделал этого, сказав, что мистер Стефан приказал ему ждать здесь до полуночи. Джей была в восторге от того, что у меня был роман с Кристианом Стефаном. Она долго расспрашивала меня: какой он, как говорит, как одевается, куда ходит. А я на всё отвечала одинаково: подлый мерзавец.

После случая с лимузином он, казалось, успокоился. Но так только казалось. Крис начал постоянно напиваться в хлам и устраивать дебоши на светских вечеринках – это было на первых полосах всех газет. Но не все они знали, что после пьяных потасовок он приходил ко мне и полночи кричал под окнами. Сначала называл меня стервой, поливал всяческой грязью, потом извинялся и молил о прощении. Алекс частенько выплескивал на него из окна ведро холодной воды, чтобы Крис убирался прочь. Почти всегда это помогало – он, ругаясь, вставал с колен и, шатаясь, залетал в свой лимузин.

Эти выходки не улучшили репутацию Стефана. Его стали всё реже приглашать на выступления, а статьи в журналах теперь носили заголовки: «Кристиан Стефан устроил очередную драку в ночном клубе», «Молодой певец или алкоголик со стажем? Репутация Стефана под угрозой». Его популярность таяла на глазах.

После нескольких таких дебошей и следующих за ними разгромных статей, менеджер Криса отменил все выступления и запер его дома под надзором двух «нянек» – медсестер из местной больницы, – так говорилось в прессе. Якобы на последней вечеринке у Криса была передозировка наркотиками, и теперь ему требовался особый уход и контроль. Благодаря этому случаю, я, наконец, смогла отвязаться от надоедливого, а иногда и пугающего преследователя.

Как-то теплым вечером, когда на небе были хорошо видны звёзды, а ветра почти не было, мы сидели вчетвером на веранде летнего кафе. Я, Джо, Алекс и Джей. Играла приятная джазовая музыка. Мы ели спагетти, пили вино (все, кроме Джей) и смеялись над чем-то очень, как нам казалось, забавным. Джей легко сошлась с Джонни. Узнав её историю, он дал несколько ценных советов и даже порекомендовал акушера, который сможет в будущем принять роды. Конечно, от этих слов Джей вздрогнула и даже немного замкнулась в себе, но делать было нечего – пришлось выслушать его и принять к сведению всё, что сказал Джо. Ведь теперь это – часть её жизни. Несколько дней, проведенных в Майами, подняли боевой дух моей подруги, и сегодня она уже выглядела гораздо лучше, чем в тот день, когда пришла на порог нашего дома.

– Спагетти просто восхитительны, – говорила Джей, уплетая уже вторую порцию пасты.

– Да ты ешь за двоих, не меньше, – ухмыльнулся Алекс.

– Вообще-то, внутри меня растёт маленький человек, – деловито ответила Джей. Она замолчала, перестала есть, нахмурила брови и вдруг сказала: – Внутри меня растёт человек. Представляете? И я уже даже не боюсь об этом говорить. Внутри меня растёт человек! – восклицала она.

– Тише, тише, – засмеялся Джо.

– А беременные все такие странные? – спросила Алекс.

Я толкнула его плечом.

– Иди ты, Глоу, – она весело захохотала и с новым рвением принялась за спагетти.

– Мишель, – сказал Джо, – чуть не забыл. У меня для тебя есть отличная новость.

Помнишь, «Океан»? Бар, в котором вы с ребятами постоянно зависали в первые две недели.

– Как же его забыть, – улыбнулась я.

– Да! А какую дикую драку мы там устроили, – пропел Алекс.

– Драку? Что? Я явно многое пропустила, – удивленно заметила Джей.

– Мы тебе потом расскажем, – подмигнул ей Алекс.

– Так вот, в этом баре сейчас не лучшие времена. Народу стало мало, вечера проходят тухло. Чтобы удержаться на плаву, им нужен менеджер по организации вечеринок, только вот зарплата не слишком высокая. Здесь, казалось бы, толпы людей этой профессии, только вот никто не хочет этим заниматься в свой отпуск. Я бы и не предложил, только вот вижу, что ты целыми днями сидишь дома с тарелкой попкорна.

– Слушай, Мишель, а он прав. Ты совсем расклеилась, – подтвердил Алекс.

– А ведь это неплохая идея, – воодушевилась я.

– Вот! Другое дело. Я знаком с владельцем. Думаю, завтра утром съездим в бар, и он всё тебе расскажет.

– Отлично! Джо, спасибо тебе. А то я и правда уже не знаю, что мне делать.

– Эй, а как же я? Дома одной будет совсем скучно... – расстроено сказала Джей.

– А кто сказал, что ты будешь сидеть дома?

– Мисс Брэй посвятит меня во все тайны профессии организатора вечеринок? Так, ребята, – Джей взяла командование на себя, – раз уж мы условились встретиться завтра утром, нам всем нужно лечь спать пораньше. – Она живо вытерла губы салфеткой и соскочила со стула. – Давайте-давайте! Завтра нас ждет великий день!

Глава 49

– Джо, ты уже уезжаешь? – спросил Алекс, догнав его у двери.

– Я бы с радостью посидел, но нужно ехать на одну вечеринку. Там ждет клиент.

– Снова наркотики?

Джо ничего не ответил, а просто улыбнулся, но совершенно невеселой улыбкой.

– Могу я поехать с тобой? – спросил Алекс.

– А как же Мишель?

Алекс обернулся и взглянул на дверь в гостиную.

– Они с Джей снова будут обсуждать свои женские штучки. Или говорить о беременности... Боже, когда мы успели стать такими взрослыми? Джо, умоляю, забери меня.

– Раз ты так хочешь, поедem, – он подал ему шлем.

Алекс радостно схватил его, снял с крючка куртку и вышел вместе с Джо, крикнув только:

– Девочки, я уехал! Не теряйте!

Когда Мишель и Джей удивленно вылетели в коридор, входная дверь уже захлопнулась, а на улице послышался гул мотора.

Это был очередной клуб из многих, в которых Алекс успел побывать за последние полгода. Такой же полумрак, такие же доступные девушки. Та же громкая музыка, те же разноцветные коктейли. Теперь он знал, как себя вести в такой обстановке, и мог запросто отличить торговца наркотой от просто назойливого посетителя, девушку-однодневку от той, что вырвалась повеселиться с подружками.

– Ты принес? – к ним подошел парень в джинсовой куртке с растрепанными светлыми волосами. Руки его были в карманах. Под глазами синяки. А сами глаза такие красные, что ими можно было приманить быка.

– Все, как ты заказывал, – любезно ответил Джо.

Алекс стоял рядом и молчал. Он видел, как быстро Джо передал маленький прозрачный пакетик с белоснежным порошком, а взамен получил пачку купюр. Видимо, этот порошок стоил того, раз блондин решался тратить на него такие деньги. На глазах Алекса, по сути, совершалось уголовное преступление. Год назад он, возможно, пришел бы в ужас от такого зрелища, но сейчас это его даже не удивляло.

– Пойдем, – сказал Джо, когда «обмен» был завершен.

Они присели на диванчик в углу и заказали пару коктейлей.

– А ты сам пробовал свой товар?

– Алекс, я не принимаю наркотики.

– А как тогда ты узнаешь, что они хорошие?

– Не нужно пробовать наркотики, чтобы узнать, что они хорошие. Да, впрочем, наркотики вообще не нужно пробовать, – он улыбнулся и сделал глоток. – Может, поговорим о другом?

– А этот порошок, что ты продал парню в джинсовке. Почему он такой дорогой? Он ведь заплатил тебе целое состояние!

– Алекс...

– Скажи: почему?

– Потому что это редкий индийский наркотик. Партия ограниченная. Эффект сильный. Вот почему. А теперь...

– Я хочу его попробовать, – сказал Алекс.

– Ты с ума сошел, – засмеялся его собеседник.

– Нет, я не шучу. Я правда хочу попробовать. Ты сам говорил, что не отговариваешь, а предоставляешь выбор.

– Но ты мой друг, и ты друг Мишель. Я не могу подвергать тебя такому риску.

– Джо, это несправедливо!

– Да что у тебя такого случилось, что ты вдруг взглянул на этот порошок?

– Скучно живется.

– И это все? Друг, да ты спятил!

– Я выбираю порошок.

– А, может, всё дело в ней?

– Ничего подобного.

Они посмотрели друг на друга. Каждый понял, о ком шла речь. Но ни один из них не назвал имени.

– Здесь порошок не поможет...

– Джо, я хочу его попробовать! И дело только в моём желании, вот и всё, – раздраженно сказал Алекс.

– Алекс...

– Я могу заплатить. У меня есть деньги.

Джо сурово посмотрел на него. Потом достал из кармана маленький пакетик с горсткой порошка и подал Алексу.

– Денег не нужно. Главное – не подсядь и, – он осекся, – останься жив, – он попытался улыбнуться.

– Спасибо, – Алекс схватил пакетик и пошел в туалет.

Он долго смотрел на белоснежный порошок. Потом вдохнул. Сначала закружилась голова, его отшатнуло в сторону. Рукой он схватился за стену. Потом, когда головокружение прошло, наступила эйфория. Алекс вышел в зал и упал на диван рядом с Джо. Он еле слышал, что тот ему говорил, – до того было на все пофиг. Состояние эйфории сменила дикая жажда. Что дальше? Его понесло на танцпол. После двух часов бесконечного дерганья в такт музыки, Алекса стошнило. Джо, все это время наблюдавший за ним, схватил его за руку и повез его домой на такси. К тому моменту, как они уже были у двери дома, Алекс снова погрузился в эйфорию и был скорее похож на безжизненное тело, чем на короля танцпола.

Мишель и Джей уже давно спали. Джо затащил Алекса в комнату и уложил на кровать. Сам, закрыв дверь, тихо ушел.

Проснулся Алекс в полдень. Состояние оставляло желать лучшего. Голова трещала, кружилась, болел живот, и казалось, что температура тела упала до нуля. Алекс закутался в плед и поплелся в кухню. Девочек дома не было. На холодильнике он увидел записку:

«Уехали на пляж. Завтрак в холодильнике».

От слова «завтрак» Алекса начало тошнить. Дрожащей рукой он налил стакан воды, дотянулся до мобильного и позвонил Джо.

– Доброго утра, боец, – живо ответил голос в трубке.

– Ну не кричи ты так, – просипел Алекс.

– Что? Плохо? Еще будешь?

– Нет. Черт, конечно, нет. Прости, я дурак. Не нужно было пробовать этот порошок...

– Я дал тебе выбор, как ты и просил.

– В следующий раз дай мне подзатыльник, – хрипло засмеялся Алекс. – Никогда я больше этой дряни в рот не возьму.

– Я рад, друг. Я рад.

Глава 50

– Мишель, всё готово, – подойдя ко мне, стоящей на высоком стуле в попытке приклеить блестящие буквы к стене, сказала Джей.

С того разговора прошла неделя. Джо познакомил меня с Бенджамином, владельцем бара. Он оказался добрым толстяком с большими глазами и широкой улыбкой. Бендж выглядел скорее, как добродушный отец большого семейства, нежели владелец бара на побережье Майами. В этом, пожалуй, был его огромный плюс: он тут же принял меня на работу и одобрил все идеи по привлечению клиентов. Теперь предстояло самое трудное – организовать несколько отличных вечеринок, чтобы вернуть «Океану» былую славу.

Но и это оказалось нетрудным. Джо и Алекс занялись составлением списка вип-гостей (Джо знал в Майами достаточно известных ребят, которым в своё время оказал немало услуг, и теперь заманить их на вечеринку не составляло труда) и приглашением всех тусовщиков этого большого города. Джей, всегда отличавшаяся совершенным вкусом на декоративные мелочи, занялась покупкой украшений. Я всучила ей пачку денег, полученную от Бенджа, немного испугалась, ведь Джей помимо совершенного вкуса отличалась ещё и тягой к бесполезным покупкам, но все-таки отпустила её в огромный мир американских супермаркетов. Сама я потянула за несколько ниточек и пригласила известную музыкальную группу, наняла профессионального ди-джея, двух поваров и бармена. Заверив Бенджа, что потраченные на первый вечер деньги принесут дохода вдвое больше, я затаила дыхание в ожидании гостей. И все получилось. Получилось даже лучше, чем мы планировали. Бар ломился от количества гостей, а танцпол оказался слишком мал для танцующих. В первую ночь мы собрали в три раза больше прибыли, чем «Океан» обычно собирал за вечер. Бендж был в восторге и я, если честно, тоже. Но ничего бы у меня не получилось без Джо, Алекса и Джей. Что я поняла за полгода работы, так это ценность дружбы. Ты можешь быть хоть самым потрясающим специалистом в мире, но если у тебя нет настоящих друзей, у тебя нет ничего. Здесь, в Майами, у меня не было почти ничего, кроме моих друзей. И именно они помогли мне снова вернуться к работе и сделать это возвращение успешным.

После месяца тусовок, безмятежности и бесполезного прожигания жизни я вдруг вновь вернулась в мир недосыпа, вечных телефонных звонков, создания планов, списков, отчетов. В мир, который, несмотря на все его трудности, я безумно люблю и пока что не готова ни на что променять.

Сегодня должна была пройти уже четвертая вечеринка. Мы решили сделать её в стиле восьмидесятых.

– Мишель, можно открывать двери, ребята готовы, – сказала Джей, когда я, наконец, приклеила блестящую букву.

– Дурацкая буква, – пробурчала я себе под нос и ответила Джей: – Да, можно открывать. – Рассматривая получившуюся надпись, я добавила: – Слушай, а хорошая идея – вечеринка восьмидесятых. – Я оглянулась вокруг и медленно слезла со стула. – «Океан» просто не узнать. Я бы сказала, теперь это океан цветов. Палитра просто сумасшедше красивая. До сих пор удивляюсь, где ты нашла столько забавных вещиц.

Джей хитро улыбнулась и ответила:

– Как гласит легенда: дружи с шопоголиками, и вечеринки твои будут на высоте!

Джо открыл дверь. Через десять минут начали прибывать первые гости – многие из них были студентами, прилетевшими в Майами по программе обмена или просто на каникулы.

Сегодня на входе стоял Алекс. И вы не поверите, сбылась мечта идиота – он встречал гостей в кожаных трусах, кудрявом зеленом парике и очках-звездах. Зрелище чересчур странное и смешное. Особенно для Алекса. Но сегодня он был в ударе. Не знаю, что с ним произошло, но он будто бы заново родился и обрел бешеную жажду жить. Он ко всему подходил страстно и эмоционально. И вот даже сегодня он сам вызвался кандидатом на такую откровенную и удивительную роль. Но никто и слова против не сказал. Стоит признать, кожаные трусы ему очень шли.

– Красивые девушки проходят без очереди! Эй вы, да-да, вы, – поправив свои очки, указал Алекс на двух молодых девушек стоявших у входа, – милые леди, – он улыбнулся, – вы слишком хороши для того, чтобы пройти просто так. Для начала вам нужно написать мне свой номер телефона! – он протянул салфетку. Девушки захихикали, подошли к столу, и блондинка, более боевая из их парочки, написала несколько цифр на салфетке и протянула улыбающемуся «вышибале».

– Залетайте, пташки, – улыбнулся Алекс. Когда девушки ушли он смял салфетку и незаметно выбросил в ведро – ему совершенно не нужны были их номера. Все это было сегодня лишь игрой. Хорошей игрой. И он справлялся с ней на все сто.

Бешеная жажда жить проснулась в Алексе в ту самую секунду, когда утром после принятия неизвестного наркотика он проснулся и обнаружил, что всё ещё жив. Не то, чтобы ему хотелось умереть. Просто совет Джо он воспринял слишком серьезно.

«Не умри – кажется, так он сказал», – подумал в то утро Алекс.

С первого класса Алекс был довольно скрытным и очень даже скромным парнишкой. Мишель на фоне него всегда блистала своей актерской игрой, любовью к приключениям, постоянной и непрекращающейся жаждой делать что-то удивительное,

быть непохожей на всех. Алекс умел веселиться, попадал в приключения (к слову, чаще всего его спутницей становился никто иной, как Мишель), но в повседневности, особенно в школе или в компании незнакомых людей, он становился «тише воды, ниже травы». С возрастом это смущение стало меньше. Но хладнокровность, выдержка и молчаливость всё еще в нём жили. Эти качества стали частью его натуры, к которой, впрочем-то, всё его окружение уже давно привыкло. Все знали, каким Алекс может быть, и поэтому нисколько не обращали внимания на моменты, когда он вдруг замыкался, отвечал сухо или вовсе уходил от ответа.

В то утро в нём проснулся новый человек – он был частью его самого. Той самой частью, которую обычно Алекс прятал на самую дальнюю полку своего сознания и запирали на миллион замков. В нём проснулся тот, кто не просто любит жить, а жаждет это делать. Мишель, конечно, знала такого Алекса, но знала очень плохо. А за эту неделю ей выпал шанс познакомиться с ним поближе. Их ночные разговоры стали интимнее, но нет, Алекс ни слова ни сказал о своих чувствах (даже тот, кто долго жил внутри него, не решался на такой отчаянный шаг), на каждой вечеринке он теперь помогал всем, чем только мог, а если и не мог, то старался изо всех сил. Он улыбался, был всегда открыт, никогда не шел на конфликты, а, наоборот, любил их мирно улаживать, шел на риски и даже решился надеть глупые кожаные трусы и зеленый парик. Первые пару минут он всё ещё чувствовал себя неловко, но потом понял, что смысла в этой неловкости нет никакого, тем более, что все девушки, заходящие в бар, ему мило улыбались – кажется, это значит, что его костюм не так уж плох.

«Хотя, к чёрту этих девушек. Поговорим о той, что дороже всех их вместе взятых».

Вот так Алекс и перехватил перо из моих рук. Доверяю дальнейшее повествование ему. Эти слова из письма самому себе, которое он отдал мне спустя много лет. Как оказалось, он частенько писал такие письма, правда, многие сжег. Ох уж этот Алекс.

«С Мишель мы познакомились так давно... Мне кажется, что когда это произошло, учёные ещё думали, что мир стоит на трёх китах. Ладно, конечно же, я шушу. Дело в том, что я влюбился в неё с первого же взгляда. И ничего, что тогда мне было шесть. Вот, её-богу, сразу же влюбился! Окончательно и бесповоротно! Ну, а как вы понимаете, тогда мне было шесть, поэтому ни о каких там отношениях не было и речи. Поэтому я просто дернул её за косичку и убежал. Так вот мы и познакомились.»

Время шло, мы росли, и в какой-то определенный момент до меня дошло, что мы слишком хорошие друзья, чтобы я вдруг ошарашил её тем, что она мне нравится. Тем более, иногда мне казалось: мы настолько хорошие друзья, что она мне как сестра. А ведь быть влюбленным в сестру – это как-то странно. Даже слишком. А, может, даже и не совсем законно.

Мишель всегда выглядела безупречно. Её милые розовые юбочки, прекрасные длинные светлые локоны... Боже, да я же пишу, как девчонка! Да что уж там. Она выглядела сногшибательно даже без двух передних зубов. Но когда мы пошли в седьмой класс, в ней появилась изюминка. И нет, я не про то, что у неё выросла грудь (хотя, это тоже). Она просто стала какой-то другой. Не просто девочкой с двумя косичками, за которые ужас как удобно было дергать, а девушкой, с которой хотелось встречаться, которую хотелось водить на свидания, покупать ей мороженое и выигрывать для неё плюшевые игрушки в тире.

Однажды мы играли в «Семь минут рая». Знаете, такая игра, где пара, которую выбирает фортуна, а в нашем случае – крутящаяся бутылочка, должна провести семь минут в закрытой комнате.. Мне несказанно повезло – я оказался в этой комнате с Мишель. Моей лучшей подругой на тот момент. Ну и... Конечно, единственное, что я хотел, – поцеловать её в губы. Конечно, я смутно представлял, как это делать, но очень сильно хотел. А Мишель вдруг начала рассказывать мне какую-то дурацкую историю. Я слушал её и пытался разглядеть в крошечной темноте очертания лица. Когда глаза, наконец, привыкли, я увидел её горящий взгляд, увидел, с каким восхищением она рассказывает... Кажется, она говорила про щенка своей бабушки. Тогда я понял, что люблю эту девушку. Люблю так сильно, как не любил никого. И тогда мне почудилось, что я больше никого и никогда не полюблю, кроме неё.

Сейчас мне восемнадцать, и знаете... Ничего не изменилось. Я её люблю. Только вот сказать об этом не могу. Почему? Причин много. Первая и самая главная: я дурак. Вторая и самая очевидная: я боюсь, что она не захочет со мной быть, и тогда я навсегда потеряю не только самую любимую девушку в своей жизни, но и самого лучшего своего друга. Третье: ей, кажется, всё равно. С чего такой вывод? Хм, давайте-ка подумаем.

– Боже, это же Ричи Нэш! Алекс, он мне так нравится!

– Вау, это же Кристиан Стефан! С ума сойти, я влюбилась!

А после – бесконечное нытьё в моё дружеское плечо. Дружеское! Мишель не воспринимает меня как парня. Ну вот какого черта? Злюсь и расстраиваюсь одновременно. Кто бы мог подумать, что восемнадцатилетний парень будет писать

такие глупые письма о любви самому себе? Здравствуйте, такой парень существует, и этот парень я.

Когда я попробовал тот порошок, мне хотелось горы свернуть. Я даже действительно хотел пойти к Мишель и сказать всю правду. Но вот вы только представьте: приходит парень под кайфом и орёт под окном о любви. Это ли не бред? То ли я слишком адекватный, то ли снова дурак, но я не пошел и ничего ей не сказал. И, наверное, хорошо.

Джо уже всё понял. Да все уже, похоже, всё поняли. Я что, так сильно похож на влюбленного по уши?

И вот как, скажи мне, как мне суметь сказать ей, что я не могу жить, не видя её горящих глаз, не слыша голоса, не видя её даже в самых дурацких пижамах? Не могу жить без её глупых историй, странных выходок, абсолютного неумения готовить и бесконечной любви к мороженому. Я не могу без её искренней улыбки, гладких красивых волос, которые постоянно остаются на моей одежде, когда она меня обнимает. Я не могу без неё. Понимаешь? Кажется, я даже дышать не смогу, если потеряю её. Я люблю её».

Глава 51

– Завтра у Мишель день рождения, – сказал я, обращаясь к сидевшему напротив Джо.

– Что? И ты только сейчас мне об этом говоришь? Алекс, чёрт возьми, мне срочно нужно купить подарок!

– А как же вечеринка?

– Вечеринка подождет. Да вообще, весь мир подождет. Я не могу оставить эту прелестную мадмуазель без праздничного торта и плюшевого медведя.

– Лучше подари ей косяк, – засмеялся я. – С её загруженностью это самый лучший подарок. Так сказать, расслабиться и подымять.

Джо взглянул на меня как на полного идиота.

– Алекс...

– Да-да, знаю, чушь сморозил. Это шутка, Джо, шутка.

Он покачал головой, демонстративно закатил глаза, затем застегнул куртку и бросил мне в руки лежавшую на стуле у двери стопку листов.

– Здесь фамилии всех гостей, которых мы сегодня ждём. И список выступающих. Он на последней странице, – Джо подошел к выходу, держа в руках мотоциклетный шлем. – И да... Сегодня будет выступать Стефан. Его менеджер поручился за него. Сказал, что если мы не дадим ему шанс, его спишут со счетов. Я, конечно, всё понимаю, но я не тиран и не деспот, к тому же Стефан выступит совершенно бесплатно. В общем, будь с ним поласковее, только к Мишель этого засранца не подпускай.

Я открыл последний лист, увидел фамилию Стефан. Хотелось порвать список к чертям. Но я просто стиснул зубы, утвердительно покачал головой и положил бумаги на стол.

Мы находились в гримерной. Здесь можно было спокойно поговорить, выпить чаю и решить все вопросы. Поэтому очень часто я и Джо тусовались именно здесь. Без лишних людей, лишнего шума и суматохи.

Когда Джо вышел, я взглянул на календарь. Четырнадцатое июля. Уже полтора месяца мы прожили в Майами. Удивительно, как жизнь может измениться. В мае, когда Мишель только сказала мне об этой поездке, я посмеялся и ответил: «Хорошая шутка!» Я и подумать не мог, что всё способно так закрутиться.

Успокоив бурно захлестнувшую меня волну эмоций после того, как я узнал фамилию «звезды» сегодняшнего вечера, я вышел в зал. Джей, уже успевшая немного поправиться, так, что через облегающее зеленое платье с длинными рукавами и круглым вырезом выделялся небольшой животик, сидела за барной стойкой и уплетала шоколадное

мороженое. Персонал доводил заведение до полной «боеготовности» – уборщица заканчивала мыть пол, повара творили чудеса кулинарии – это можно было заметить, взглянув на полупрозрачную дверь, ведущую на кухню. Бармен смешивал коктейли и прятал под стойку бутылки с дорогими напитками (мало ли, какие гости к нам сегодня пожалуют). Я оглядел зал, но нигде не увидел Мишель. Вдруг она влетела из входной двери, крайне недовольная и раздраженная.

– Алекс, почему ты его не задержал?

– Кого не задержал? А, ты про Джо... Он сказал, что... – я замялся.

– Да-да-да, что ему нужно срочно поехать к клиенту и всё в этом роде. Ну разве могут наркотики испортить человека, который их даже не принимает?

– Мишель, – я мило улыбнулся. Она всегда так забавно выглядела, когда злилась. – Я справлюсь и один. А Джо, я уверен, скоро вернётся, – я взял её за плечи и посмотрел в глаза самым уверенным на свете взглядом. – Не хотелось её подводить.

– Так, ладно, – она медленно выдохнула. – Ты справишься, ну, конечно, ты справишься, – она посмотрела на меня и постаралась улыбнуться. Получилось довольно натянуто.

У меня зазвонил телефон, я сказал Мишель ещё пару ободряющих слов и отошел в сторону, чтобы поговорить. Оказалось, звонит менеджер Стефана. Они уже подъехали. Я ответил, что сейчас выйду, положил трубку и злобно оскалился телефону. Успокоив очередной прилив злости, я встретил менеджера и самого Стефана. Сегодня этот герой-любовник выглядел вполне себе адекватно. В своей знаменитой кожаной куртке, с идеально уложенными волосами, в темных очках и с гитарой за спиной. Представьте, он даже мог сам передвигаться. Кажется, доктора и правда выбили из него всю дурь (и это я не про характер, а про лошадиную дозу алкоголя и наркотиков в его крови).

Притворяясь любезным, я провел их в гримерную. Мишель ушла на кухню и, к счастью, не видела его. Вскоре приехали и другие выступающие. Гримёрная у нас была одна, поэтому девушкам из кабаре пришлось потесниться и потерпеть назойливого Стефана, который то и дело норовил ущипнуть, шлепнуть или поставить в любую другую неловкую ситуацию молодых артисток. Он вел себя развязно и похабно, несмотря на мои замечания и «пинки» от его менеджера. Кристиан пытался склеить каждую вторую девушку, подходившую к зеркалу рядом с креслом, где он сидел. Гадкая картина. Именно поэтому я старался как можно реже заходить в гримерную, а если и заходил, то не смотрел в дальний угол, чтобы не столкнуться взглядами с этим мерзавцем.

Вскоре вернулся Джо. Он сухо поздоровался со Стефаном и его менеджером. Пожал мне руку и шепнул, что берет их на себя. В этот момент в гримерную вошла Мишель, она

что-то хотела сказать, но увидев «героя-любовника», тут же вылетела обратно в зал. Я выбежал за ней.

– Мишель, стой!

– Прости, прости... Нужно сохранять профессионализм.

– Так ты знала?

– Знала, что этот... Что Крис будет выступать сегодня? – она усмехнулась. – Я сама его пригласила.

– Что? Зачем? – я смотрел на неё непонимающим взглядом.

– Другие певцы мне отказали. Алекс, это очень трудно – найти хороших исполнителей в середине лета в Майами. Мне пришлось позвонить менеджеру Стефана. Ничего личного, но он предложил бесплатное выступление, а для бара Бенджамина каждая мелочь сейчас важна.

– Но Мишель, почему ты не сказала мне? Мы бы поискали кого-нибудь вместе.

– Алекс, – она положила руку мне на плечо и мягко сказала: – Всё хорошо. Это просто работа. Он выступит и тут же уедет. Не волнуйся.

– Надеюсь, – неуверенно ответил я.

Вечеринка прошла отлично. За исключением выступления Стефана. Нет, что вы, он как всегда был на высоте. Распутные девицы в первом ряду визжали от восхищения, а Мишель сидела на диванчике в конце зала, устало потягивая коктейль из синей трубочки и глядя на сцену.

– И что она в нём нашла? – спросил я. Рядом стоял Джо.

– Популярный, привлекательный, богатый. Ровным счётом, ничего. Он просто умеет заговаривать зубы, а Мишель просто слишком наивная.

– Про наивность ты в точку. Хотя последнее время мне она уже не кажется такой. Будто бы повзрослела что ли.

Джо рассмеялся.

– Тебе кажется, друг. Она только пытается быть взрослой, но у неё это пока что плохо получается. Я в твоём возрасте тоже думал, что я уже очень взрослый, а девочки вокруг так вообще казались мне взрослыми женщинами. Но это всё глупости. Быть детьми – вот, чего вам не хватает. Слишком рано вы попробовали кисло-сладкий вкус взрослой жизни.

Когда гости уже начали расходиться, я зашел в гримерную. Там сидел Стефан.

– О, красавчик, а где тут можно выпить? – сказал он, когда, обернувшись, увидел меня.

– Кажется, вам пора, мистер Стефан, – с фальшивой уверенностью и приторной любезностью сказал я.

Он медленно ко мне подошел и ухмыльнулся.

– Мишель слишком хороша для тебя, – сказал он. – Вот увидишь: единственный, кто ей нужен, единственный, кого она хочет, – это я.

Я сжал кулаки и стиснул зубы. Но ничего не сделал и ничего не сказал. Я услышал только, как хлопнула дверь.

В зале уже никого не было, кроме меня, уборщицы и бармена. Алекс и Джо, кажется, убрались в гримёрной. Я сидела на красивом мягком диванчике. Увидев вышедшего из гримёрной Криса, я встала и быстрым шагом направилась к кухне. Хотелось сбежать от него подальше. Но он перехватил меня.

Глава 52

– Почему ты не скажешь ей? – с черного хода в гримёрную вошел Джо. Он выходил проводить танцовщиц.

– Не скажу что? – не поднимая головы, спросил Алекс.

– Ты прекрасно знаешь, о чём я... Ты ведь любишь её. Так почему ты не скажешь ей?

– Глупости, – Алекс поднял голову и усмехнулся.

– Алекс... – Джо не отводил от него взгляд.

– Она не захочет быть со мной, – спустя несколько секунд сказал Алекс. Он произнес это так, как врачи произносят фразу: «Мы сделали всё, что смогли». Глухо, на пределе, обречённо.

– Ты ошибаешься. Ты нужен Мишель. Она любит тебя.

– Как друга, Джо! Друга! – Алекс подскочил с кресла. – Она жалуется мне на идиотов-парней, которые крутятся вокруг неё. Я только жилетка для слёз и ничего больше! – Алекс кричал.

– С нашей первой встречи она только о тебе и говорит, – спокойно начал Джо. – Однажды, когда вы поругались из-за очередной ерунды, Мишель пришла ко мне и спросила, что ей делать. Я отправил её к тебе, и был прав, ведь вы не можете друг без друга. Алекс, скажи ей, поступи как настоящий мужчина. Борись за свою любовь. Никто и никогда не сможет заменить Мишель тебя, и ты это прекрасно знаешь.

– Ты прав, – с расстановкой заговорил Алекс. – Ведь не смогу же я всю жизнь быть её жилеткой для слёз. Я скажу ей. Сейчас же скажу! – и Алекс выбежал из гримёрной.

– Не ошибись с ответом, Брэй, он отличный парень – оставшись наедине с собой, сказал Джо.

– Мишель, ты удивительная, – Кристиан одной рукой держал мою холодную руку, а другой гладил по щеке. – Мне ведь и правда не нужны эти тупые модели, я хочу быть только с тобой. То, что случилось тогда, было глупой ошибкой. Я слишком много напивался последнее время. И да, я принимал наркотики. Я не знаю, что со мной творится... Я хочу быть с тобой! Прости меня, прошу тебя!

– Крис... – я хотела было убрать его руки с моей талии. – Я не хотела его видеть и не верила ни единому его слову. До меня уже давно дошли и слова Алекса, и слова Грэйс. Тот Кристиан Стефан, с которым я была знакома, был лишь подделкой. Жалкой выдумкой. На самом деле, Криса уже давно поглотили слава, самолюбие и беспринципность. Он

утонул в разврате, пошлости и самодовольстве. Сейчас он разбрасывался красивыми словами, но стоило ему выйти за дверь, как он тут же становился собой. Таким легкомысленным, жестоким и жалким. Ужасно жалким. Было тошно.

В зал вошёл Алекс, и в этот же момент Кристиан поцеловал меня.

Что-то будто ударило Алекса по голове, и он очнулся совсем в другом мире. Секунду назад он был полон решимости сказать о своей любви, о чём я в тот момент и не подозревала. Но сейчас, когда я была под властью другого мужчины, Алекс уже не был уверен ни в чём. Он видел перед собой только нас, с его стороны выглядевших такими счастливыми и такими влюблёнными.

Кристиан видел, как вошёл Алекс, и как, увидев нас, выбежал из кафе. Мне он об этом не сказал. Понял по взгляду Алекса всё, что он хотел сказать, и намеренно промолчал? Сколько нужно подлости, чтобы так поступить? Но тогда я об этом не думала, как и не знала того, что мой лучший друг был там. И уж точно не знала, что он хотел мне сказать.

– Чёрт, Крис! Иди к чёрту, – я оттолкнула его.

– Ты что как маленькая? – закричал он. – Всё же было хорошо, пока не пришли эти девки на вечеринке! Между прочим, ты сама их вызвала! Они просто сделали своё дело.

– Мне плевать на тех девушек, мне плевать на тебя, – с уверенностью сказал я и пошла в гримерную.

Крис остановил меня и хотел прижать к себе. Я со всей силы ударила его в живот и толкнула так, что он уронил стоящий позади стол и рухнул наземь.

– Стерва! – держась за живот, слабо произнес он.

Я взяла бокал с недопитым кем-то виски и вылила его на лежащего на полу Кристиана Стефана. Никогда ещё его так сильно не опускали. Но ведь когда-то надо начинать. С победным видом я пошла в гримерную, забрала вещи и ушла прочь.

– Долго ждёшь? – спросила я, через пять минут выйдя из кафе и увидев оперевшегося на капот Алекса.

– Нет, – безразлично ответил он.

– Что-то случилось? – я была в недоумении. Полчаса назад он казался таким счастливым, а сейчас говорил так, будто произошло что-то ужасное. – На тебе лица нет.

– Ничего не случилось, Мишель. Садись в машину, поедem домой. У меня голова трещит.

– Ну, как скажешь, – примирившись с тем, что он не настроен любезничать, сказала я и села на переднее сидение «ауди».

Алекс завёл машину, и мы помчались по ночным дорогам тёплого Майами. Сегодня он даже не пристегнул ремень безопасности – не похоже на Алекса, он никогда этим не пренебрегает.

Но восемнадцатилетний водитель серебристой «ауди» сегодня не думал о безопасности. Он прокручивал в голове только одну мысль.

Пустое кафе, они целуются.

Пустое кафе. Они... целуются.

Пустое кафе...

Алекс сжимал руль всё крепче, сильнее давил на педаль, автомобиль мчался по трассе с чересчур быстрой скоростью, но его это вряд ли волновало. Он никогда не был так зол, как в этот момент. Его раздражало всё: вплоть до шуршания кустов.

– Алекс, может всё-таки поговорим? – пытаюсь заглушить шум ветра, прокричала я.
– Ты остановишься, и мы поговорим.

Алекс молча продолжал смотреть на дорогу.

– Алекс! Да что с тобой, чёрт возьми? – возмутилась я, когда он вошёл в поворот на полной скорости так, что машину чуть не швырнуло за забор. После моего испуганного выкрика он сбавил ход.

– Мишель, я не хочу ни о чём говорить. По крайней мере, не сейчас. Я же сказал - голова трещит.

– Да ты сумасшедший просто! Мы же могли разбиться!

– У меня всё под контролем, – Алекс снова начал набирать скорость и резко свернул на встречку.

– Алекс! Что ты творишь?! – моё сердце с ума сходило, будто бы хотело выпрыгнуть из груди.

– А ты что творишь?! Ты думаешь, я не видел тебя с этим Стефаном? Ты ревела мне в жилетку и клялась больше с ним не встречаться... Я ошибался насчет тебя. Ты такая же продажная, как и все они!

– Что... Что ты несёшь?

– Да то, что ты уже не та Мишель, которую я знал. Ты утонула в своем идиотском выдуманном мире!

– Ты не прав, Алекс! У меня с ним ничего нет! – нервы у нас обоих уже были на пределе.

– Ага! Ничего нет. То-то вы там целовались! Ничего у них нет!

– Алекс, ты всё неправильно понял. Да что с тобой происходит?!

Алекс не отпускал педаль газа, машина мчалась по дороге, фарами освещая пустынные улицы.

– Да просто... Просто я тебя люблю! Люблю, понимаешь?! – Алекс кричал, по его лицу катились слезы. А я будто остолбенела. – Я тебя люблю, и ничто этого не изменит, – с сожалением добавил он.

– Алекс! – закричала я, увидев вылетевший из-за угла мерседес. Нашу «ауди» резко развернуло, и Алекс ударился головой о лобовое стекло. Машина пробила защитный барьер, вылетела в кювет и застряла в кустах.

Я очнулась, не зная, сколько времени прошло. Мерседеса уже не было. Вокруг только ночь, тишина и дым, много дыма. Что произошло? Я плохо помню. Повернув голову, я увидела Алекса – он, кажется, без сознания.

– Алекс... – говорю так тихо, что почти не слышу себя.

«Нет, этим я ничего не добьюсь. Кричать бесполезно. Нужно что-то сделать...»

Бинго! Пытаюсь достать сумочку, застрявшую между сидениями... Адски болит запястье. Есть! Беру телефон и дрожащими пальцами ввожу знакомый номер. Гудки...

– Маджони слушает.

– Джо... – еле слышно просипела я.

– Мишель, это ты? Что случилось? Где ты?

– Джо... Нужна помощь...

Дальше была больница. Перед глазами сияли яркие лампы, быстро двигался потолок – меня везли на каталке. Периодически я отключалась, а когда просыпалась, видела много незнакомых лиц.

– Алекс... Где Алекс? – но меня, кажется, никто не слышал.

Поворачиваю голову, вижу, как медсестра ставит мне укол. Внезапно я погрузилась в беспроглядный, безмолвный мрак.

Глава 53

– Алекс! – я соскочила с больничной постели, будто мне ввели лошадиную дозу адреналина. Отдышавшись, я огляделась. В кресле сидела мама. Она плакала. Папа, отвернувшись спиной, стоял у входа в палату. Услышав мой крик, он повернулся и скрестил руки. Он смотрел на меня серьезно, опустив брови.

Понимая, что сейчас бесполезно начинать хоть какой-то разговор, я упала на подушку и начала думать об Алексе. Всё ли с ним в порядке? Где он? Почему все молчат?

Мозг начал отходить от наркоза. «Я люблю тебя. И ничто этого не изменит...» пронеслось в голове. Я задумчиво нахмурила брови.

– Этого быть не может... – медленно произнесла я.

– Что ты говоришь, Мишель? – спросила мама, вытирая лицо платком.

– Мам, а где Алекс? Мне нужно с ним поговорить.

– Девочка моя... Алекс ударился головой о лобовое стекло, он перенес тяжелую операцию...

– Мам, где Алекс? – уже громче спросила я.

– Мишель, я не уверена, что это хорошая идея...

– А я не уверена, что лежать здесь и ждать непонятно чего – хорошая идея. Алекс там, и я ему нужна, – пересиливая боль в конечностях, я встала с кровати, облокотившись на правую руку – левая была в гипсе.

– Ты никуда не пойдешь, – сказал папа.

Я остановилась у входа в палату и осмотрела комнату. Я заметила календарь, висевший над кроватью. Сегодня пятнадцатое июля. Сегодня мой день рождения.

– Ты не можешь мне запретить. Сегодня мне исполнилось восемнадцать, и с этого момента я сама буду решать, что делать. Сейчас я иду к Алексу, – сказала я и через пару секунд добавила, – твои слова мне больше не указ.

Я вышла из палаты и медленно подошла к стойке регистрации в центре большого больничного холла.

– Где лежит Алекс Глоу?

– Девушка, вам сейчас рекомендован постельный режим, – засуетилась медсестра.

– Где Алекс Глоу? – со злостью просипела я.

– Девушка, вернитесь в палату... – она снова зашебетала знакомую песню, а я опустила глаза на стол. Там лежал журнал пациентов. «Палата 17/реанимационная – Глоу».

Я развернулась и быстро зашагала по коридору в противоположную от моей палаты сторону, а медсестра продолжила перебирать карты.

Когда я была у входа в семнадцатую палату, она увидела меня выбежала из-за стойки. Но я уже открыла дверь. Алекс лежал на большой кровати. Рядом стояла капельница, на мониторе двигались несколько зеленых линий. Из окна ярко светило солнце. Я подошла поближе и закрыла жалюзи.

– Алекс... – сказала я, садясь на угол кровати. – Ну ничего, мы справимся... – Я взяла его за руку.

Алекс пошевелил пальцами и приоткрыл глаза.

– Привет, Алекс, – я сжала его руку крепче и улыбнулась.

Он улыбнулся в ответ и тихо сказал:

– Привет... А ты кто?

АННОТАЦИЯ КНИГИ «ПЕШКОМ ДО ЛУНЫ»

Мишель выпал удивительный шанс – в свои семнадцать она попала на стажировку в крупнейшее в городе агентство организации вечеринок. Теперь у неё две совершенно разные жизни: утром – уроки, контрольные и прочие «прелести» школы, а вечером – сумасшедшие тусовки в компании новых друзей.

Мишель утопает в море алкогольного опьянения и гонораров, первой узнает главные сплетни, встречается с самым популярным парнем в школе, но вместе с тем знакомится с преступниками, врёт родителям, ругается с младшей сестрой, прогуливает школу и попадает в неприятности. Как ей прожить две жизни, не разрушив ни одной, найти настоящую любовь и добиться желаемого, не захлебнувшись в грязи и лицемерии «большого города»?